Роман в письмах

Маяковский и Брик

История великой любви в письмах

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Двадцать лет назад впервые была издана переписка В.Маяковского и Л.Брик. Книга «Любовь – это сердце всего» разлетелась в один миг. Данное издание представляет собой полную версию переписки великого поэта и его музы.

История любви Лили Брик и Владимира Маяковского – это история любви-болезни. Недаром говорится "гений не без порока": многие из известных людей использовали допинг. Кто-то пил, кто-то употреблял наркотики, для Маяковского единственным возможным допингом была любовь.

Лиля Брик отбила Маяковского у собственной сестры, привела его в семью, и вплоть до самой смерти поэта они так и жили втроем: Лиля и Осип Брики и Маяковский. В их отношениях было все: от нежных признаний, которые Владимир писал своей возлюбленной, до предательства, на которое решилась Лиля, чтобы удержать поэта. Женщины и мужчины, интрижки на стороне и яркие романы, встречи и расставания… Можно только догадываться о том, что на самом деле руководило их чувствами и поступками, но одно известно точно – любовь Маяковского и Брик – это одна из самых ярких и красивых историй любви XX столетия.

- Маргарита Смородинская
  - Введение
  - Роман в письмах
  - Заключение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Маргарита Смородинская
Маяковский и Брик. История великой любви в письмах

Введение

«Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору —
а доказать ничего не умею!»
Музыканты смеются:
«Влип как!
Пришел к деревянной невесте!
Голова!»
А мне – наплевать!
Я – хороший.

В. Маяковский. «Скрипка и немножко нервно», 1914 год

История любви Владимира Маяковского и Лили Брик – одна из тех историй, которые вызывают смесь любопытства и недоумения. Здесь намного больше вопросов, чем ответов. Какие только эпитеты не приклеивали к любви, случившейся между Маяковским и Лилей Брик. Сумасшедшая, ненормальная, больная, маниакальная, развратная и так далее. Но она была! И, может быть, только благодаря ей Маяковский написал лучшие свои стихи, ведь почти все они в первые годы после знакомства с Лилей были посвящены именно ей. Их отношения были далеко непростыми. Эти «больные» отношения помогали поэту, так искренне писать и жить, что уже не первое поколение людей зачитывается его стихами и удивляется, откуда появились эти поистине фантастические слова, заставляющие сердца замирать от восхищения. Лиля Брик была своего рода психостимулятором для В. Маяковского.

Я часто размышляла о том, смогла бы стать для Маяковского вдохновительницей другая женщина, не такая, как Лиля Брик. Покладистая, уступчивая, домашняя, такая, рядом с которой ему было бы просто хорошо и уютно, такая, которая не ставила бы ему условий, соглашалась с ним во всем. Однозначно нет. Маяковскому нужны были страсти. Он и сам об этом говорил. В его понимании любовь – это муки ревности, недоверия, постоянные переживания и боль. Так понимал поэт любовь. Такое чувство могла подарить ему только Лиля. Каждое событие,

которое происходит с нами в жизни, так или иначе влияет на то, какими мы становимся. Лиля была самым важным «событием» в жизни Маяковского. Благодаря ей он стал великим поэтом.

Когда я читала переписку между Владимиром Маяковским и Лилей Брик, я часто ловила себя на мысли, что возмущаюсь поведением этой женщины. Как она могла так обращаться с самим Маяковским? Она практически держала его на коротком поводке. Многие исследователи творчества Маяковского пишут о том, что Лиля, навсегда привязав его к себе и греясь в лучах его славы, практически сделала вклад в свое бессмертие. Кто бы вспомнил о ней, если бы она не была музой Маяковского? Сама она не сделала ничего, что могло бы увековечить ее в памяти людей. Но о ней пишут и говорят чуть ли не больше, чем о самом Маяковском. Могла ли она предполагать такое, когда была с ним в отношениях? Конечно, могла. Впрочем, об истинных мотивах Лили нам остается только догадываться. О таких вещах человек не напишет ни в одном своем дневнике. Лиля дожила до 74-х лет, успела написать несколько книг, оставить после себя многочисленные интервью, дневники и мемуары, но самое сокровенное, я уверена, эта женщина унесла с собой.

Владимир Владимирович Маяковский. 1912 г.

Отношения «Лиля – Осип – Владимир» даже для славного любовными экспериментами начала XX века казались нездоровыми. Мать Лили, привыкнув к бунтарству дочери, все равно так и не признала этого союза.

Лиля и Владимир Маяковский познакомились, когда Лиля уже была замужем. Это не помешало им завязать роман, да еще и жить втроем в одной квартире.

То, что и Лиля Брик, и Владимир Маяковский были неординарными личностями, не вызывает никаких сомнений. Оба

вызывали неподдельный интерес у противоположного пола, имели свободные взгляды на вопросы любви. Поведение Маяковского было эпатажным, вызывающим, нахальным. Возможно, именно это и было его беспроигрышной фишкой в отношениях с женщинами. Лиля была довольно раскрепощенной в сексуальном плане. Но для того времени это было нормально, ведь как раз тогда произошла сексуальная революция. Отношение к сексу в начале XX века было свободным настолько, что, по словам одного писателя, образованные женщины могли вспоминать о любовном приключении так же пренебрежительно, как «о случайном знакомстве» или о меню в ресторане, где они ужинали».

Однажды, когда Лиля с Осипом были в Туркменистане, они зашли в самаркандский бордель. Вот что писала Лиля о своих впечатлениях после этого посещения:

«Улица эта вся освещена разноцветными фонариками, на террасах сидят женщины, большей частью татарки, играют на инструментах вроде мандолин и гитар. Тихо, и нет пьяных. Мы зашли к самой знаменитой и богатой. Она живет со старухой матерью. В спальне под низким потолком протянуты веревки, и на веревках висят все ее шелковые платья. Все по-восточному, только посередине комнаты двуспальная никелированная кровать.

Принимала она нас по-сартски. Низкий стол весь уставлен фруктами и разнообразными сладостями на бесчисленных тарелочках, чай – зеленый. Пришли музыканты, сели на корточки и заиграли, а хозяйка наша затанцевала. Платье у нее серое до пят, рукава такие длинные, что не видно даже рук, и закрытый ворот, но когда она начала двигаться, оказалось, что застегнут один воротник, платье разрезано почти до колен, а застежки никакой. Под платьем ничего не надето, и при малейшем движении мелькает голое тело».

Пока Осип служил в автомобильной роте, Лили скучала. Она целыми днями прогуливалась по городу.

«Однажды во время прогулки она столкнулась с двумя молодыми людьми из московского бомонда и отправилась вместе с ними в оперетту. Потом они продолжили вечер в ресторане, где выпили много вина, Лили опьянела и рассказала об их с Осипом приключениях в парижском борделе. Спутники предложили показать ей подобное заведение в Петрограде, и следующим утром она проснулась в комнате с огромной кроватью, зеркалом на потолке, коврами и задернутыми шторами – она провела ночь в знаменитом доме свиданий в Аптекарском переулке. Спешно вернувшись домой, она рассказала обо всем Осипу, который

спокойно сказал, что ей нужно принять ванну и обо всем забыть»[1].

Если Осип благодаря своему характеру совершенно спокойно относился к прошлому своей жены Лили, ко всем ее случайным связям и романам, с Маяковским все было не так просто. Он был ужасно ревнив. Все его стихи 1915–1916 годов буквально насквозь пропитаны мучительным чувством ревности.

В. В. Катанян в своей книге о Лиле Брик пишет:

«Однажды он попросил рассказать ему о ее свадебной ночи. Она долго отказывалась, но он так неистово настаивал, что она сдалась. Она понимала, что не следует говорить ему об этом, но у нее не было сил бороться с его настойчивостью. Она не представляла, что он может ревновать к тому, что произошло в прошлом, до их встречи. Но он бросился вон из комнаты и выбежал на улицу, рыдая. И, как всегда, то, что его потрясло, нашло отражение в стихах»:

Нет.
Это неправда.
Нет!
и ты?
Любимая,
за что,
за что же?!
Хорошо —
я ходил,
я дарил цветы,
я ж из ящика не выкрал серебряных ложек!
Белый,
сшатался с пятого этажа.
Ветер щеки ожег.
Улица клубилась, визжа и ржа.
Похотливо взлазил рожок на рожок.
Вознес над суетой столичной одури
строгое —
древних икон —
чело.
На теле твоем – как на смертном одре —
сердце
дни
кончило.
В грубом убийстве не пачкала рук ты.
Ты
уронила только:

«В мягкой постели
он,
фрукты,
вино на ладони ночного столика».
Любовь!
Только в моем
воспаленном
мозгу была ты!
Глупой комедии остановите ход!
Смотрите —
срываю игрушки-латы
я,
величайший Дон-Кихот!

Из стихотворения «Ко всему» (впервые опубликовано в августе 1916 года в альманахе «Стрелец» под названием «Анафема»)

И Владимир Маяковский, и Лиля Брик были очень эффектными. Они нравились людям, буквально притягивали их к себе своим обаянием.

У меня в душе ни одного седого волоса, и старческой нежности нет в ней! Мир огромив мощью голоса, иду – красивый, двадцатидвухлетний.

«Облако в штанах»

Вот как описывает Соня Шамардина Маяковского, с которым познакомилась в 1913 году, когда Владимиру было 20 лет:

«Высокий, сильный, уверенный, красивый. Еще по-юношески немного угловатые плечи, а в плечах косая сажень. Характерное движение плеч с перекосом – одно плечо вдруг подымается выше и тогда правда – косая сажень.

Большой, мужественный рот с почти постоянной папиросой, передвигаемой то в один, то в другой уголок рта. Редко – короткий смех его.

Мне не мешали в его облике его гнилые зубы. Наоборот – казалось, что это особенно подчеркивает его внутренний образ, его «свою красоту».

Особенно, когда он – нагловатый, со спокойным презрением к ждущей скандалов уличной буржуазной аудитории – читал свои стихи: «А все-таки», «А вы могли бы?», Красивый был. Иногда спрашивал: «Красивый я, правда?»

Его желтая, такого теплого цвета кофта. И другая – черные и желтые полосы. Блестящие сзади брюки с бахромой. Руки в карманах…

Он любил свой голос, и часто, когда читал для себя, чувствовалось, что слушает себя и доволен: «Правда, голос хороший?.. Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего»… Льется глубокий, выразительный, его особого, маяковского тембра голос».

Вот что писала Мария Никифоровна Бурлюк[2] о Маяковском, с которым ей довелось пообщаться в сентябре 1911 г.:

«Маяковский тех уже далеких лет был очень живописен. Он был одет в бархатную черную куртку с откладным воротником. Шея была повязана черным фуляровым галстухом; косматился помятый бант; карманы Володи Маяковского были всегда оттопыренными от коробок с папиросами и спичками.

Маяковский был высокого роста, со слегка впалой грудью, с длинными руками, оканчивающимися большими кистями, красными от холода; голова юноши была увенчана густыми черными волосами, стричь которые он начал много позже; с желтыми щеками лицо его отягчено крупным, жадным к поцелуям, варенью и табаку ртом, покрытым большими губами; нижняя во время разговора кривилась на левую сторону. Это придавало его речи, внешне, характер издевки и наглости. Во рту юноши уже тогда не было «красоты молодости», белых зубов, а при разговоре и улыбке виднелись лишь коричневые изъеденные остатки кривеньких гвоздеобразных корешков. Губы В. Маяковского всегда были плотно сжаты.

Решимость, настойчивость, нежелание компромисса, соглашательства. Часто в уголках рта вздувались белые пузырьки слюны. В те годы крайней бедности поэта – в уголках рта

делались заеды.

Это был юноша восемнадцати лет, с линией лба упрямого, идущего напролом навыков столетий. Необычайное в нем поражало сразу; необыкновенная жизнерадостность и вместе, рядом – в Маяковском было великое презрение к мещанству; палящее остроумие; находясь с ним – казалось, что вот ступил на палубу корабля и плывешь к берегам неведомого.

Из-за надвинутой до самых демонических бровей шляпы его глаза пытливо вонзались во встречных, и их недовольство ответное интересовало юношу. – Что смотрят наглые, бульварно-ночные глаза молодого апаша!.. А Маяковский оглядывался на пропадавшие в ночь фигуры.

Трудно сказать, любили ли люди (людишки никогда) Владимира Маяковского… Вообще любили его только те, кто знали, понимали, разгадывали, охватывали его громаднейшую, выпиравшую из берегов личность. А на это были способны очень немногие: Маяковский «запросто» не давался.

Маяковский-юноша любил людей больше, чем они его».

А вот как описывает Лили ее сестра Эльза[3]:

«У нее был большой рот с идеальными зубами и блестящая кожа, словно светящаяся изнутри. У нее была изящная грудь, округлые бедра, длинные ноги и очень маленькие кисти и стопы. Ей нечего было скрывать, она могла бы ходить голой, каждая частичка ее тела была достойна восхищения. Впрочем, ходить совсем голой она любила, она была лишена стеснения. Позднее, когда она собиралась на бал, мы с мамой любили смотреть, как она одевается, надевает нижнее белье, пристегивает шелковые чулки, обувает серебряные туфельки и облачается в лиловое платье с четырехугольным вырезом. Я немела от восторга, глядя на нее».

А такой Лилю увидела в 1914 году балерина Александра Доринская:

«Среднего роста, тоненькая, хрупкая, она являлась олицетворением женственности. Причесанная гладко, на прямой пробор, с косой, закрученной низко на затылке, блестевшей естественным золотом своих воспетых… «рыжих волос». Ее глаза… были карими и добрыми; довольно крупный рот, красиво очерченный и ярко накрашенный, открывал при улыбке ровные приятные зубы. Бледные, узкие, типично женские руки, с одним только обручальным кольцом на пальце, и маленькие изящные ножки, одетые с тонким вкусом, как, впрочем, и вся она, в умелом сочетании требований моды с индивидуальностью подхода к ней. Дефектом внешности Лили Юрьевны можно было бы посчитать несколько крупную голову и тяжеловатую нижнюю часть лица, но,

может быть, это имело свою особую прелесть в ее внешности, очень далекой от классической красоты».

О невероятном обаянии Лили Брик свидетельствует один интересный факт. В 1924 году у Маяковского в Киеве был роман с Натальей Рябовой. Вполне естественно, что девушка испытывала заочную неприязнь к Лиле Брик. После гибели Маяковского Наталья Рябова не желала общаться с Лилей, считая ее виновной в трагедии поэта. Работая над подготовкой собрания сочинений Маяковского, она поставила условие – никакого общения с Лилей. Однако встреча все же произошла, и Наталья Федоровна после первой же беседы попала под обаяние прежней соперницы. До конца жизни они оставались подругами. Свои воспоминания о Маяковском Н. Рябова посвятила Лиле.

Лиля Юрьевна Брик. 1914 г.

А вот что рассказывала о Лиле Брик Галина Катанян, женщина, которую в 1938 году муж бросил из-за Лили:

«Мне было двадцать три года, когда я увидела ее впервые. Ей – тридцать девять.

В этот день у нее был такой тик, что она держала во рту костяную ложечку, чтобы не стучали зубы. Первое впечатление – очень эксцентрична и в то же время очень «дама», холеная, изысканная и – боже мой! – да она ведь некрасива! Слишком

большая голова, сутулая спина и этот ужасный тик…

Но уже через секунду я не помнила об этом. Она улыбнулась мне, и всё лицо как бы вспыхнуло этой улыбкой, осветилось изнутри. Я увидела прелестный рот с крупными миндалевидными зубами, сияющие, теплые, ореховые глаза. Изящной формы руки, маленькие ножки. Вся какая-то золотистая и бело-розовая.

В ней была «прелесть, привязывающая с первого раза», как писал Лев Толстой о ком-то в одном из своих писем.

Если она хотела пленить кого-нибудь, она достигала этого очень легко. А нравиться она хотела всем – молодым, старым, женщинам, детям… Это было у нее в крови.

И нравилась <…>

Когда-то я очень любила ее.

Потом ненавидела, как только женщина может ненавидеть женщину».

Для того чтобы лучше понять магическое действие Лили на мужчин, приведу высказывания о ней ее современников – мужчин.

«Она умела быть грустной, капризной, женственной, гордой, пустой, непостоянной, умной и какой угодно», – вспоминал один из её современников.

А вот заметки из дневника Н. Н. Пунина:

1920 год. 20 мая

Лиля Б.

Зрачки ее переходят в ресницы и темнеют от волнения; у нее торжественные глаза; есть наглое и сладкое в ее лице с накрашенными губами и темными веками, она молчит и никогда не кончает… Муж оставил на ней сухую самоуверенность, а Маяковский – забитость…

25 мая

…Если потеряешь такую красивую женщину, с такими темными и большими глазами, с таким красивым дрожащим ртом, с таким легким шагом, такую сладкую и томящую, такую необходимую и такую неприемлемую, как неприемлемы условия мира, – легко станет отдавать себя всем вещам и всем людям, которыми больше не дорожишь».

Знакомство Маяковского и Лили Брик началось благодаря тому, что Маяковский некоторое время ухаживал за ее сестрой Эльзой. Он бывал в ее доме, был знаком с родителями и приводил их в ужас своими футуристическими выходками. Лиле тогда было 13 лет.

Вот что пишет сама Лиля Брик о своем первом знакомстве с

Владимиром Маяковским в своих воспоминаниях:

«С Маяковским познакомила меня моя сестра Эльза в 1915 году, летом в Малаховке. Мы сидели с ней и с Левой Гринкругом вечером на лавочке возле дачи.

Огонек папиросы. Негромкий ласковый бас:

– Элик! Я за вами. Пойдем погуляем?

Мы остались сидеть на скамейке.

Мимо прошла компания дачников. Начался дождь. Дачный дождик, тихий, шелестящий. Что же Эля не идет?! Отец наш смертельно болен. Без нее нельзя домой. Где, да с кем, да опять с этим футуристом, да это плохо кончится…

Сидим как проклятые, накрывшись пальто. Полчаса, час… Хорошо, что дождь не сильный, и плохо, что его можно не заметить в лесу, под деревьями. Можно не заметить и дождь, и время.

Нудный дождик! Никакого просвета! Жаль, темно, не разглядела Маяковского. Огромный, кажется. И голос красивый».

Следующая встреча, с которой и началась история любви Маяковского и Лили Брик, произошла в июле 1915 года на квартире Бриков в Петрограде. Лиля уже была замужем. На тот момент Лили (на самом деле возлюбленную Маяковского звали именно так – Лили, Лилей стал называть её сам поэт) было 24 года.

Сам Маяковский так писал о дне знакомства с Лилей в своей автобиографии: «Радостнейшая дата. Июль 915-го года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками».

У Лили умер отец. Она приехала из Москвы в Питер с похорон, а Владимир Маяковский как раз возвратился из Финляндии. Когда он пришел к Брикам домой, он был совсем не тем, каким запомнила его Лиля со своей первой встречи. В нем не осталось никакой развязности. Это был совершенно другой человек. И в этот вечер он читал «Облако в штанах». Он читал его так, что все слушали, затаив дыхание. А он «жаловался, негодовал, издевался, требовал, впадал в истерику, делал паузы между частями». Лиля пишет в своих воспоминаниях: «Мы обалдели. Это было то, что мы так давно ждали. Последнее время ничего не могли читать. Вся поэзия казалась никчемной – писали не так и не про то, а тут вдруг и так, и про то…

О. М. спросил, где будет напечатана поэма, и бурно возмутился, когда узнал, что никто не хочет печатать ее. А сколько стоит самим напечатать? Маяковский побежал в ближайшую типографию и узнал, что тысяча экземпляров обойдется (насколько помню) в 150 рублей, причем деньги не сразу, – можно в рассрочку. Осип Максимович вручил

Маяковскому первый взнос и сказал, что остальное достанет. Маяковский унес рукопись в типографию…

С этого дня Ося влюбился в Володю, стал ходить вразвалку, заговорил басом и написал стихи, которые кончались так:

Я сам умру, когда захочется,
И в список добровольных жертв
Впишу фамилию, имя, отчество
И день, в который буду мертв.
Внесу долги во все магазины,
Куплю последний альманах
И буду ждать свой гроб заказанный,
Читая «Облако в штанах».

Будучи вполне обеспеченным деловым человеком, Осип Максимович Брик разглядел в молодом человеке поэтический талант и заинтересовался им. Поэма «Облако в штанах» была издана на деньги Оси. Посвящение к поэме краткое: «Тебе, Лиля». С этих пор Маяковский все свои произведения посвящал Лиле Брик; позже, в 1928 году, с публикацией первого собрания сочинений, В. Маяковский посвятит ей и все произведения до 1915 года – года их знакомства. Посвящение на собрании сочинений будет еще более лаконичным и очень «маяковским»: «Л.Ю.Б.».

Знакомство, состоявшееся в июле 1915 года, переросло в дружбу, и в скором времени Владимир Маяковский стал постоянным гостем в доме Бриков. Они были очарованы его творчеством, а он окончательно и бесповоротно полюбил Лилю.

Слева направо: младшая сестра Лили Эльза, Осип Брик, Лиля Брик

История Маяковского и Лили – история любви на троих. Отмечу что в предисловии ко второй редакции своих воспоминаний Лиля Брик написала: «Во избежание недоразумений скажу, что я больше года не была женой О. Брика, когда связала свою жизнь с Маяковским. Ни о каком «menage a

trois» не могло быть и речи. Когда я сказала Брику о том, что Владимир Владимирович и я полюбили друг друга, он ответил: я понимаю тебя, только давай никогда не будем с тобой расставаться. Это я пишу для того, чтобы было понятно все последующее».

В истории есть много примеров тройственных любовных союзов, но этот, пожалуй, самый неоднозначный. Как могли мирно уживаться друг с другом два мужчины, два соперника, предметом обожания которых была одна и та же женщина? Причем они не просто терпели друг друга – их связывали намного более теплые отношения, чем даже простая дружба. В письмах Маяковский и Осип Брик называют друг друга ласковыми словами, бесконечно обнимают друг друга и целуют. В чем же тут секрет? Как мне кажется, ответ кроется вот в этих строчках-признании Лили Брик: «Я люблю его <Осю> с детства. Он неотделим от меня. <…> Эта любовь не мешала моей любви к Володе. Наоборот, если бы не Ося, я любила бы Володю не так сильно. Я не могла не любить Володю, если его так любил Ося. Он говорил, что Володя для него не человек, а событие. Володя во многом перестроил Осино мышление, взял его с собой в свой жизненный путь, и я не знаю более верных друг другу, более любящих друзей и товарищей» (Л. Брик. «Пристрастные рассказы»). В. В. Катанян по этому поводу писал: «Это признание ЛЮ всегда вызывало шок у окружающих, но ничуть не смущало ее. Бывало ощущение, что она даже бравировала этим своим абсолютно искренним и непоколебимым признанием».

Как мне кажется, для понимания отношений между Лилей Брик и Владимиром Маяковским надо знать историю отношений Лили и Осипа. Лили начала встречаться с Осипом, когда ей было тринадцать, а ему шестнадцать лет. Осип учился в 3-й московской гимназии и был мечтой всех гимназисток, его имя вырезали на школьных партах. Юная Лили Каган произвела на Осипа глубокое впечатление. «Ося стал мне звонить по телефону, – рассказывала Лили. – Я была у них на елке. Ося провожал меня домой и по дороге, на извозчике, вдруг спросил: А не кажется вам, Лиля, что между нами что-то больше, чем дружба? Мне казалось, я просто об этом не думала, но мне очень понравилась формулировка, и от неожиданности я ответила: «Да, кажется». Повстречавшись какое-то время, Осип понял, что ошибался в силе своих чувств, и они расстались. Потом отношения возобновились. «Я хотела быть с ним ежеминутно», – писала Лиля и делала «все то, что 17-летнему мальчику должно было казаться пошлым и сентиментальным: когда Ося садился на окно, я немедленно оказывалась в кресле у его ног, на диване я садилась рядом и

брала его за руку. Он вскакивал, шагал по комнате и только один раз за все время, за ½ года, должно быть, Ося поцеловал меня как-то смешно, в шею, шиворот-навыворот».

Вот что написал в своей книге «Я» для меня мало» Б. Янгфельдт: «Лето 1906 года Лили провела на курорте Фридрихрода в Тюрингии вместе с матерью и младшей сестрой Эльзой. Осип обещал писать каждый день, но, несмотря на ее многочисленные и отчаянные напоминания, знать о себе не давал. Когда же долгожданное письмо, наконец, пришло, в нем содержалось нечто такое, что заставило Лили разорвать его в клочья и прекратить писать самой. Именно на это Осип и надеялся, Лили же его холодные фразы повергли в шок: у нее стали выпадать волосы и начался лицевой тик, от которого она никогда не избавилась. Спустя несколько дней после возвращения в Москву они случайно встретились на улице. Осип обзавелся пенсне, ей показалось, что он постарел и подурнел. Они говорили о пустяках, Лили старалась казаться безразличной, но вдруг она услышала собственные слова: «А я вас люблю, Ося». Несмотря на то, что он ее бросил, она понимала, что любит только его и никогда не полюбит другого. В последующие годы у нее будет много романов, несколько раз она едва не выйдет замуж, но стоило ей снова встретить Осипа – и она немедленно расставалась с поклонником: «Мне становилось ясным даже после самой короткой встречи, что я никого не люблю кроме Оси».

Почему-то на этот факт отвергнутой юношеской любви Лили мало кто обращает внимания, но ведь такие сильные впечатления юности откладывают глубокий отпечаток на личность и всю последующую жизнь человека. Отвергнутая в юности Лили всю свою жизнь своими многочисленными романами с отнюдь не самыми малозначимыми людьми пыталась доказать всем, а в первую очередь самой себе, что она женщина, которая может кружить головы мужчинам, заставлять их делать отчаянные поступки и влюбляться в нее окончательно и бесповоротно. И самым главным доказательством ее женской привлекательности был Маяковский. С помощью него она доказывала свою власть над мужчинами. Будучи лишенной этой власти над Осипом Бриком, Лиля нашла способ выместить свои комплексы, и объект для этого нашелся самый подходящий – масштабная фигура Маяковского.

Но давайте с вами вернемся в 1915 год. 8 октября Маяковского призвали в армию. Начиная с 16 сентября 1915 года, Маяковский служил чертежником в Петроградской автомобильной роте, куда он устроился благодаря связям Бриков. Кстати говоря, благодаря Брикам Маяковский получил многое,

его жизнь в корне поменялась. Он вошел в новую для себя социальную и культурную среду. Он стал хорошо одеваться, подстриг свои длинные волосы, обзавелся тростью, снял свою знаменитую желтую кофту, ему вставили новые зубы. Он быстро перенял манеры Бриков, быстро вписался в их круг.

Брики тоже во многом поменяли уклад своей жизни и свои интересы. Они стали усиленно интересоваться литературой. «До этого времени у нас к литературе интерес был пассивный. Правда, в студенческие времена, еще до того, как мы поженились, Ося с двумя товарищами надумали заработать деньги и написали роман под заглавием: «Король борцов». <…> Главным образом мы читали друг другу вслух: «Преступление и наказание», «Братьев Карамазовых», «Идиота», «Войну и мир», «Анну Каренину», «Заратустру», «In vino veritas» Киркегора, «Кота Мура» (Л. Брик. «Пристрастные рассказы»).

Владимир Маяковский, Лиля Брик, Борис Пастернак, Сергей Эйзенштейн

С 1915 года квартиру Бриков-Маяковского постоянно посещали известные литераторы, друзья Маяковского: Велимир Хлебников, Давид Бурлюк, Василий Каменский, Николай Асеев, позже – Сергей Есенин, Всеволод Мейерхольд, Максим Горький, Борис Пастернак, а также зампред ОГПУ Я.С. Агранов. Душой и естественным центром «салона» была, разумеется, сама хозяйка, Лиля Брик. Помимо литературных дел и разговоров в этом доме

увлекались карточной игрой, причем играли почти каждый вечер – в винт, покер, «тетку», «железку». Самыми азартными игроками были Маяковский, Брики и Л. А. Гринкруг[4]. На входной двери во время игры часто вывешивали плакат: «Сегодня Брики никого не принимают».

Всей этой веселой компанией встречали новый 1916-й год.

«Новый, 16-й, год мы встретили очень весело. Квартирка у нас была крошечная, так что елку мы подвесили в угол под потолок («вверх ногами»). Украсили ее игральными картами, сделанными из бумаги – Желтой кофтой, Облаком в штанах. Все мы были ряженые: Василий Каменский раскрасил себе один ус, нарисовал на щеке птичку и обшил пиджак пестрой набойкой. Маяковский обернул шею красным лоскутом, в руке деревянный, обшитый кумачом кастет. Брик в чалме, в узбекском халате. Шкловский в матроске. У Виктора Ховина вместо рубашки была надета афиша «Очарованного странника». Эльзе парикмахер соорудил на голове волосяную башню, а в самую верхушку этой башни мы воткнули высокое и тонкое перо, достающее до потолка. Я была в шотландской юбке, красные чулки, голые коленки и белый парик маркизы, а вместо лифа – цветастый русский платок. Остальные – чем чуднее, тем лучше! Чокались спиртом пополам с вишневым сиропом. Спирт достали из-под полы. Во время войны был сухой закон» (Л. Брик. «Пристрастные рассказы»).

В середине января вышла отдельным издание поэма «Флейта-позвоночник», посвященная Лиле Брик.

«Писалась «Флейта» медленно, каждое стихотворение сопровождалось торжественным чтением вслух. Сначала стихотворение читалось мне, потом мне и Осе, и наконец всем остальным. Так было всю жизнь со всем, что Володя писал» (Л. Брик. «Пристрастные рассказы»).

Любовь Маяковского к Лиле Брик была огромна, и переживал он ее гиперболически, как это было ему свойственно. Об этом пишет сама Лиля Брик: «Володя не просто влюбился в меня – он напал на меня, это было нападение. Два с половиной года не было у меня спокойной минуты – буквально».

24 мая 1916 года Маяковский получил отпуск на 20 дней в Военно-автомобильной школе. И уже 26 мая он написал стихотворение «Лиличка! Вместо письма». Это стихотворение по праву занимает особое место в лирике Маяковского, но стихотворение так и не было опубликовано при жизни поэта. Впервые оно было напечатано только в 1953 году в первом томе полного собрания сочинений Маяковского.

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в крученыховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои исступленно гладил…

Интересно, что около строчки «руки твои исступленно гладил» в экземпляре из собрания Лили Брик ее рукой приписано: «Очень похоже на М-го: вместо «руки» сначала было «ноги». Но он, хотя и прочел мне «ноги», но написать, видно, рука не повернулась. Он был очень целомудрен в проявлении своих чувств».

Первые два-три года знакомства были трудными и для Лили Брик, и для Маяковского. Поэт в своих стихах обожествлял Лилю, а она раздражалась, устав от его безмерной любви. После стихотворения «Лиличка!» Маяковский написал поэму «Дон Жуан». «Я не знала о том, что она пишется. Володя неожиданно прочел мне ее на ходу, на улице, наизусть – всю. Я рассердилась, что опять про любовь – как не надоело! Володя вырвал рукопись из кармана и пустил по Жуковской улице по ветру». (Л. Брик. 1934).

Зимой 1917–1918 гг. произошла первая длительная разлука между Маяковским и Лилей Брик. Ему тогда пришлось уехать в Москву, где он пробылоколо шести месяцев. Тогда и начался тот великий роман в письмах, который по праву может считаться вершиной эпистолярного жанра. Их переписка – самое искреннее из возможных произведений искусства, ведь это творчество самой Жизни. Многие свои письма Маяковский, Лиля и Осип Брики подписывали рисунками. Маяковский в их совместной жизни был щенком (некоторые письма подписаны «Щен», «Щеник», «Счен» и т. д.) и ставил в конце некоторых писем рисунок щенка. Лиля Брик была кошечкой (подписывалась «Киса», «Кисик», «Кисит» и т. д.) и даже сделала специальную печать с кошечкой. Осип Брик был котом (подписывался «Кис», «Кислит», «Кэс» и т. д.).

В своих воспоминаниях Лиля писала: «Володя научил меня любить животных. Позднее в Пушкине на даче мы нашли под забором дворняжьего щенка. Володя подобрал его, он был до того грязен, что Володя нес его домой на вытянутой руке, чтобы не перескочили блохи. Дома мы его немедленно вымыли и напоили молоком до отвала. Живот стал такой толстый и тяжелый, что щенок терял равновесие и валился набок. Володя назвал его Щен.

Выросла огромная красивая дворняга. Зимой 1919 года, когда мы страшно голодали, Володя каждое утро ходил со Щенкой в мясную и покупал ему фунт конины, которая съедалась тут же около лавки…

В ту зиму нам пришлось уехать недели на две, и Владимир Владимирович отвез на это время Щенку к знакомым.

В первый же день, как вернулись, поехали за ним.

Мы позвонили у двери, но Щен не ответил на звонок обычным приветственным лаем…

Нас впустили – Щен не вылетел встречать нас в переднюю…

Владимир Владимирович, не раздеваясь, шагнул в столовую.

На диване, налево, сидела тень Щена. Голова его была повернута в нашу сторону. Ребра наружу. Глаза горят голодным блеском. – Так представляют себе бродячих собак на узких кривых улицах в Старом Константинополе.

Никогда не забуду лицо Владимира Владимировича, когда он увидел такого Щена. Он кинулся, прижал его к себе, стал бормотать нежные слова.

И Щеник прижался к нему и дрожал.

Опять ехали на извозчике, и Владимир Владимирович говорил:

– «Нельзя своих собаков отдавать в чужие нелюбящие руки. Никогда не отдавайте меня в чужие руки. Не отдадите?»

Через несколько дней Щенка отошел и стал лучше прежнего…

Лиля Брик и Щен.

«В ту зиму нам пришлось уехать недели на две, и Владимир Владимирович отвез на это время Щенку к знакомым. В первый же день, как вернулись, поехали за ним. Мы позвонили у двери, но Щен не ответил на звонок обычным приветственным лаем…» Из воспоминаний Л. Брик

Щенке был год, когда он пропал, и разнесся слух, что его убили. Володя поклялся застрелить убийцу, если узнает его имя. Володя вспомнил добрым словом «собаку Щеника» во 2-й части

«Хорошо».

А прозвище Щен Маяковский получил после одного случая.

«Маяковский задумал прочесть доклад о футуризме.

Для этой цели выбрали самую большую из знакомых квартир – художницы Любавиной, позвали всех: Горького, Кульбина, Матюшина. Володя несколько дней готовился, ходил, «размозолев от брожения», и записывал доклад как стихи.

Народу собралось человек тридцать, расселись. Володя ждал в соседней комнате, как за кулисами. Все затихло, и перед публикой появился оратор. Он стал в позу и произнес слишком громко: «Милостивые государи и милостивые государыни», – все улыбнулись, Володя выкрикнул несколько громящих фраз, умолк, чуть не заплакал и ушел из комнаты.

Сгоряча он не рассчитал, что соберутся друзья, что орать не на кого и не за что, что придется делать доклад в небольшой комнате, а не агитировать на площади. Его успокаивали, утешали, поили чаем. Совсем он был еще тогда щенок, да и внешностью ужасно походил на щенка: огромные лапы и голова, – и по улицам носился, задрав хвост, и лаял зря, на кого попало, и страшно вилял хвостом, когда провинится. Мы его так и прозвали Щеном, – он даже в телеграммах подписывался Счен, а в заграничных Schen. Телеграфисты недоумевали, и почти на каждой его телеграмме есть служебная приписка: «да – счен, верно – счен, странно – счен» (Л. Брик. «Пристрастные рассказы»).

В марте 1918 года Маяковский написал для кинофирмы «Нептун» сценарий «Не для денег родившийся» по роману Джека Лондона «Мартин Иден». В этой картине он снимался в главной роли поэта Ивана Нова. В апреле Маяковский работал уже над другим фильмом «Барышня и хулиган». Снимали без сценария по повести Э. Де Амичис «Учительница рабочих». Маяковский исполнил в этом фильме главную роль хулигана. Картина былая снята в очень короткие сроки, всего за одну-две недели. Вышла на экран в мае, почти одновременно с «Не для денег родившийся». Фильм «Барышня и хулиган», в отличие от «Не для денег родившигося», сохранился до нашего времени.

В апрельском письме Лиля писала Маяковскому о том, что она хочет вместе с ним сняться в синематографе. Маяковский пообещал исполнить желание любимой. В первой половине мая он написал сценарий «Закованная фильмой» («Легенда кино») для кинокомпании «Нептун».

«Владимир выдумал блестящий сценарий – «Закованная фильмой». Живой человек влюбляется в заэкранную женщину. Она сходит к нему с экрана, и вот условная женщина живет среди живых людей. Но экранным людям без нее скучно. Они

подстерегают ее и опять ловят ее на пленку, а живой человек бросается в поиски за ней, проникает в заэкранную жизнь. И вот он, живой, трехмерный человек, среди киноперсонажей – ковбоев, сыщиков и т. д.», – писала Лиля Брик в своих воспоминаниях.

Маяковский играл в этой картине главную роль художника. Он сам сделал для этой картины рекламный плакат. Картина была закончена в начале июня.

Сохранилось от нее лишь несколько коротких эпизодов.

Тема фильма, так же как и многих стихотворений Маяковского, – неразделенная любовь. Тот факт, что героиня – балерина, подчеркивает автобиографический характер сценария (Лиля увлекалась балетом и в конце 1915 года стала брать уроки у Александры Доринской, до войны выступавшей в Русском балете Дягилева в Париже) и ставит в один ряд с другими произведениями из цикла «Тебе, Лиля».

Всем участникам постановки этой незаурядной кинопьесы очень понравился придуманный Маяковским сюжет. К сожалению, кинолента не сохранилась. Не оказалось в архивах поэта и сценария, написанного им в 1918 году. Лишь в 1970-е годы было обнаружено несколько забракованных кусков этого фильма.

«Бесконечно обидно, что он (сценарий) не сохранился, – пишет Лиля Брик в своих воспоминаниях. – Не сохранился и фильм, по которому можно было бы его восстановить. Мучительно, что я не могу вспомнить название страны, которую едет искать Художник, герой фильма. Помню, что он видит на улице плакат, с которого исчезла Она – Сердце Кино, после того как Киночеловек – этакий гофманский персонаж – снова завлек ее из реального мира в кинопленку. Присмотревшись внизу, в уголке плаката, к напечатанному петитом слову, Художник с трудом разбирает название фантастической страны, где живет та, которую он потерял. Слово это вроде слова «Любландия». Оно так нравилось нам тогда! Вспомнить я его не могу, как нельзя иногда вспомнить счастливый сон». (Л. Брик. «Пристрастные рассказы»).

По словам Л. Ю. Брик Маяковский предполагал написать (но не написал) вторую серию фильма, сюжетом которой должна была стать жизнь художника в заэкранном мире – в той фантастической стране, населенной героями фильмов, на поиски которой он отправляется в финале «Закованной фильмой».

«После «Закованной фильмой» поехали в Левашово, под Петроград. Сняли три комнаты с пансионом.

Там Маяковский написал «Мистерию-буфф».

Он весь день гулял, писал пейзажи, спрашивал, делает ли успехи в живописи.

Пейзажи маленькие, одинакового размера – величины этюдника. Изумрудные поляны, окруженные синими елями. Они лежали потом, свернутые в трубку, в квартире на улице Жуковского и остались там и пропали вместе с книгами и мебелью, когда мы переехали в Москву.

По вечерам играли в карты, в «короля», на «позоры». Составили таблицу проигрышей.

Столько-то проигранных очков – звать снизу уборщицу; больше очков – мыть бритву; еще больше – жука ловить (найти красивого жука и принести домой); еще больше – идти за газетами на станцию в дождь.

Играли на мелок, и часто одному кому-нибудь приходилось несколько дней подряд мыть бритву, ловить жуков, бегать за газетами в любую погоду.

Кормили каждый день соленой рыбой с сушеным горошком. Хлеб и сахар привозила из города домработница Поля. Поля пекла хлеб в металлических коробках из-под бормановского печенья «Жорж» – ржаной, заварной, вкусный.

Владимир Маяковский и Лиля Брик в главных ролях в киноленте «Закованная фильмой»

За табльдотом Маяковский сидел в конце длинного стола. А в другом конце сидела пышная блондинка. Когда блондинка уехала, на ее место посадили некрасивую худую старую деву. Маяковский взялся было за ложку, но поднял глаза и испуганно пробормотал: «Где стол был яств, там гроб стоит».

Ходили за грибами. Грибов много, но одни сыроежки, зато

красивые, разноцветные. Отдавали на кухню жарить.

Между пейзажами, «королем», едой и грибами Маяковский читал нам только что написанные строчки «Мистерии». Читал весело, легко. Радовались каждому отрывку, привыкали к вещи, а в конце лета неожиданно оказалось, что «Мистерия-буфф» написана, и что мы знаем ее наизусть.

Известно, что Маяковский не прекращал работу даже на людях – на улице, в ресторане, за картами, везде. Но он любил тишину, наслаждался ею и тогда, в Левашове, и потом в Пушкине, когда часами бродил по лесу. Ему работалось легче, он меньше уставал, чем в прославленном «шуме города».

Осенью надо было возвращаться в город, а платить за пансион нечем. Продали художнику Бродскому мой портрет, написанный Борисом Григорьевым в 16-м году, огромный, больше натуральной величины. Я лежу на траве, а сзади что-то вроде зарева. Маяковский называл этот портрет «Лиля в разливе».

В октябре того года, после Левашова, Маяковский снял на улице Жуковского маленькую квартиру на одной лестнице с нами. Ванна за недостатком места – в коридоре. В спальне – тахта и большое зеркало в розовой бархатной раме, одолженное у знакомых». (Л. Брик. «Пристрастные рассказы»).

Позже Лиля Брик писала: «Только в 1918 г. я могла с уверенностью сказать Осипу Максимовичу (Брику) о нашей (с Маяковским) любви. С 1915 г. мои отношения с О. М. перешли в чисто дружеские, и эта любовь не могла омрачить ни мою с ним дружбу, ни дружбу Маяковского и Брика. Все мы решили никогда не расставаться и прожили жизнь близкими друзьями. <…> Я любила, люблю и буду любить Осю больше, чем брата, больше, чем мужа, больше, чем сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах. Эта любовь не мешала моей любви к Володе».

1919 год выдался голодным. Вот что писала Лиля Брик об этом времени: «В 1919 году, в голодные дни, я переписала старательно от руки «Флейту-позвоночник», Маяковский нарисовал к ней обложку. На обложке мы написали примерно так: «В. Маяковский. «Флейта-позвоночник». Поэма. Посвящается Л. Ю. Брик. Переписала Л. Брик. Обложка В. Маяковского». Маяковский отнес эту книжечку в какой-то магазин на комиссию, ее тут же купил кто-то, и мы два дня обедали» (Л. Брик. «Пристрастные рассказы»).

Лиля Брик принимала участие в деятельности Маяковского, когда он устроился рисовать плакаты окон РОСТА:

«Летом сняли дачу в Пушкине, под Москвой. Адрес: «27 верст по Ярославской ж. д., Акулова гора, дача Румянцевой». Избушка на курьих ножках, почти без сада, но терраса выходила на

большой луг, направо – полный грибов лес. Кругом ни домов, ни людей. Было голодно. Питались одними грибами. На закуску – маринованные грибы, суп грибной, иногда пирог из ржаной муки с грибной начинкой. На второе – вареные грибы, жарить было не на чем, масло в редкость.

Каждый вечер садились на лавку перед домом смотреть закат.

В следующее лето в Пушкине было написано «Солнце».

Утром Маяковский ездил в Москву, на работу в РОСТА. В поезде он стоял у окна с записной книжкой в руке или с листом бумаги; бормотал и записывал заданный себе урок – столько-то стихотворных строк для плакатов РОСТА.

В 1919 году Маяковский увидел на Кузнецком «Окно сатиры РОСТА» и пошел к заведующему П. М. Керженцеву.

В РОСТА работал художник Мих. Мих. Черемных. Он и придумал делать такие «окна». Керженцев отослал Маяковского к Черемных. Сговорились и вместо одного фельетона или стихотворения и иллюстраций к ним, как делали раньше, стали делать на каждом плакате по нескольку рисунков с подписями.

Производство разрослось. Черемных назначили заведующим отделом плаката «Окон РОСТА». За два с половиной года открыли отделения во многих городах. Стали работать почти все сколько-нибудь советски настроенные художники. Запосещали иностранцы. Японцы через переводчика спрашивали, кто тут Маяковский, и почтительно смотрели снизу вверх.

Работали весело. Керженцев любил нас и радовался каждому удачному «окну».

Для рисования нам давали рулоны бракованной газетной бумаги. Обрезали и подклеивали ободранные края. Удобно! Ошибешься – и заклеишь, вместо того чтобы стирать.

Техника такая: Маяковский делал рисунок углем, я раскрашивала его, а он заканчивал – наводил глянец. В большой комнате было холодно. Топили буржуйку старыми газетами и разогревали поминутно застывающие краски и клей. Маяковский писал десятки стихотворных тем в день. Отдыхали мало, и один раз ночью он даже подложил полено под голову, чтобы не разоспаться. Черемных рисовал до 50 плакатов в сутки. Иногда от усталости он засыпал над рисунком и утверждал, что, когда просыпался, плакат оказывался дорисованным по инерции. Днем Маяковский и Черемных устраивали «бега». Нарезали каждый 12 листов бумаги и по данному мной знаку бросались на них с углем, наперегонки, по часам на Сухаревой башне. Они были видны в окно.

Количество рисунков на плакате одного «окна РОСТА» было

от двух до шестнадцати.

Художественный отдел – на особом финансовом положении. Натиск со стороны художников такой, что заведующий финчастью ставил мальчика у дверей своего кабинета, чтобы предупреждал об их пришествии. Когда мальчик видел приближающихся гуськом Маяковского, Черемных и Малютина, он орал истошным голосом: «Художники идут!» – и заведующий успевал улизнуть в другую дверь.

Каждая перемена ставок шла через Союз. Маяковский и Черемных носили туда образцы плакатов. Выбирали кажущиеся самыми сложными. Например, фабрика со множеством окон. По правде говоря, они были самые простые и рисовали их молниеносно, по линейке, крест-накрест. Но вид весьма эффектный, внушительный. Художники спрашивали: ну как, по-вашему, сколько времени надо, чтобы сделать такой плакат?

– Дня три.

– Что вы! Окон одних сколько, ведь каждое нарисовать надо!

Была в нашем отделе и ревизия. Постановили, что Черемных – футурист и надо его немедленно уволить. Маяковского в этом не заподозрили! Он горячо отстаивал Черемных и отстоял.

Читайте железные книги!
Под флейту золоченой буквы
полезут копченые сиги
и золотокудрые брюквы.
«Вывескам»

Количество художников все прибывало, хотя отбор был

строгий, и не только по признакам художественности. Один, например, принес очень недурно нарисованного красноармейца с четырехконечной звездой на шапке. Маяковский возмутился, заиздевался, и художник этот был изгнан с позором.

Размножались «окна» трафаретным способом, от руки. В первую очередь трафареты посылались в самые отдаленные пункты страны. Следующие – в более близкие. Оригинал висел в Москве на следующий день после события, к которому относилась тема. Через две недели «окна» висели по всему Союзу. Быстрота, тогда неслыханная даже для литографии.

Вслед за РОСТА мы стали получать заказы от ПУРа, транспортников, МКХ («Береги трамвай»), Наркомздрава («Прививай оспу!», «Не пей сырой воды!»), горняков.

Когда горняки принимали первые плакаты «Делайте предложения», им не понравилось, что рабочие красные, «будто в крови». Маяковский спросил: «А в какой же их цвет красить, по-вашему?» – «Ну в черный, например». – «А вы тогда скажете – «будто в саже».

Приняли красных.

Педагоги заказали азбуку. Черемных попробовал нарисовать два «окна»; им не понравилось, что азбука «политическая», и заказ аннулировали.

Умирание наше началось, когда отдел перевели в Главполитпросвет и заработали лито-, цинко– и типографии. Дали сначала две недели ликвидационные, потом еще две недели, а вскоре и совсем прикрыли» (Л. Брик. «Пристрастные рассказы»).

В сентябре 1920 года Маяковский и Брики после второго проведенного в Пушкино лета переехали в Водопьяный переулок, д. 3, кв. 4, на углу Мясницкой. Они получили две комнаты в коммунальной квартире, которая до уплотнения принадлежала семье Гринбергов.

С осени 1921-го года по весну 1922 года Лиля Брик жила в Риге. Там она пыталась добиться визы, чтобы выехать к матери в Англию. В то время она устраивала издательские дела Маяковского и Брика. Из Риги она присылала Льву Гринкругу, а также своим «зверикам» (так она называла Маяковского и Осипа Брика) продукты (сельдь, кофе, какао, шоколад, овсяную кашу, муку, сало, конфеты и гаванские сигары) и практичные вещи (костюмные ткани, подтяжки для носков, бритвы и резиновые чашки). Маяковский заказывал ей резиновую «таз-ванну», но Лиля не смогла ее найти. Дело в том, что Маяковский был очень мнительным и никогда не пользовался ванной в гостиничном номере, всегда устанавливал свою собственную походную.

Патологическая любовь к чистоте у Маяковского появилась неспроста. Его отец умер от укола иголки. С тех пор он всегда носил с собой собственное мыло, без конца дезинфицировал руки и даже в ресторанах пил с той стороны стакана, к которой не прикасались губами.

Лиле не была свойственна супружеская верность. Даже находясь в отношениях с Маяковским и являясь женой Осипа Брика, она заводила многочисленные романы. Не было счета ее случайным связям. Во время поездки в Ригу она писала такие письма, из которых видно, что Лиля боится потерять Маяковского. Нет большего раба, чем господин. Хозяйка боялась потерять своего верноподданного. Ее страх был вызван, по всей видимости, тем, что до нее дошли слухи о любовных похождениях Владимира. О своей осведомленности она поспешила сообщить ему в письмах, а заодно и отчитать за нехорошее поведение.

Во время пребывания Лили в Риге Маяковский написал поэму «Люблю», которая отражает отношения между Маяковским и Лилей этой поры так же, как и «Флейта-позвоночник» и другие стихотворения дают представление об их связи в военные годы.

Пришла —
деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть —
как девочка мячиком.
И каждая —
чудо будто видится —
где дама вкопалась,
а где девица.
“Такого любить?
Да этакий ринется!
Должно, укротительница.
Должно, из зверинца!”
А я ликую.
Нет его —
ига!
От радости себя не помня,
скакал,

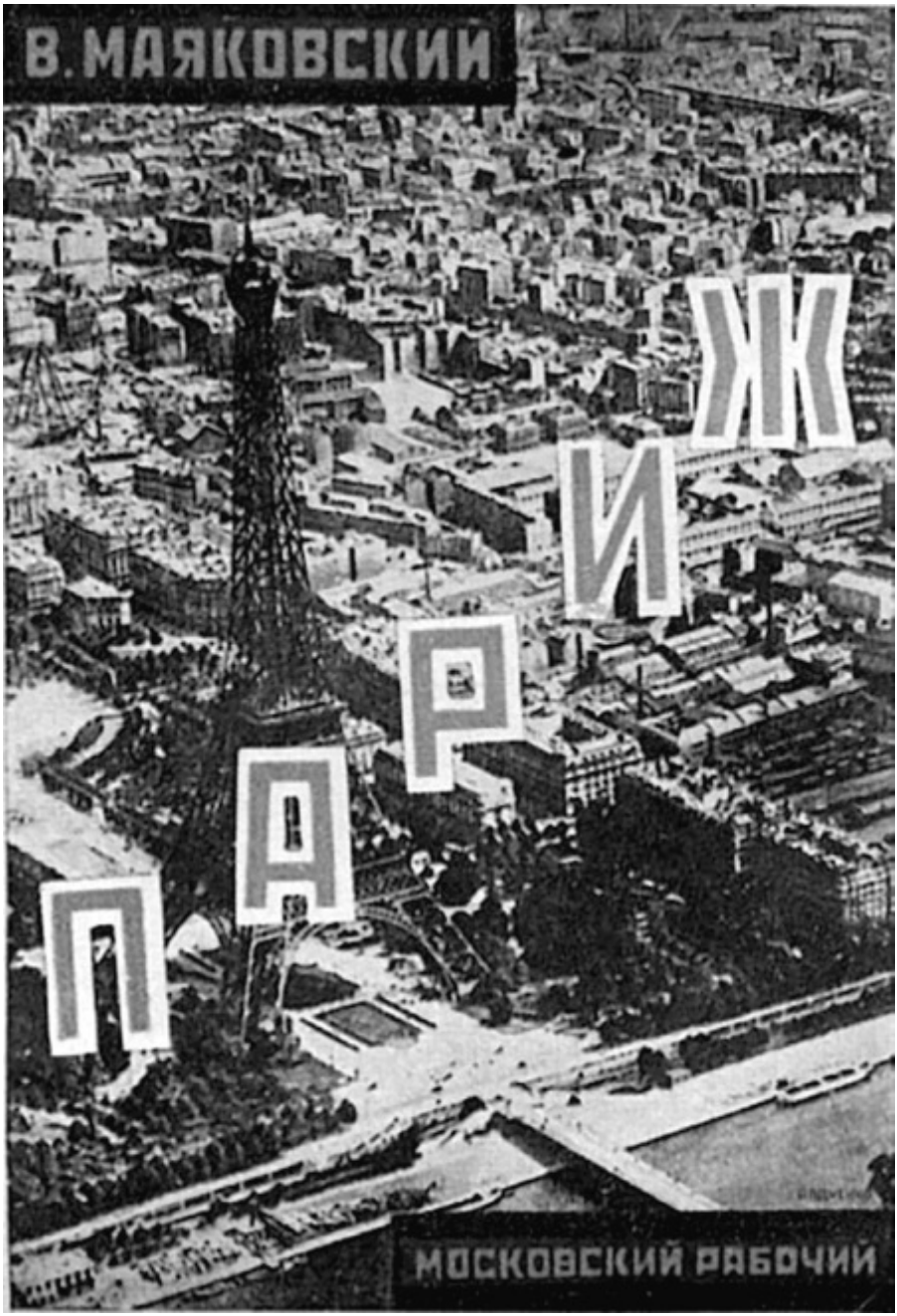
индейцем свадебным прыгал,
так было весело,
было легко мне.

В мае 1922 года Маяковский первый раз побывал за границей. По приглашению, устроенному Лилей, он ездил туда читать свои стихи. В этом же году он несколько раз побывал в Берлине и Париже. Посмотреть города ему так и не удалось. Все время своего нахождения там Маяковский провел в гостиничном номере, играя в азартные игры. Лилю это очень раздражало, так как женщина вела совершенно другой образ жизни, прогуливаясь по городу, посещая выставки, музеи, но ничего с этим поделать она не могла – азарт был у Маяковского в крови. Он играл всегда и везде. Причем, совершенно не важно было во что играть. Главное – азарт. В крайнем случае, он мог спорить, например, на то, какой номер будет у ближайшего трамвая – четный или нечетный.

Вот что писала Лиля о том, как они проводили время в Берлине:

«Не помню, почему я оказалась в Берлине раньше Маяковского. Помню только, что очень ждала его там. Мечтала, как мы будем осматривать чудеса искусства и техники.

Поселились мы в «Курфюрстен – отеле», где потом всегда останавливался Маяковский, когда бывал в Берлине.



Сборник стихотворений, созданный под впечатлением от поездки во Францию в 1922–1924 гг.

Но посмотреть удалось мало.

У Маяковского было несколько выступлений, а остальное время… Подвернулся карточный партнер, русский, и Маяковский дни и ночи сидел в номере гостиницы и играл с ним в покер.

Выходил, чтобы заказать мне цветы – корзины такого размера, что они с трудом пролезали в двери, или букеты, которые он покупал вместе с вазами, в которых они стояли в витринах цветочного магазина. Немецкая марка тогда ничего не стоила, и мы с нашими деньгами неожиданно оказались богачами.

Утром кофе пили у себя, а обедать и ужинать ходили в самый дорогой ресторан «Хорхер», изысканно поесть и угостить товарищей, которые случайно оказывались в Берлине. Маяковский платил за всех, я стеснялась этого, мне казалось, что он похож на купца или мецената. Герр Хорхер и кельнер называли его «герр Маяковски», старались всячески угодить богатому клиенту, и кельнер, не высказывая удивления, подавал ему на сладкое пять порций дыни или компота, которые дома, в сытые, конечно, времена Маяковский привык есть в неограниченном количестве. В первый раз, когда мы пришли к Хорхеру и каждый заказал себе после обеда какой-нибудь десерт, Маяковский произнес: «Их фюнф порцьон мелоне и фюнф порцьон компот. Их бин эйн руссишер дихтер, бекамт им руссишем ланд, мне меньше нельзя».

Из Берлина Маяковский ездил тогда в Париж по приглашению Дягилева. Через неделю он вернулся, и началось то же самое.

Так мы прожили два месяца».

В конце 1922 года Маяковский давал два выступления в Политехническом музее – «Что делает Берлин?» и «Что делает Париж?». Рассказывать об этих городах Маяковскому пришлось с чужих слов, так как все его впечатления сводились к впечатлениям от азартных игр. Именно тогда начался кризис в отношениях между Маяковским и Лилей Брик.

«В день выступления – конная милиция у входа в Политехнический. Маяковский пошел туда раньше, а я – к началу. Он обещал встретить меня внизу. Прихожу – его нет. Бежал от несметного количества не доставших билета, которых уже некуда ни посадить, ни даже поставить. Обо мне предупредил в контроле, но к контролю не прорваться. Кто-то как-то меня протащил.

В зале давка. Публика усаживается по два человека на одно место. Сидят в проходах на ступенях и на эстраде, свесив ноги. На эстраде – в глубине и по бокам – поставлены стулья для знакомых.

Под гром аплодисментов вышел Маяковский и начал рассказывать – с чужих слов. Сначала я слушала, недоумевая и огорчаясь. Потом стала прерывать его обидными, но, казалось мне, справедливыми замечаниями.

Я сидела, стиснутая на эстраде. Маяковский испуганно на меня косился. Комсомольцы, мальчики и девочки, тоже сидевшие на эстраде, свесив ноги, и слушавшие, боясь пропустить слово. Возмущенно и тщетно пытались остановить меня. Вот, должно быть, думали они, буржуйка, не ходила бы на Маяковского, если ни черта не понимает… Так они приблизительно и выражались.

В перерыве Маяковский ничего не сказал мне. Но Долидзе, устроитель этих выступлений, весь антракт умолял меня не скандалить. После перерыва он не выпустил меня из артистической. Да я и сама уже не стремилась в зал. Дома никак не могла уснуть от огорчения. Напилась веронала и проспала до завтрашнего обеда.

Маяковский пришел обедать расстроенный, мрачный. «Пойду ли завтра на его вечер?» – «Нет, конечно». – «Что ж, не выступать?» – «Как хочешь».

Маяковский не отменил выступления.

На следующее утро звонят друзья, знакомые: почему вас не было? не больна ли? Не могли добиться толку от Владимира Владимировича… Он мрачный какой-то… Жаль, что не были… Так интересно было, такой успех…

Маяковский чернее тучи.

Длинный был у нас разговор, молодой, тяжкий.

Оба мы плакали. Казалось, гибнем. Всё кончено. Ко всему привыкли – к любви, к искусству, к революции. Привыкли друг к другу, к тому, что обуты-одеты, живем в тепле. То и дело чай пьем. Мы тонем в быту. Мы на дне. Маяковский ничего настоящего уже никогда не напишет…

Такие разговоры часто бывали у нас последнее время и ни к чему не приводили. Но сейчас, еще ночью, я решила – расстанемся хоть месяца на два. Подумаем о том, как же нам теперь жить.

Маяковский как будто даже обрадовался этому выходу из безвыходного положения. Сказал: «Сегодня 28 декабря. Значит, 28 февраля увидимся», – и ушел».

За эти два месяца Маяковский и Лиля должны были обдумать не только свои взаимоотношения, но и отношение к быту, любви, ревности, инерции обихода и т. д. Они решили не видеться и не переписываться друг с другом. На самом же деле они обменивались письмами и записками, передаваемыми через других людей. Как вспоминает Л. Брик: «Я сердилась на него и на себя, что мы не соблюдаем наших условий, но была не в силах не отвечать ему, очень сильно его любила, и иногда у нас возникала почти «переписка».

Несмотря на то, что Маяковский никогда не был обделен

женским вниманием, он патологически ревновал Лилю и не оставлял ее все время своего заточения: он часами прятался в парадной, карауля ее, писал ей бесконечные письма и записки, присылал цветы, книги и даже птиц в клетке. В ответ же он получал лишь краткие записки.

Маяковский переживал разлуку гораздо мучительнее Лили, которая, в отличие от него, жила эти месяцы нормальной жизнью. Его постоянные метания между радостью и надеждой, с одной стороны, и сомнениями и отчаянием – с другой, запечатлены в переписке.

Именно в условиях этого добровольного двухмесячного домашнего ареста Маяковский написал поэму «Про это». В этот период им было написано и несколько других вещей, которые вышли в печать в первые месяцы 1923 г.

Во время своего сидения в «комнатенке-лодочке» в Лубянском проезде Маяковский не только писал любовные письма Лиле Брик, но еще и по окончании работы над поэмой «Про это», которую он закончил на месяц раньше запланированного срока, вел дневник. Лиля Брик пишет: «После Володиной смерти я нашла в ящике его письменного стола в Гендриковом переулке пачку моих писем к нему и несколько моих фотографий. Все это было обернуто в пожелтевшее письмо – дневник ко мне, времени «Про это». Володя не говорил мне о нем».

Лиля Брик. 1907 г.

Лиля Брик попросила Галину Катанян перепечатать письмо – дневник. Галина Дмитриевна вспоминает: «Несколько слов о письме – дневнике времени написания «Про это». Это документ

необычайной важности. Написано оно на той же сероватой, большого формата бумаге, сложенной тетрадью, на которой написана и вся поэма. <…>…у меня было странное ощущение, будто я совершаю святотатство, заглядываю в какие-то глубины творческого процесса, куда никто не допускается. <…>

Когда происходила передача архива Государственной комиссии, дневник этот был затребован Асеевым, который знал о нем. Но Лиля Юрьевна отказалась его отдать, сказав, что это личное письмо, ей адресованное, и она имеет право его не отдавать. Так оно и было.

Она положила его на хранение в ЦГАЛИ. Многие страницы оттуда Лиля Юрьевна включила в свои «Воспоминания».

Но не все…»

Мы не располагаем полным текстом документа, а по некоторым данным Лиля Юрьевна вырвала и навсегда уничтожила некоторые страницы из этого дневника. Так что же за тайну скрывали эти страницы, если Лиля Брик не решилась их оставить? К сожалению, этого мы не узнаем никогда.

В 2000 году истек срок запрета на ознакомление с письмом – дневником, но В. В. Катанян продлил его еще на 25 лет, так что эта тайна еще долго будет оставаться тайной. Нам остается только домысливать, но истина где-то там, на этих страницах, то ли уничтоженных, то ли лежащих в архивах и дожидающихся своего часа.

Мне показался интересным тот факт, что Осип Брик был учеником приват – доцента Московского университета Михаила Гернета, исследовавшего проблемы психологии человека, оказавшегося в одиночном заключении, и влиянии ситуации на душу заключенного, его психику. Говорит ли о чем-то этот факт – не знаю, но сам по себе в связи со сложившейся тогда ситуацией он очень любопытен и, несомненно, наводит на некоторые мысли.

28 февраля, когда истек срок «заключения», Маяковский вместе с Лилей Брик выехал в Петроград на несколько дней, чтобы побыть вместе. «Приехав на вокзал, я не нашла его на перроне. Он ждал на ступеньках вагона. Как только поезд тронулся, прислонившись к двери, Володя прочел мне поэму «Про это». Прочел и облегченно расплакался.

Не раз в эти два месяца я мучила себя упреками за то, что Володя страдает в одиночестве, а я живу обыкновенной жизнью, вижусь с людьми, хожу куда-то. Теперь я была счастлива. Поэма, которую я только что услышала, не была бы написана, если б я не хотела видеть в Маяковском свой идеал и идеал человечества. Звучит, может быть, громко, но тогда это было именно так» (Л. Брик, 1956).

1924 год стал переломным в отношениях между Маяковским и Лилей Брик. Намек на это есть в стихотворении «Юбилейное», написанное к 125-летию со дня рождения Пушкина, 6 июня 1924 г.:

Я
теперь
свободен
от любви
и от плакатов.
Шкурой
ревности медведь
лежит когтист.

Сохранилась записка от Лили Брик к Маяковскому, в которой она пишет, что не испытывает больше прежних чувств к нему, добавляя: «Мне кажется, что и ты любишь меня много меньше, и очень мучиться не будешь». Одна из причин этой перемены очевидна. В 1922 году у Лили начался роман с Александром Михайловичем Краснощековым, который тогда являлся председателем Промбанка и заместителем Наркомфина. Об этом романе говорила вся Москва. В сентябре 1923 года Краснощеков был арестован по обвинениям в злоупотреблении властью и присужден к тюремному заключению.

Разрыв между Маяковским и Брик стал настоящей сенсацией в широких кругах. Шкловский докладывал Роману Якобсону в Прагу: «Внимание! Лиля разошлась с Маяковским. Она влюблена (навернула) в Кр. Эльзе этого не сообщай, если вообще с ней сообщаешься».

В начале октября 1924 года, до поездки Маяковского в Париж, он с Бриками переехал из Водопьяного переулка в Сокольники; Моссовет под предлогом, что у поэта есть рабочая комната в Лубянском проезде, отнял у него помещение в Водопьяном переулке. Маяковский и Брики судились по этому поводу, но отстоять ее не удалось; осталась только одна комната в коммунальной квартире. В их квартире всегда было много народа, к тому же помещение в Водопьяном переулке служило мастерской для Лефа, поэтому они вынуждены были искать новое жилье. Пришлось на время переехатьна зимнюю дачу в Сокольники, в которой прожили потом полтора года. Оставшуюся комнату в Водопьяном переулке они сохранили за собой для переночевок. К ним прибавился еще один член семьи, дочь Краснощекова Луэлла. Она жила и воспитывалась у Маяковского и Бриков, пока отец сидел в тюрьме.

Всю осень 1924 года Маяковский провел в Париже, а в мае 1925 года снова поехал во Францию, а оттуда в Мексику и США. Эта поездка была самая дальняя и длительная в его жизни. Маяковский провел за границей ровно полгода.

В Нью-Йорке Маяковский познакомился с Элли Джонс (Елизаветой Петровной Зиберт), которая летом 1926 года родила от него дочь.

В конце октября Лиля Брик ездила на курорт в Италию. Маяковский должен был присоединиться к ней по пути домой. Получить итальянскую визу было трудно, поэтому они встретились в Берлине и оттуда вместе вернулись в Москву.

Обложка к поэме Маяковского «Про это». Фотохудожник А. Родченко

После возвращения Маяковского из Америки отношения между ним и Лилей Брик окончательно перешли в новую фазу. Лиля писала, что «характер наших отношений изменился».

Отношения между Маяковским и Брик никогда не были простыми. В предыдущие два-три года их любовь подверглась серьезным испытаниям. Их интимная жизнь закончилась, но, тем не менее, они прожили вместе еще семь лет.

Роман в письмах

В. Маяковский – Л. и. О. Брикам

<Середина декабря 1917 г. Москва – Петроград>

Дорогой дорогой Лилик!

Милый милый Осик!

«Где ты[5] желанная

где отзовися»

Вложив всю скорбь молодой души в эпиграф перешел к фактам.

Москва, как говорится, представляет из себя сочный налившийся плод который Додя Каменский и я ревностно обрываем. Главное место обрывания «Кафэ Поэтов». Кафэ пока очень милое и веселое учреждение. («Собака» первых времен по веселью!) Народу битком. На полу опилки. На эстраде мы (теперь «я» Додя и Вася до Рожд. уехали. Хужее). Публику шлем к чертовой матери. Деньги делим в двенадцать часов ночи. Вот и все.

Футуризм в большом фаворе.

Выступлений масса. На Рожд. будет «Елка футур<истов>». Потом «Выбор трех

триумфаторов поэзии». Веду разговор о чтении в Политехническом «человека».

Все заверте.

Масса забавного но к сожалению мимического в виду бессловесности персонажей.

Представьте себе на пр. Высоцкого Маранца и Шатилова (Банки то ведь закрыты!) слушающих внимательнейше Додичкино «Он любил ужасно мух у которых жирный зад» Миллион новых людей. Толкуче и бездумно. Окруженный материнской заботливостью Левы Южный фонд безмятежно и тихо растет. На юг еще трудно.

Как Лиличкина комната Асис-кадемия и другие важнейшие вещи? Прочел в «Новой жизни» дышащее благородством Оськино письмо. Хотел бы получить такое же. Я живу:

Москва Петровка Салтыковский пер. «Сан-Ремо» к. № 2

В. В. Маяковский.

Буду часто выходить за околицу и грустный закрывая исхудавшею ладонью косые лучи заходящего солнца глядеть в даль не появится ли в клубах пыли знакомая фигура почтальона. Не доводите меня до этого!

Целую Лилиньку

Целую Оську

Ваш Володя
Пасе и Шуре мои овации
Привет Поле и Нюше

Л. Брик – В. Маяковскому

<31 декабря 1917 г. Петроград – Москва>

Милый мой Володенька, я страшно бываю рада, когда ты пишешь.

У меня совсем заболели нервы. Мы уезжаем в Японию. Привезу тебе оттуда халат. Ноги болят, но я уже танцую.

Питер надоел так, как еще ничего в жизни не надоедало. Оська сам напишет тебе про свои дела.

Шура делал Пасе предложение с тем условием, чтобы она везла его на свой счет в Японию. Я была все время в ужасной тоске. Теперь повеселела – после того как мы окончательно решили ехать.

Ты написал что-нибудь новое?

Я совсем не выхожу. Не бываю даже в балете в свой абонемент, – такие сугробы!

Шура просит передать тебе свое родительское благословение.

Сегодня открывается «Привал». Идет Кузминский водевиль. Я не пойду.

У Кузмина очень милые новые стихи на музыку Лурье – веселые. Напиши мне поскорее. Обнимаю тебя крепко и целую.

Твоя Лиля.

А я вчера в обморок упала!!!!!!!!!

Только что решили дней через десять, до отъезда в Японию – быть в Москве

В. Маяковский – Л. и О. Брикам

<Первая половина января 1918 г. Москва – Петроград>

Дорогой дорогой дорогой Лилик
Милый милый милый Осюха

До 7-го я Вас ждал (умница еще на вокзал не ходил). Значит не будете. Лева от вас получил грустное. Что с вами милые? Пишите пожалуйста! А то я тоже человек.

У меня по старому. Живу как цыганский романс: днем валяюсь, ночью ласкаю ухо. Кафэ омерзело мне. Мерзкий клоповничек. Эренбург и Вера Имбер слегка еще походят на поэтов но и об их деятельности правильно заметил Койранский

Дико воет Эренбург
Одобряет Имбер дичь его
Ни Москва ни Петербург

Я развыступался. Была Елка Футуристов в политехническом. Народище было как на Советской демонстрации. К началу вечера выяснилось что из 4-х объявленных на афише не будет Бурлюка Каменского а Гольцшмит отказывается. Вертел ручку сам. Жутко вспомнить. Читал в Цирке. Странно. Освистали Хенкина с его анекдотами а меня слушали и как! В конце января читаю в Политехническом «Человека».

Бойко торгую книгами. Облако в Штанах 10 р. Флейта 5 р. Пущенная с аукциона Война и мир 140 р. Принимая в соображение цены на вино за гостиницу не хватает. Все женщины меня любят. Все мужчины меня уважают. Все женщины липкие и скушные. Все мужчины прохвосты. Лева конечно не мужчина и не женщина.

Давид Бурлюк и Владимир Маяковский в фильме «Не для денег родившийся». 1918 г.

На Юг-г-г-г-г!
Пишите!
Как личикино колено?
Целую всех Вас сто раз
Ваш *Володя*
К лицу ли Шурке пороход?

Рвусь издать «человека» и Облачко дополненное. Кажется, выйдет

Письмо Ваше получил 4-го января

Л. Брик – В. В. Маяковскому

<Начало марта 1918 г. Петроград Москва>

Милый мой милый щененок! Целую тебя за книжки. «Человека» я уже помню наизусть. Оська тоже читает его с утра до вечера.

Ты мне сегодня всю ночь снился: что ты живешь с какой-то женщиной, что она тебя ужасно ревнует и ты боишься ей про меня рассказать. Как тебе не стыдно, Володенька?

Я все время больна, у меня жар; хочу даже доктора звать.

Как твое здоровье? Отчего ты не пишешь мне? Напиши и дай Леве – он отправит через артель.

Ося весь день в «Вечерней звезде». Газета идет блестяще.

у меня все время было гнусное настроение. Последние два дня развеселили немецкие аэропланы.

Я очень по тебе скучаю. Не забывай меня.

Лиля.

В. Маяковский – Л. Брик

<До 15 марта 1918 г. Москва – Петроград >

Дорогой, любимый, зверски милый Лилик!

Отныне меня никто не сможет упрекнуть в том, что я мало читаю, – я все время читаю твое письмо.

Не знаю, буду ли я от этого образованный, но веселый я уже.

Если рассматривать меня как твоего щененка, то скажу тебе прямо – я тебе не завидую, щененок у тебя неважный: ребро наружу, шерсть, разумеется, клочьями, а около красного глаза, специально, чтоб смахивать слезу, длинное облезшее ухо.

Естествоиспытатели утверждают, что щененки всегда становятся такими, если их отдавать в чужие нелюбящие руки.

Не бываю нигде.

От женщин отсаживаюсь стула на три, на четыре – не надышали б чего вредного.

Спасаюсь изданием. С девяти в типографии. Сейчас издаем «Газету футуристов».

Спасибо за книжечку. Кстати: я скомбинировался с Додей относительно пейзажа, взятого тобой, так что я его тебе дарю.

Сразу в книжечку твою написал два стихотвор<ения>. Большое пришлю в газете (которое тебе нравилось) – «Наш марш», а вот маленькое:

ВЕСНА

Город зимнее снял.
Снега распустили слюнки.
Опять пришла весна,
глупа и болтлива как юнкер.

В. Маяковский

Это, конечно, разбег.

Больше всего на свете хочется к тебе. Если уедешь куда, не видясь со мной, будешь плохая.

Пиши, детанька.

Будь здоров, милый мой Лучик!

Целую тебя, милый, добрый, хороший,

твой Володя

В этом больше никого не целую и никому не кланяюсь – это из цикла «тебе, Лиля». Рад был поставить на «Человеке» «тебе, Лиля»!

В. Маяковский – Л. Брик

<Конец марта 1918 г. Москва – Петроград>

Дорогой и необыкновенный Лиленок!

Не болей ты, христа ради! Если Оська не будет смотреть за тобой и развозить твои легкие (на этом месте пришлось остановиться и лезть к тебе в письмо, чтоб узнать, как пишется: я хотел «лехкие») куда следует, то я привезу к вам в квартиру хвойный лес и буду устраивать в оськином кабинете море по собственному моему усмотрению. Если же твой градусник будет лазить дальше, чем тридцать шесть градусов, то я ему обломаю все лапы.

Впрочем, фантазии о приезде к тебе объясняются моей общей мечтательностью. Если дела мои, нервы и здоровье будут идти так же, то твой щененок свалится под забором животом вверх и, слабо подрыгав ножками, отдаст богу свою незлобивую душу.

Если же случится чудо, то недели через две буду у тебя!

Картину кинемо кончаю. Еду сейчас примерять в павильоне фрейлиховские штаны. В последнем акте я денди.

Стихов не пишу, хотя и хочется очень написать что-нибудь прочувствованное про лошадь.

На лето хотелось бы сняться с тобой в кино. Сделал бы для тебя сценарий.

Этот план я разовью по приезде. Почему-то уверен в твоем согласии. Не болей. Пиши. Люблю тебя, солнышко мое милое и теплое.

Целую Оську.

Обнимаю тебя до хруста костей.

Твой *Володя*

В. Маяковский – Л. Брик

<Апрель 1918 г. Москва – Петроград>

Дорогой но едва ли милый ко мне Лилик!

Отчего ты не пишешь мне ни слова? Я послал тебе три письма и в ответ ни строчки.

Неужели шестьсот верст такая сильная штука?

Не надо этого детанька. Тебе не к лицу!

Напиши пожалуйста, я каждый день встаю с тоской: «Что Лиля?»

Не забывай что кроме тебя мне ничего не нужно и не интересно.

Люблю тебя.

Александра Ребикова и Владимир Маяковский в фильме «Барышня и хулиган». 1918 г.

Спасаюсь кинемо. Переусердствовал.

Глаза болят как сволочи.

В следующий понедельник ложусь на операцию. Режут нос и горло. Когда (если!) увидишь буду весь чистенький и заново отремонтированный. Паровоз из депо!

Кинематографщики говорят что я для них небывалый артист. Соблазняют речами славой и деньгами.

Если не напишешь опять будет ясно что я для тебя сдохнул и я начну обзаводиться могилкой и червяками. Пиши же!

Целую
твой *Володя*

Целую Осю!
Привет Шуре и Жаку

Л. Брик – В.В. Маяковскому

<Апрель 1918 г. Петроград – Москва>

Милый Щененок, я не забыла тебя.

Ужасно скучаю по тебе, и хочу тебя видеть.

Я больна: каждый день 38 температура; легкие испортились.

Очень хороша погода и я много гуляю.

Завидую, что вы снимаете – Яков Львович обещал и меня устроить в кинематограф.

У меня есть новые, очень красивые вещи. Свою комнату оклеила обоями – черными с золотом; на двери красная штофная портьера.

Звучит все это роскошно, да и в действительности довольно красиво.

Настроение из-за здоровья отвратительное. Для веселья купила красных чулок, и надеваю их, когда никто не видит – очень весело!!

После операции, если будешь здоров и будет желание – приезжай погостить. Жить будешь у нас.

Ужасно люблю получать от тебя письма и ужасно люблю тебя. Кольца твоего не снимаю и фотографию повесила в рамке.

Пиши мне и приезжай, только операцию из-за этого не откладывай.

Обнимаю тебя, Володенька, детынька моя, и целую
Лиля.

Л. Брик – В. Маяковскому

<Апрель 1918 г. Петроград – Москва>

Милый Володенька,

пожалуйста, детка, напиши сценарий для нас с тобой и постарайся устроить так, чтобы через неделю или две можно было

его разыграть. Я тогда специально для этого приеду в Москву.

Ответь возможно ли это и пошли ответ с Миклашевским.

Ужасно хочется сняться с тобой в одной картине.

Ужасно мне тебя жалко, что ты болен. Мое здоровье сейчас лучше – прибавилась на пять фунтов.

Хочу тебя видеть.

Целую

твоя *Лиля*

Если не успеешь с Миклашевским, то отправь с Либерманом, кот. уезжает в пятницу

В. Маяковский – Л. Брик

<Петроград. Октябрь 1918 г.>

Дорогой и сволочной Лиленочек!

(Сволочной это от Оси за то, что опоздала).

Оська – в Совет, а я – в театр. Приди обязательно. Репетиция, кажется, начнется в 9 ч. В театре форменный <…> нет ни <…>

Целуем.

Твой

P. S. Мы с Оськой к празднику не испортимся, так как, благодаря солонине, просолились насквозь.

В. М.

В. Маяковский – Л. Брик

< Апрель (?) 1919 г. Москва – Петроград>

Любимый Лиленок!

Скушно ослепительно. Все усилия вкладываю в то, чтоб выехать не позже воскресенья. Билет достать отсюда – канитель страшная.

Люблю и целую.

Твой,

мотающийся, как собака,

Щенок

В. Маяковский – Л. Брик

<Лето 1921 г. Москва. >

Дорогой Лилик,

Звонил тебе и в 2 и в 3 и заходил но увы. Больше ждать к сожалению нельзя. Надо в пол 5-го рисовать. Иду обедать. Буду звонить от Адельгеймов. Целую тебя.

Щен

Попроси Левика как только он будет позвонить мне

обязательно. Очень прошу его сделать это завтра же в первую очередь.

Вол.

В. Маяковский – Л. Брик

<Август 1921 г. Москва. >

Личика, я иду за билетами и в Центропечать по поводу книжек; на всякий случай (ехать в суд) оставляю керенку. Я около 12—1 позвоню, а то как будет с билетами – неизвестно.

Целую, твой до хвостика

Щенок

Фотография Лили в берлинском зоопарке, упоминаемая в поэме Маяковского.

Может,
может быть,
когда-нибудь
дорожкой зоологических аллей
и она —
она зверей любила —
тоже ступит в сад
улыбаясь,
вот такая,
как на карточке в столе.
«Про это»

Л. Брик – В. В. Маяковскому
<13 октября 1921 г. Рига – Москва. >

Была у Веры Васильевны – она чуть не расплакалась от радости когда меня увидела. Она спит и видит как бы вернуться в Москву.

Смотрите как бы масло не испортилось, оно соленое но не топленое.

Только что Левидов говорил с Александри – он обещал все сделать что нужно. Было бы все-таки здорово попасть в Лондон!!

Сейчас иду искать подвязки и книги.

Милые вы мои щенятки и киски!

Книги посылаю – не знаю годятся ли.

Дюжину лезвий.

Подвязок других нет во всей Риге. Единственный сорт имеющихся здесь гаванских сигар; говорят, что очень хорошие.

Резиновые кружочки трех размеров – излишки отдай бедным.

Встретила на улице жену Александри, сегодня вечером иду к ней.

Как я завидую всем кто вас в субботу увидит!

Вы скучаете по мне?

Целую целую. *Лиля*

Осик, Володик, не показывайте никому мои письма. Желающим читайте выдержки вслух.

Л. Брик – В. Маяковскому

<15 октября 1921 г. Рига – Москва. >

Целую тебя Щеник, очевидно из моего дальнейшего продвижения ничего не выйдет и я недели через две буду в Москве.

Гельцеровская Фифи родила двух щенят – крошечных, черненьких, с подпалинками. Они целый день играют друг с дружкой. Я их целую в пузики и носики. Вчера видела трех толстых, желтых, одинаковых такс на цепочках. Как видишь, я тебя не забываю. Получила сегодня твое письмецо – оно ни с какой стороны неудовлетворительно: и неподробно и целуешь меня мало. Если будешь писать по почте то: Гостиница Бель-Вю, комн. № 32, или Александровская ул д. 1, Гиршберг. Для меня.

Мне дали маленькую комнату, на солнечной стороне. Я подружилась с коридорным и с горничной тк что натоплено у меня жарко.

Милый мой, маленький!

Хожу в кинематограф и в кафэ.

Какие в Москве новости? Кк твои дела с Лауреатом? Резинового таза здесь нет.

Целую тебя.

Твоя верная *Киса Лиля*

В. Маяковский – Л. Брик

<17 октября 1921 г. Москва. >

Дорогой, милый и замечательный Кис!

Спасибо за письмо и подарки. Но если ты будешь столько слать, то сама останешься на бобах. Поэтому категорически запрещаем тебе делать это.

Жизнь моя однообразна и скучна. В четверг был у Левы, в пятницу на Меньшом (сошло хорошо), субботу же и воскресенье сидел дома, так как у нас были Винокур, Левидов, Кричевский и Меньшой. В воскресенье они у нас все обедали.

Очень рад, что тебе понравилась Москва.

Пиши.

Целую тебя страшно,
твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

<18–20 октября 1921 г. Рига – Москва >

18. X.21

Волосик, милый, попробуй взять для меня командировку в Лондон у Анатол. Вас. Здесь они не имеют права давать: она должна идти из Москвы. Вообще я, оказывается, все сделала не так как нужно.

Посылаю это письмо просто, заказным и курьерским, чтобы дошло.

Целую тебя, Щеник
твоя (кошечка)

(На обороте)

20. X. 21

Посылаю вам 10 коробок шпрот, 3 кор. овсянки, 4 ф. чаю, 2 ф. кофе, 1 ф. какао, 5 ф. шоколаду, 2 ф. конфет. Не прозевайте посылку и смотрите, чтобы все в ней оказалось. Овсянка варится на молоке: 2 стакана молока на стакан крупы. Посылки мои совсем не интересны, но ничего интересного здесь нет из еды, а

предметы роскоши невыносимо дороги.

Только что приехал из Москвы курьер. Я потрясена тем, что не было письма для меня!! Вообще за все время получила одно только письмецо от тебя, Володя! Чтож! Тем лучше!

В. Маяковский – Л. Брик

< 20 октября 1921 г. Москва – Рига >

Дорогой дорогой дорогой

Лисик

Ты ужасно давно уехала и ужасно мало пишешь, а я ужасно по тебе скучаю. У меня никаких, ни малюсеньких! Новостей. Начиная с воскресенья я три дня провалялся была крохотная инфлуэнцишка сегодня же и вчера у меня 36,2 и я опять принимаюсь за деятельность. Валяться было очень приятно. Ося меня откармливал, Лева ходил и беспокоился, как тучи набегали сестры и через полчаса рассеивались, а я и в ус не дул (хотя у меня не только усы отросли а даже и борода!) и читал Щепкину-Куперник.

Самое интересное событие это то что 6 ноября открывается в зоологическом саду собачьевая выставка. Переселюсь туда. Оська уже поговаривает насчет сетереныша. Уж и не знаю как это без тебя щенков смотреть!?

Сегодня надеюсь получить твое любимое и милое письмо.

Не забывайте пожалуйста вашего щена. Пиши!

Твой, с лапами

В. Щен

Летним вечером 1915-го года Маяковский записал:

«Июль 1915 года. Радостнейшая дата. Знакомлюсь с Л.Ю.

и О.М. Бриками»

В. Маяковский – Л. Брик

<24 октября 1921 г. Москва – Рига >

Дорогой мой милый и замечательный Лилек!

Еще в субботу ждал письма а сегодня уже понедельник – нет.

Пиши и шли через дипкурьеров тоже: Гаю для меня. Я живу настолько без событий настолько без подробностей – что даже противно. Дела мои с Лауреатом шли хорошо а теперь так плачевно что ни в сказке сказать ни пером описать. Много и добросовестно рисую. Вчера был в Доме Печати на Фореггере – Лева расхвалил и наши иностранцы. Был Луначарий и Флаксы. Скушно и ерунда. Из дома печати Гай, Левидов, Винокур, Крич<евский>, Герман и я пошли в Стойло. Я не выдержал и постыдно бежал через пять минут. Вот тебе и самостоятельные развлечения!

Каждый день по тебе очень и очень скучаю. Начал писать. Кое как двигаю пролог. Кажется сегодня едет Винокур и в четверг собирается и Крич. Они тебе расскажут «впечатления очевидцев».

Дай бог только чтоб они не «врали как очевидцы».

Пиши скорее и если не уедешь в Англию езжай сюда скорее. Чего там! Приходили к нам в субботу серая Киса и перецарапала.> раз в минуту.

Киса. Я тебя целую; а писать не очем. Очень жду твоих писем, но их нету. Мы с Арватовым выступаем и воюем за футуризм. Морда в крови но наша берет.

Киса, я тебя еще раз целую

Твой <кот> Ося

В. Маяковский – Л. Брик

<26 октября 1921 г. Москва.>

Дорогой мой, милый мой,

любимый мой, обожаемый мой Лисик!

Пользуюсь Винокуровской оказией, чтоб написать тебе настоящее письмо. Я скучаю, я тоскую по тебе – но как – я места себе не нахожу (сегодня особенно!) и думаю только о тебе. Я никуда не хожу, я слоняюсь из угла в угол, смотрю в твой пустой шкаф, ничего не может быть тоскливее жизни без тебя. Не забывай меня, ради христа, я тебя люблю в миллион раз больше, чем все остальные, взятые вместе. Мне никого неинтересно видеть, ни с кем не хочется говорить, кроме тебя. Радостнейший день в моей жизни будет – твой приезд. Люби меня, детанька. Береги себя, детик, отдыхай – напиши не нужно ли чего? Целую, целую, целую, целую, целую, целую, целую, целую, целую,

целую, целую, целую, целую, целую и целую.

26/X 21 г.

Твой

Если ты ничего не будешь писать о себе, я с ума сойду.

Не забывай. Люби.

Сегодня только получил твое «командировочное» письмо сделаю все что может сделать любящий щен. Изложение дела напишу отдельной страницей. Пока надежды у меня мало. Теперь есть 27/X. Лиле получаешь ли ты мои письма?

Я пишу тебе с каждым поездом, по адресу Полномочное Предст. Р.С.Ф.С.Р. Винокуру для тебя. Когдаж Винокур приехал сюда я писал просто Предст. Р.С.Ф.С.Р. сотрудн. Брик. – если не получила – найди. Сейчас буду писать с прибавлением Бель Вю 32.

Твой щен

Шлю тебе немного на духи.

Кисит пришли сюда какие нибудь свои вещицы (духи или что нибудь) хочется думать каждый день что ты приедешь глядя на вещицы.

Целую. Целую

Твой

Пиши много и подробно

Твой Щенит

В. Маяковский – Л. Брик

< 26–27 октября 1921 г. Москва – Рига >

Дорогой и Милый Лилятик!

Вот тебе подробное изложение командировочных дел.

1) Я сейчас же (25) звонил Ан. Вас. Он меня не принял так как уезжал в Питер на 3–4 дня. И вообще я думаю он ничего бы не сделал для меня. Кроме этого с его командировкой была бы снова

канитель на недели и едва ли бы она дала результат.

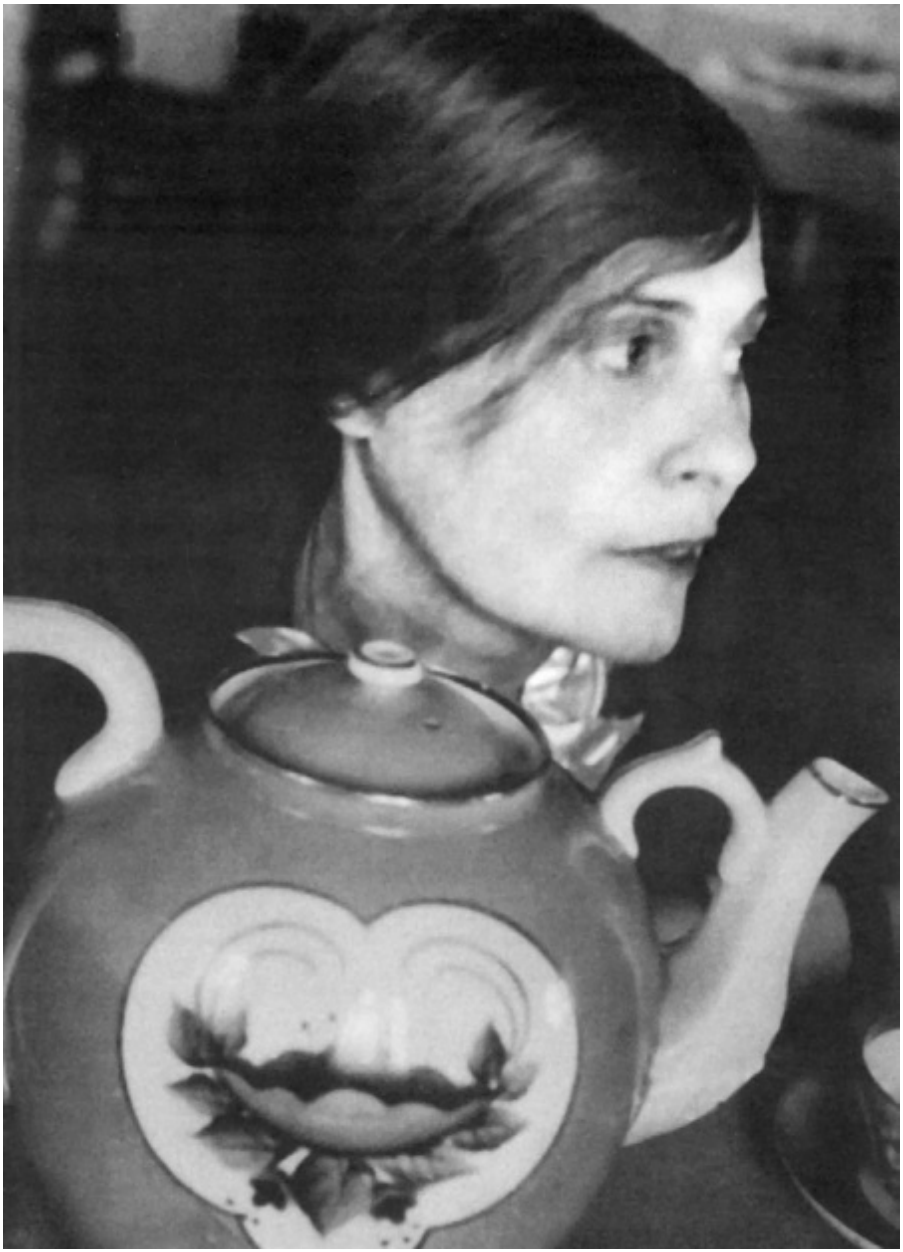
2) Я отправился в Рабис объяснил характер твоей поездки и получил оттуда такую просьбу: В Наркомвнешторг тов. Леонидову Москов. Губотдел С.Раб. Иск. просит командировать в Лондон художницу Л. Ю. Брик, находящуюся в настоящее время в Риге сотрудницей торгов. Делегац. Р.С.Ф.С.Р. М.Губ. Отд. Рабиса пользуясь заграничной поездкой тов. Брик поручил ей ознакомиться с организацией и осмотреть кустарн. Выставку и выяснить вопрос о характере и возможности обмена произведений худож. Производства в связи с организацией экономическим отделом производств. Художествен. Артелей (№ 9387) Предс. М. Ю.

Если ты поедешь в Лондон то должна будешь навести по этим вопросам справки. Это конечно не командировка а только просьба. Командировать Рабис не может.

3) Наркомвнешторг дал мне на руки две телеграммы в запеч. Пакетах, первая: «Лондон. Дельсовпра Красину. Телеграфируйте согласие перевод сотрудницы отделения Риге художницы Брик Лондон т. ч.к. Нр. 31/10367.» Если Красин телеграфирует о согласии (а он тебе обещал) тебя переведут.

4) Чтоб телеграмма попала именно к Красину, чтоб настояли на утвердительном ответе, я этот пакет передаю Левидову который завтра 27 выезжает в Лондон (к сожалению не через Ригу!) и дал клятвенное обещание сделать все что может.

5) Вторая телеграмма: «Рига Внешторг Юзбашеву. Снеситесь Красиным о согласии на перевод Брик Лондон 3105/10366.» Эту телеграмму я посылаю тебе с Винокуром. Обсуди сама посылать ли ее в Лондон немедленно или ждать приезда туда Левидова (он должен пробыть в дороге дней около десяти). Если решишь послать эту телеграмму раньше то напиши во первых письмо Красину с просьбой подтвердить командировку, во вторых напиши маме чтоб она справилась поучил ли Красин письмо и чтоб Швец напомнил о тебе. На всякий случай Винокур везет для тебя еще письмо от Гая к Юзбашеву прочти посмотри и если пригодится (а я думаю что да) то отдай.



Лиля Брик. 1921 г.

Вот все лилятик что может сделать человек. Я думаю что это «кое что». Если тебе нужно еще что нибудь то напиши подробно.

Целую тебя детик твой Щен.

Если из этого ничего не выйдет то помни ежесекундно что я расставил лапы стою на вокзале и жду тебя, как только ты приедешь возьму тебя на лапы и буду носить две недели не опуская на пол.

Целую и целую. Твой весь щен – подпись целовал без карточки 27/X

Пишу у Винокура. Оська ищет Кричевского должен дать ему письмо.

Щен

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<27 октября 1921 г. Рига – Москва >

Пишу вам с каждым курьером. Целую! Милые! любимые! родные! светики! солнышки! котятики! щенятики! Любите меня! Не изменяйте! А то я вам все лапки оборву!!

Ваша Киса Лиля (<нарисована кошечка в скобках>)

Л. Брик – В. Маяковскому

<Конец октября 1921 г. Рига – Москва >

Милый Володенька, к сожалению ничего не могу послать тебе, тк кк курьеры не берут. Даже от писем отказываются – придется посылать по почте.

Одну часть своей программы выполняю добросовестно: хожу каждый день в кинематограф. Насчет остального… мне кажется, что никуда я не поеду!!

Узнай уехал ли Гржебин и, если уехал – то куда и будет ли в Риге.

Хочу отпечатать здесь «Флейту». Вышли мне разрешение на ввоз пяти тысяч экземпляров.

Мои посылки получили? Сигары оказались хорошие?

Передай Оське что если не будет писать, то и я не буду.

Не забывай меня, Щеник, и помни о том, что я тебя просила. Подожди меня пожалуйста!

Люблю тебя, обнимаю, целую,

Твоя Лиля <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<30 октября 1921 г. Москва – Рига >

30/X

№ 1

Дорогой мой и милый Лилятик!

Все эти дни я ужасно беспокоился о тебе. Нет писем.

Я ждал с понедельничным поездом. Нет. Наконец сегодня принес Гай. Письмо в котором ты пишешь про посылку и сообщаешь что нельзя ничего послать. Письмо без числа. Поэтому я ничего не понимаю. Давай условимся так во первых на каждом письме ставить число а затем ставить номер чтобы знать не потерялось ли какое нибудь.

Кроме этого я очень тобой недоволен: страшно не подробно пишешь. Что ты делаешь? Где бываешь? Пиши Котик больше.

Напиши получила ли ты мое последнее письмо о командировке и все ли тебе о нас и от нас рассказал Винокур.

О Гржебине узнаю завтра.

Я живу совершенно одинаково. Сегодня воскресение, 8 часов вечера а я все время рисовал позже пойду на лекцию Луначарск. Вот и все.

Пиши детенок.

Целую Целую

Целую и жду

Весь твой

Дорогая киска!

Ты – свинка. Я тебе написал целых 3 письма, а ты мне ни одного! И еще грозишься, что не будешь мне писать совсем. Я ничего не понимаю. И ничего не буду писать, пока ты мне не напишешь.

Все-таки целую тебя

Ося <кот>

Л. Брик – В. Маяковскому, Л. Гринкругу

<Конец октября – начало ноября 1921 г. Рига – Москва >

Володик и Левочка, сложитесь пополам и пришлите мне через Гая на миллион рублей советских почтовых марок. Здесь есть торговец коллекционер, кот. очень много за них платит. Купите марки всех существующих стоимостей, по одинаковому количеству каждой стоимости – так, чтобы были полные комплекты. Сделайте это поскорее. Если вы в выигрыше то пришлите на большую сумму, если вы в проигрыше то на меньшую.

Целую крепко.

Лиля

Пусть это будет ваш подарок на рожденье.

Л. Брик – В. Маяковскому

<Конец октября 1921 г. Рига – Москва>

Любимый мой щеник! Не плачь из-за меня! Я тебя ужасно крепко и навсегда люблю! Приеду непременно! Приехала бы сейчас если бы не было стыдно. Жди меня!

Не изменяй!!!

Я ужасно боюсь этого. Я верна тебе абсолютно. Знакомых у меня теперь много.

Есть даже поклонники, но мне никто, нисколько не нравится. Все они по сравнению с тобой – дураки и уроды! Вообще ты мой

любимый Щен чего уж там! Каждый вечер целую твой переносик! Не пью совершенно! Не хочется. Словом – ты был бы мною доволен. Я очень отдохнула нервами. Приеду добрая.

Кадр для фотоколлажа к поэме «Про это» Фотохудожник А. Штеренберг. Автором проекта выступил А. Родченко

Спасибо тебе, родненький, за хлопоты – возможно, что они мне пригодятся, хотя я теперь думаю, что все устроится и без этого. Буду ждать здесь еще месяц. Если через месяц не поеду – берите меня опять к себе.

Пишите мне по адресу тети заказные письма: Александровская ул. д. 1, кв. 8, Гиршберг, для мине.

Тоскую по тебе постоянно.

Напиши для меня стихи.

Не могу послать для себя никаких вещей тк кк ничего совершенно не купила – очень дорого. Спасибо тебе за денежки на духи. Глупенький! Чего ты в Москве не купил! Здесь и достать нельзя заграничных! А если и можно то по невероятной цене.

Ты резиновые кружочки для зубков получил? А сигары хорошие? Пиши по почте.

Через курьеров не все доходит.

Я писала с каждым курьером.

Получила от Миши телеграмму, что деньги мне высланы. Интересно, сколько? Левочке пишу отдельно, по его адресу.

Целую тебя с головы до лап. Ты бреешь шарик?

Твоя, твоя, твоя,

Лиля <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

< 2 ноября 1921 г. Москва – Рига >

Дорогой мой и миленький Лилятик!

А я все грущу – нет от тебя никаких письмов. Сегодня пойду к Меньшому – авось пришли. Ужасно хотелось бы вдруг к тебе заявиться и посмотреть как ты живешь. Но увы. Немного утешаюсь уверяя себя что может быть ты меня не забыла а только письма не доходят. Пиши же Лиленок!

Приехал из Владивостока скульптор Жуков привез сборник статей Чужака (большинство старые) и газету Д<альне>В<осточный> Телегр<аф> в котором большая статья Чужака о Сосновском. Прислал Чужак гонорар мне за посланные материалы. Сегодня Жуков у нас обедает.

Как будто есть и у меня крохотная новостишка. Вчера приходил человек о котором говорила Рита (из харьковского Губполитпросвета) и хочет везть меня в Харьков на 3 вечера. Условия хорошия. Если сегодня (то же должен обедать) он не раздумает я на будущей неделе в четверг или в пятницу (чтоб успеть получить твое дорогое письмо) уеду дней на 8-10 в Харьков. Отдохну и попишу. Работы сейчас фантастическое количество и очень трудная.

Оську разумеется пропитаю и оставлю ему Леву и Аннушку – в виде нянь. Пиши солнышко

Люблю тебя. Жду

и Целую и Целую

твой

2/XI 21 г.

О Гржебине еще не мог узнать ничего! У него никого нет.

Разумеется я буду тебе писать со всех станций если уеду. Ты пиши. Я к себе транспорт налажу

Целую Целую Целую Целую

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<2 ноября 1921 г. Рига – Москва>

Паршивые сволочки! Щенки и Киски! Я пишу! Пишу! Пишу! А вы, черти, ничего не получаете?!

Пишу с каждым курьером и почти каждый день по почте! Я в отчаянии, что ничего не доходит! Послала вам посылку через делегацию. Получили? Справьтесь!

Завтра посылаю немного консервов, шоколадн. лепешек, какао, кофе, чай.

Тов. Ястребов тоже передаст вам шоколаду, и, если возьмет, то бутылку померанцевки.

Передайте Левочке, что писала ему несколько раз.

Писала вам очень подробные и нежные письма. Плакать хочется, что не дошли.

Пришлите мне официальное разрешение на ввоз книг в Россию. Писала вам об этом. Напишите, получили или нет, если нет, то напишу все сначала.

За цветочки благодарила и целовала вас. Купила себе духи.

Пишите по почте!! По адресу: Рига, Александровская ул. д. 1 кв. 8 Гиршберг, для меня. И через курьеров тоже.

Миша прислал мне 10 англ. Фунтов. Ника в Берлине. Обо всем этом я уже писала подробно.

Люблю вас и скучаю без вас и тоскую ужасно.

Здесь сейчас не так скучно, тк кк много знакомых; и об этом я тоже писала!

Напишите, получили ли хоть одно подробное письмо. Буду теперь писать подробно только с оказиями, а по почте и с курьером – на всякий случай несколько слов.

Веду себя безупречно!

Любите!

Не забывайте!

Не изменяйте! Пишите обо всем!

Ужасно ваша до смерти Киса-Лиля

<кошечка>

Целую все лапики, чес, переносик, хвостик, кустик, шарики!

<кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому

<Начало ноября 1921 г. Рига – Москва>

Милые, родные, сладенькие! Наконец то я получил от вас настоящие ласковые письма! Я думала что вы уже совсем разлюбили меня!

Волосик! Ты болел?! Это ужасно, что мине не было! Осик покупал тебе виноград? Ты уже совсем здоров? Ходи в шубе!!!

Поклонитесь от меня всем щеняткам на собачьей выставке.

Почему вы в субботу не получили письма? Я посылаю с каждым курьером.

Поживаю я хорошо; худею; настроение теперь лучше, тк кк вижу, что ужасно страшно вас люблю и что вы мине любите; не делаю ничего – хожу в кино, знакомые у меня средние: спрос на меня большой, но предложения никакого; Винокурша научила играть в шахматы и меня ежеминутно обкладывают матом.

Осип Максимович Брик. 1908 г.

Вы получили мою посылку с овсянкой и т. д.? А письмо насчет почтовых марок? А письмо насчет Оси Волка? Позвоните ему 2-03-03 и скажите, что сестры обязательно требуют родителей в Ригу!

С прошлым курьером не получила письма! Это несчастный случай или свинство?

Получаю письма от Элички и мамы.

Мама думает, что мне удастся поехать.

Эльза и Андрэ живут очень дружно.

Без вас ужасно скучно!!!!!

Люблю вас от шариков до хвостиков.

Напишите взяли ли сетереныша, а то я из Англии привезу!

Чувствую себя взрослой и самостоятельной, но мне это не нравится!!

Не забывайте!

Не изменяйте!

Любите!

Кланяйтесь Аннушке, Леве, поросятику.

Писем моих никому не показывайте.

Ужасно счастлива, что ты, Волосик, пишешь. Обязательно напиши к моему приезду! И что ты, Осик, с Арватычем побеждаете – здорово!

Ослит! Не влюбись в Любочку!!!

Волосит! Смотри у меня! Ты где живешь – на Мясницкой или в Лубянском проезде???!! Я очень боюсь!!!!!

Целую сладко все ваши местечки,

Ваша *Лиля* <кошечка>

Не прозевайте посылки от меня и от мамы.

В. Маяковский – Л. Брик

<6 ноября 1921 г. Москва – Рига>

№ 3

Дорогой мой и миленький Лисек!

Вчера наконец получил 2 твои письма. Одно злое (то которое ты послала в трех экземплярах – повезло, получил все!), а другое сладкое и добренькое в котором ты спрашиваешь носил ли мне Оська виноград. В обоих ты спрашиваешь почему я не пишу. Как тебе глупый котенок может притти в голову мысль что я тебе могу не написать хоть раз?! Пишу тебе с каждым курьером обязательно а иногда и + с оказией. Ты тоже пишешь что шлешь с каждым курьером а я почти ни черта не получаю: из перечисленных тобою писем я не получил ни о марках, ни о Волках. В частности жду с нетерпением ответа на Винокуровское мое письмо. Отчего ты не ставишь числа под письмом и №

(получила ли ты мое письмо в котором я тебя об этом просил?) тогда по крайней мере всегда можно будет узнать сколько послано но не получено (мой третий № разумеется после отъезда Винокура). Не получили пока что и посылки ни от тебя, ни от мамы. Лилек! Кажется Гай уходит из Наркоминдела поэтому милый котик пиши письмо по возможности в 2-х экземп. и через Гая (думаю буду получать там и без него, а пока что он сам будет заходить) через Леву.

Я весь день думаю только о том – скоро ли будет, скоро ли будет письмо – поэтому у меня стиль такой «почтовый» (не знаю удастся ли послать письмо завтра (понедельник) годовщина и отд. курьеров будет должно быть закрыт).

Новостей у меня никаких. Живу тихо, люблю тебя и жду. Жил все время с Оськой а последние несколько дней у себя т. к. приехала Муха и ей пришлось дать переночевать чтоб не выгонять из комнаты Леву – Теперь Муха уехала и я переселюсь обратно.

Целую Целую и Целую тебя мой ненаглядный котенок

Твой бесь

Щен 6/X 21 г.

В. Маяковский – Л. Брик

<6 ноября 1921 г. Москва – Рига>

Дорогой и милый Лиленочек!

Только что Лева получил марочное письмо. Шлем. (если Лева их достанет – сейчас идет) Что у тебя? Отчего ничего не пишешь про себя? Целую тебя всю весь твой

Я живу совсем по старому! Два раза курьер не ездил. С этим письмом идет тебе и другое – полное.

Л. Брик – В. Маяковскому

<6 ноября 1921 г. Рига – Москва>

Волосик! Не грусти, мой щеник! Не забуду тебя – вернусь обязательно. Жду от мамы телеграмму насчет визы. Поскорее бы съездить и вернуться!

Не изменяй мне в Харькове!!!

Ласкала сегодня замечательного басаврючка и думала о тебе и за тебя погладила – он ужасно быстро и долго вилял хвостиком. Вообще здесь собачков очень много, и все чудесные!

Мое письмо и посылку через Ястребова получили?

Смотрю в кино «20 000 миль под водой», «Лассо смерти», «Месть женщины» и т. п… сами понимаете!!

Мои знакомые всячески стараются развлекать меня. Рассказывать о них не стоит – милые люди. Жду Лондона – неужели там не лучше.

Все обо мне заботятся. У меня масса цветов. Я уже писала вам, что абсолютно верна вам.

Напишите передал ли вам Ястребов жидкость?

Мне кажется что я живу здесь год!

Пиши подробно о своих харьковских выступлениях и обо всем комфутском. Здесь комфутов совсем нет!

Неужели мои письма посланные по почте совсем не доходят. Я написала их такую массу!!

Обнимаю тебя мой щенятик и сладко сладко целую.

Твоя Киса Лиля <кошечка>

Сволочной котенок! Опять ты не пишешь!

Как тебе без меня живется? Мне без тебя очень плохо! Совсем у-у-у! пришел. Во всей Риге котятиков нету! Щенков много а кисов нет! Беда!

Целую твой хвостик, твоя жена <кошечка>

Отправила одну посылку давно. И три посылки на днях. За одной зайдите к тов. Гранику в отдел печати Наркоминдела на имя Оськи. Остальные – через делегацию. Одна от меня на имя Оси: другая от т. Орлова на имя Левочки.

Лиля Брик с матерью Еленой Юльевной Каган и сестрой Эльзой Триоле. Лондон. Август 1922 г.

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<11 ноября 1921 г. Рига – Москва>

Сладенькие мои детики, курьер вчера не приехал и я в горе, что нет письма. Попробуйте писать по почте – не заказным.

Интересно, едешь ли ты, Волосик, в Харьков?

Познакомилась сегодня с еврейским футуристом – поэтом (фамилию забыла). У них скоро выйдет сборник, в кот. будет статья, на жаргоне, «о Маяковском».

Сегодня вечером он придет ко мне за «всё» и будет читать свои стихи. Обещал познакомить меня со всей группой. Сегодня же иду обедать в латышскую футуристическую столовую: попробую там узнать про футлатышей. Обидно, что потеряла столько времени, но Винокур ни черта не знает!

Получили остальные вырезки? Посылаю вам книги: к сожалению разрозненные, тк кк комплектов здесь достать нельзя. Ноты Эльзинька прислала из Парижа – не растеряйте, я их еще не играла. Есть у меня еще несколько книг – прочту сначала – потом пришлю. Посылаю 10 ф. песку и 2 ф. какао. Пишите, ради бога, когда получаете что нибудь, а то скучно посылать!!

По поводу визы – пока ничего нового!!!…..

Вчера в Латышской опере слушала «Сельскую честь».

Была в цирке – замечательная программа! Сладкие лошадки и замечательные эксцентрики. Лошадков и понь кормила сахаром. У них очень миленькие губики и ноздрики. Только пони – злючки – кусаются.

Я вас страшно и ужасно люблю!

Не разлюбляйте мине!

Ваша <кошечка>

Пришлите как нибудь поскорее «Творчество», статьи Чужака и «Сестру мою жизнь», Крученыха и еще что нибудь, интересное для заграницы – комфутское конечно. И, если можно, толстых папирос – здесь страшная дрянь.

<кошечка>

Что рассказывал Жуков? Напишите подробно!

Присылайте статьи в «Новый Путь» – обязательно! Они платят продовольствием!

Осик! Спроси в В.Ч.К., что с Иосифом Борисовичем Фридманом.

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик

<12 ноября 1921 г. Москва – Рига>

Дорогой Котенок

Поздравляем. Целуем и целуем

Всех рисовал я.

Щен.

Я же больше всех и целую.

В. Маяковский – Л. Брик

<12 ноября 1921 г. Москва – Рига>

Наконец получил твои любящие письма и сразу у меня от сердца отлегло. (Я ходил последние дни такой мрачный что все меня спрашивали что со мной. Шлялся по кафам по каким то

знакомым и приходил еще мрачней а сейчас успокоился немного.) Особенно меня тревожило то что ты о себе ничего не писала. Я был убежден что у тебя есть причины о себе не писать.

Замечательно я провел день твоего рождения. Весь день думал про Кисю. Не пошел ни в какие кафы был только у Над. Роберт. И в полном одиночестве справил за твое здоровье. Потом долго ходил по бульварам, на Тверском почему то стоял телескоп и я долго смотрел на лунищу. Просил что б его отправили на Ригу – говорят нельзя.

В Харькове что то отложилось.

Пишу плохо – трудно.

Целую Целую Целую Целую Целую Целую и Целую. Пиши пиши и пиши

твой весь

Л. Брик – В. Маяковскому, о. Брику

<14 ноября 1921 г. Рига – Москва>

Милые мои мальчики, спасибо за почт. марки, но очевидно каких то не хватает, тк кк их абсолютно неравное количество – может быть вторая половина дополнит первую.

Получила вчера письмо от мамы – она со дня на день надеется получить визу для меня. Пока что уже месяц, как я здесь!! 10 фунтов, кот. я получила, оказались не от Миши, а от мамы, а от Миши я получила только телеграмму о том, что деньги высланы, а самих денег не получила; вчера же телеграфировала ему «Geld nicht erhalten».

Отложила деньги на поездку, а остальные почти все истратила, причем абсолютно неизвестно на что, тк кк ничего, кроме пятнадцати пар шелковых чулок и пары отвратительных туфель, кот. носить невозможно, не купила.

Ради бога напишите, что вы получили из посланного мной: отправила несколько посылок с сахаром и т. п.; шоколад, письмо и еще кое что через Ястребова, книги и письмо – через Тенненбаума, кот. работает в Коминтерне. Ужасно грустно посылать не зная доходит ли!!!

Познакомилась с еврейскими футуристами – славные малые. Бываю у них в еврейском Arbeitheim'е. Один из них – Лившиц – переводит «Человека» на еврейский язык и пишет «о Маяковском» большую статью. Заставили меня читать им «Флейту» и сошли с ума от восторга; на днях буду читать «Облачко» и т. д. (…)

У латышей буду завтра: евреи дали мне письмо к главному футлатышу.

Была в оперетке – буду теперь часто ходить.

Просила евреев переписать мне кое-что латинскими буквами

– тогда пришлю.

Пришлите обязательно разрешение на ввоз в Россию книг – думаю, что удастся здесь в Риге напечатать все, что угодно и не сразу платить деньги!

Пришлите непременно снимки с плакатов, сами плакаты, «все сочиненное», «Мистерию», «15000000», «Сестру мою жизнь», Асеева, «Творчество», «Искусство коммуны». Пожалуйста! Пришлите! Спросите Великовского, когда едет тов. Галоп и пошлите через него тов. Альтеру, для меня.

В конце 1915-го года Лиля брала уроки балета. Любовь к танцам она сохранила до последних лет жизни

Пришлите Володину кинематографическую карточку – она в моем ящике у Осика в столе.

Без денег оказаться не могу, тк кк все предлагают в долг сколько угодно.

Я не особенно «самостоятельна», тк кк обо мне очень заботятся.

Если б не ужасная тоска по вас, то было бы даже занятно!

Каждый песик и каждая киска вгоняют меня в слезы.

Пишите! Пишите! Пишите!

Ваша

Лиля

<кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<16 ноября 1921 г. Москва.>

№ 6

Дорогой и милый Лилятик!

Получили твое письмо про пони, сахар и какао. Я тоже был в цирке и тоже гладил лошаденков.

В Харьков я поеду только к 29-му. Приезжал Влад<имир> Алекс<андрович> и взял с меня слово, что я буду жить и обедать у него. Слово-то я ему дал, но от этой скуки постараюсь увернуться. Поэма двигается крайне медленно – в день по строчке! Отвожу на писание Харьков. Живу я дома – тепло уж очень, но ни единая душа (без различия пола) не переступала моего порога.

Мы с Оськой по возможности ходим вместе и только и делаем, что разговариваем о тебе (тема: единственный человек на свете – Киса). Вообще мы с ним очень дружим. Я рисую, а он мне Чехова читает. Пиши.

Целую тебя 186 раз.

Жду тебя.

Твой верный

Л. Брик – В. Маяковскому

<Ноябрь 1921 г. Рига – Москва>

Щененок мой! Волосит!

Мине тебе очень хочется и я тебя страшно целую!!!! И кусаю переносик.

Как твои зубики?

В Харьков едешь?

Я тебе очень верная. Больше одной рюмочки не пью, да и то редко. А ты? Хочу чтобы ты ужасно любил мине!

Глажу за тебя всех песиков.

Люблю тебя окончательно на всю жизнь.

Твоя *Лиля* <кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому

<Середина ноября 1921 г. Рига – Москва>

Волосеночек мой! Спасибо, за ласковое письмецо и за то, что думал обо мне в день моего рождения.

Напиши честно – тебе не легче живется иногда без меня? Ты никогда не бываешь рад что я уехала? – Никто не мучает! Не капризничает! Не треплет твои и без того трепатые нервочки!

Люблю тебя Щенит!! Ты мой? Тебе больше никто не нужен?

Я совсем твоя, родной мой детик! Всего целую.

Лиля

Л. Брик – В. Маяковскому

<17 ноября 1921 г. Москва – Рига>

Милые детики!

Сначала – об очень интересном деле: Я уже писала вам о возможности издавать здесь книги. Вчера я выяснила это окончательно: я говорила с одним очень крупным капиталистом, владельцем большой типографии; он согласен и даже очень хочет издавать наши книги на его средства. Можно было бы издавать монографии, сборники, иллюстрированные книги – в переплетах, периодические издания. Хорошо было бы, конечно, попутно издать несколько учебников – для выгоды его и нашей. Он хотел бы, чтобы кто нибудь в Москве занялся бы исключительно этим. Он предлагает этого человека обеспечить продовольствием и деньгами. Я хотела бы, чтобы этим человеком согласился быть ты, Волосик – это очень интересно – во первых, а, во вторых, дало бы тебе возможность абсолютно бросить плакаты. Имейте в виду, что это не «блэф»!

Учебники издавать нужно тоже частным образом, никак не связываясь с Госиздатом.

Для того чтобы начать это дело нужно:

1) Зайти в транспортно-материальный отдел Внешторга и узнать там, как получить разрешение на провоз из Риги в Москву книг – за плату, конечно (платить будут в Риге).

2) Очень тщательно приготовить материалы в виде готовых книг, так чтобы можно было сдавать прямо в печать.

3) Послать этот матерьял через тов. Граника, работающего в отделе печати Наркоминдела – в редакцию газеты «Новый Путь» на имя тов. Альтера, кот. свел меня с этим издателем.

4) Внимательно обсудить какие авторские или какой процент с прибыли или и то и другое – должны будут получать авторы. (Если вам трудно будет рассчитать, то это постараются сделать здесь. Вообще ваши интересы будет защищать здесь т. Альтер, кот. это издательство очень интересует.)

5) На каких условиях ты, Волосик, согласился бы работать.

Хорошо бы издать Маяковского, Хлебникова, Пастернака и

т. д. – по возможности полностью; Сборник статей из «Иск. Коммуны»; книгу «Русский плакат» со вступительной статьей. Словом любую книгу, как бы дорого ни обошлось ее издание.

Обязательно узнавайте насчет учебников!

Лиля Брик. Рисунок В. Маяковского. 1916 г.

Отнеситесь к этому очень серьезно, Володик. Это даст тебе

возможность отдохнуть и писать.

Меня это настолько увлекает, что, если это наладится, то я не пожалею о том, что поехала, даже если мне не удастся попасть в Лондон. Во всяком случае буду сидеть здесь до тех пор, пока получу от вас ответ.

Марки, кот. вы прислали мне, не имеют никакой цены, если вы не пришлете всех остальных достоинств – по рублю, по сколько то копеек и т. п. Словом – узнайте у Ольги Влад. Какие вышли марки с начала существования Р.С.Ф.С.Р. и все пришлите.

[Приписка на полях]

Я деляга?!

Спросите у тов. Граника, есть ли посылка на Осино имя.

Посылаю книги.

Пишите, получили ли что нибудь? Если получили, то точно – что и через кого.

Кланяйтесь всем комфутам и передайте им что я их помню и блюду интересы. Они тоже могли бы получать гонорар продовольствием.

Целую нежно все лапки.

Ваша верная Киса Лиля

Вам разрешили газету, о которой говорили мне Кричевский и Винокур?

Если будет звонить Регина, передайте ей письмо.

Долг Ламановой уплочен? А в Фурманном?

Если т. Галоп из Внешторга еще не уехал, то пришлите мне павлинье «сузани». Мне очень нужно.

Вам еще не надоело, что я в каждом письме о чем нибудь прошу?

В. Маяковский – Л. Брик

<22 ноября 1921 г. Москва – Рига>

№ 7

Дорогой Лилек Милый Лилек Замечательный Лилек, Любимый Лилек (не надоело ли тебе что я так «повторяюсь?»)

Очень по тебе скучаю, очень тебя люблю и очень тебя жду.

Стали получать твои письма. Последнее (где было «щенику» оське и аннушке) такое милое что свое я все время ношу с собой.

Вчера звонил приехавший из Риги Басиас просил зайти за книгам и за посылкой. Три раза я к нему бегал как угорелый но его все нет.

Сейчас бегу опять. Кажется получу сегодня и старую твою посылку – из Риги они уже пришли только их не успели ЕЩЕ разобрать.

Я живу по старому. Написал агитку для Главполитпросвета в

4 действиях!

Ставит Фореггер.

Волнуюсь что к твоему приезду не сумею написать стих для тебя. Стараюсь страшно.

Я тебя сейчас даже не люблю а обожаю.

Одно время мне показалось (когда не шли письма) что ты уехала от меня. А после последних писем я расцвел. И отношусь к тебе замечательно. Пиши. Целую 10000000 раз

Люблю и жду

Твой

22/X 21 г.

Насчет разрешения на ввоз книг очевидно надо говорить с Госиздатом, мне этого не сделают. Пошел Саблин.

В. Маяковский – Л. Брик

<23 ноября 1923 г. Москва – Рига>

№ 8

Дорогой ослепительный и милый лисеныш!

Получил твое издевательское письмо.

Я согласен.

С удовольствием занялся бы этим исключительно. Сегодня же пойду в Наркомвнешторг в Наркоминдел и насчет учебников. Следующее письмо напишу подробно обо всех планах и возможностях. Тебе нужно выяснить следующее

1) С кем в Москве можно договориться о финансовой стороне (и авторские и организац. И пр.) а если не в Москве то с кем, где и как

2) Какие учебники? (сборники по теории поэт. Яз. Тоже почти учебники!)

Вот пока об издательстве все.

Теперь о самом главном.

В письме Волоситу ты задаешь серию вопроситов. Вот тебе ответы:

1) Честно» тебе сообщаю, что ни на одну секунду не чувствовал я себя без тебя лучше чем с тобой.

2) Ни одной секунды я не радовался что ты уехала а ежедневно ужаснейше горюю об этом.

3) К сожалению никто не капризничает. Ради христа приезжай поскорее и покапризничай.

4) Нервочки у меня трепатые только от того что наши паршивые кисы разъехались.

5) Я твой весь.

6) Мне никто, никто никто кроме тебя не нужен.

Целую тебя всю, весь твой <Щен> Целую Целую Целую

Целую Целую

Детик я небывало радуюсь твоим письмам. Ты пишешь их так хорошо что я все ношу в жилете.

Твое письмо праздник и получив его я хожу задрав голову дескать знай наших нам написала Киса

Люблю тебя Жду тебя. Целую и Целую. Пиши

Весь твой Щен

В. Маяковский – Л. Брик

<28 ноября 1921 г. Москва>

Деловое. № 9

Дорогой и милый Лиленок.

Анатолий Васильевич Луначарский – российский революционер, советский государственный деятель, писатель,

переводчик, публицист, критик, искусствовед. Рисунок Ю. Анненкова

Вот тебе отчет об издательстве.

1) Был в Наркомвнешторге. Товарищ Васильев, от которого зависит ввоз, оказался знакомым и обещал сделать все возможное, но разрешение зависит также и от Наркомпроса (Госиздата).

2) Я был у Луначарского, и он при мне говорил с Госиздатом (Мещеряковым), со стороны Госиздата препятствий не оказалось, и Луначарский утвердил список книг и просил Наркомвнешторг разрешить ввоз.

3) Дальнейшее буду делать так: высылая книгу в печать, буду прилагать каждый раз разрешение на ввоз.

4) Список книг, предполагаемых к изданию (первая очередь):

1. МАФ. Иллюстрирован<ный> журнал искусств. Редакция – В. Маяковский и О. Брик. Сотрудн<ики> Асеев, Арватов, Кушнер, Пастернак, Чужак и др.

2. Маяковский. Сборники стихов.

3. Б. Пастернак. Лирика.

4. Книга о русском плакате.

5. Поэтика (сборник статей по теории поэтического языка).

6. Хлебников. Творения.

7. Искусство в производстве. Сборник статей.

8. Хрестоматия новейшей литературы.

Резолюц<ия> Лунач<арского>:

«Идею издательства считаю приемлемой. Книги прошу разрешить к ввозу при соблюдении соответств<ующих> постановлений.

Луначарский».

5) Об учебниках надо говорить с Крупской; это труднее, но если издательство наладится – сделаю и это.

6) Чтоб выслать книги, их нужно сначала здесь (как ты писала) привести в абсолютно приемлемый вид.

7) Для этого необходимо сначала выяснить финансовый вопрос (организационные и мне).

8) С Граником** я буду говорить только завтра.

9) Мне кажется, что мне следует (чтоб заменило все остальное) не менее 20 мил<лионов> в месяц (на валюту это совсем кроха).

10) На организационные (машинистка, бум<ага> и пр.), а также на выдачу авансов необходимо около 50 мил<лионов> единовременно (тоже по-моему).

11) Как только все это выяснится, буду слать книги.

Вот пока деловое все.
Целую тебя, милый мой.
Весь твой
Щен Маяк.
28/XI-21 г.

В. Маяковский – Л. Брик
<28 ноября 1921 г. Москва – Рига>
№ 10
Милый мой дорогой и любимый Лиленок.
Я все такой же твой щен, живу только и думая о тебе, жду тебя и обожаю.
Каждое утро прихожу к Осе и говорю «скушно брат Кис без лиски» и Оська говорит «скушно брат щен без Кисы»
Получили посылку твою с чаем, шоколадом и овсянкой. Спасибо детик.
В харьков может быть выеду завтра. Работаю в Главполите и много со всеми ругаюсь. Шлем тебе через Левину тетю немного. Пиши мой миленький, люби мой любименький. Целую тебя 150. 000 000 раз весь твой ждущий тебя до смерти
28/XI 21 г. Я ужасно тебя люблю
ужасно.
Совсем твой

В. Маяковский – Л. Брик
<28 ноября 1921 г. Москва – Рига>
№ 11
Дорогой мой Лиленочек милый мой Лиленочек, ужасно любимый мой.
Кроме тебя родная нет никого на свете. Люблю тебя во всю душу и во все свое сердце. Жду тебя. Спасибо за нежненькие письменки. Я ношу их везде с собой так что у меня бок оттопыривается. Думаю завтра выехать в Харьков. Рад. А то устал и скушно через чур. Приезжай скорей любименькая. Шлем тебе немного. Как ты живешь? Пиши. Что то опять нет писем. После присланного через Бассиаса не было. Люблю тебя родненькая. Целую тебя миллиарды раз твой Щеник
28/XI 21 г.
Целую Целую и Целую
Твой твой твой
А ты мой?
Пожалуйста!
Ламановой заплатил все уже давно, даче то же
с Фурмановым окончу в субботу

В. Маяковский – Л. Брик

<5 декабря 1921 г. Москва – Рига>

№ 12

Дорогой мой и миленький Лисеныш!

Я в грустях.

Ты опять ни черта не пишешь. Левка получил от тебя письмо, а мы нет. Почему, Кисик? Последнее было всё то ж – через Бассиаса.

Последние две недели у меня какие-то дикие: я ежедневно собираюсь ехать в Харьков и – то нет места, то поезда, то билета, то мандата, то еще чего.

Оказалось труднее, чем с тобой.

В Харькове идет «Мистерия». Уже 5 раз назначались мои вечера, билеты проданы, а я не могу никак выехать.

Что с издательством?

Последние дни я ничего не рисую – стал писать и рад бы был пребывать в таком состоянии.

Я тебя очень люблю, мой миленький, и очень, очень, очень по тебе скучаю. Я жду тебя, котеныш. Кисов гладю всех. Пиши, детка, скорей, а то я так больше не могу, целую тебя 10000000000000000000 раз.

Весь твой
5/XII 21 г.

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<8 декабря 1921 г. Рига – Москва>

Черт знает! Сейчас только узнала, что едет Дубинский! Ничего не успею послать вам. Только Маттиаса.

Насчет издательства второе письмо вероятно получили. На всякий случай еще раз: главное – учебники!

Осип Максимович Брик.

ЛЕФ (Левый фронт искусств) – творческое объединение, существовало в 1922–1928 годах в Москве, Одессе и других городах СССР. Фотохудожник А. Родченко

Как только пришлете план издательства, изложенный в деловой форме – пошлем деньги.

Издатель на все условия согласен.

С визой ни черта не выходит. Сижу здесь исключительно из-за издательства…

С Граником говори как можно меньше – только самое необходимое.

Для издателя главное – прибыль! Лучше всего – заказы на учебники от правительства.

Отправила вчера три посылки: одну лично Левочке от Альтера, другую Осе от меня, третью лично – Ольге Владимировне, Главн. Почтамт, от Орлова.

Дубинский славный малый, кормите его обедами, не пускайте к имажинистам. Дайте ему с собой «Окна сатиры», «Сестру мою жизнь», Асеева и «Мистерию-Буфф», толстых папирос.

Отвечайте скорее насчет издательства.

Ужасно люблю, скучаю, целую восемь лапиков.

Хочу целоваться с вами!! Ждете?

Ваша верная *Лиля*

<кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<12 декабря 1921 г. Рига – Москва>

Зверики!

Сегодня переехала на Альбертовскую. Жду издательного ответа. Пока что издатель уехал на 10 дней в Берлин! Опять придется сидеть дожидаться!

Был ты, Волосик, в Харькове? Осик! Почему мало пишешь? Сижу дома так как развлечения надоели.

С нетерпением жду Дубинского. Если он не уехал еще – шлите его скорее и кланяйтесь от меня.

Как только выяснятся издательские дела – еду домой. Надоело здесь страшно!

Люблю вас!

Целую крепко все лапики и т. п.

Ваша <кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<15 декабря 1921 г. Рига – Москва>

Светики!

Опять все по новому! Очевидно я недели через две получу немецкую визу. Я решила ее дождаться. Значит к Рождеству домой не попаду.

Ужасно!

Примите ласково господина кот. передаст вам это письмо и пакет. Я сегодня только с ним познакомилась. Он мне нравится. Едет из Англии кормить русских детей.

Не посылаю ничего из одежды, тк кк думаю что в Берлине

дешевле и лучше.

Жду Дубинского. Что с издательством?

Волосик, был ли в Харькове?

Ужасно тоскую.

Целую все местечки.

Ваша верная
Лиля <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

< 19 декабря 1921 г. Москва>

№ 16

Дорогой и милый, милый Лиленочек!

Вчера (воскресенье 18) приехал из Харькова и сразу набросился на твои письма, получил 2 милых и все три деловых!

(Дело на следующей странице!)

Получила ли ты харьковское письмо?* Я рад, что оттуда вырвался – Харьков город ужаснейший. Читал три раза*, было довольно масса народу.

Не забывай меня, детка, пожалуйста.

Я твой верный

[2 страница]

Вот тебе
Лисик милый
Лисик замечательный
Лисик прекрасный
Лисик чудный
Лисик детка
Лисик удивительный
Лисик котик
Лисик киса
Лисик солнышко
Лисик рыжик
Лисик котенок
Лисик личика

Лисик сладкий
Лисик обаятельный
Лисик восхитительный
Лисик маленькая
Лисик красавица
Лисик обворожительный
Лисик потрясающий
Лисик фантастический
Лисик звездочка
Я вас люблю
Щен

«Страдать Володе полезно, он помучается и напишет хорошие стихи»

Л. Брик

[3 страница]

Лилек!

1) В четверг вышлю и докладную записку и сведения об учебниках.

2) За учебниками надо идти в Наркомпрос на Остоженку.

3) Также думаю получить заказ от Давида Петровича* (буду завтра тоже).

4) Если будут от Главполитпросвета заказы на плакаты и иллюстрированные книжечки, их можно издать?

5) Не слишком ли издатель упирает на учебники?

6) Не является ли литература наша только неприятным для него придатком к Евтушевскому* – ведь тогда это не то.

7) Важный вопрос (задают все) – придется ли Наркомпросу расплачиваться золотом, или мы будем расплачиваться в РСФСР нашим рублем? Конечно, последнее было бы сделать легче.

8) Как пройдут через латвийцев мои книги? Ведь если делать «искусство без примеси», то не пойдет ни мое «полное собрание», ни «МАФ»*, ни «книга о плакате».

Выясни это подробнее.

9) Постараюсь к четвергу все же выслать книгу* (и для печати и для расценки).

10) Отчего такой упор на учебники, ведь если поставить хорошее литературное издательство (особенно роман), ведь это тоже даст издательству большую прибыль.

В четверг все вышлю и все взвешу окончательно.

Пиши.

Целую, твой *В. Маяк.*

Можно ли к тексту о плакате выслать большие «окна», чтоб их уменьшили для печати в Риге, или это надо (или лучше) сделать тут?

В. Маяковский – Л. Брик

<22 декабря 1921 г. Москва. >

№ 17

Милый и дорогой Лисеныш!

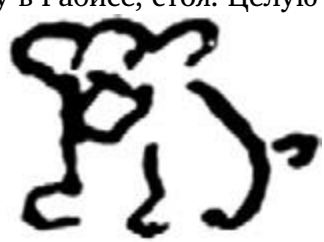
Только сейчас выяснил вопрос о Мафе. Прилагаю «Вместо докладной записки». Покажи, ответь. Если согласятся – деньги.

Как ты живешь, миленькая? Ты забыла нас. Даже на письмах пишешь тел. 5-06-52. Наш же 5-66-12! Бедные мы!

Скушно без тебя, всё время люблю и всё время вспоминаю.

Тороплюсь к курьерам, как поезд.

Пишу в Рабисе, стоя. Целую 10000005678910 раз.



Твой

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<22 декабря 1921 г. Рига – Москва>

Ужасно жалко, Волосик, что Дубинский не застал тебя в Москве.

Почему Ося не живет дома? Куда же мне адресовать посылки и письма? Отправила через одного англичанина письмо и посылочку. Значит вы не получили ее. А в ней были вкусные вещи.

Послала обычным путем три посылки.

1) Лично Ольге Владимировне Маяковской, главный почтамт, от Орлова.

2) О. М. Брику, Водопьяный, от брамсона.

3) Л. А. Гринкругу – от меня, из кот. половина Левочке, половина вам.

Как было в Харькове?

Отвечай скорее насчет издательства, надоело ждать!!!

Дубинский передал мне Осяткино подробное письмо. И книжки. Спасибо!

Снимки с плакатов никуда не годятся – все старье!

Пишите скорее!

Вы меня видно совсем разлюбили и не хотите, чтоб я приехала.

Тем не менее целую.

Ваша *Лиля* <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<26 декабря 1921 г. Москва.>

Дорогой мой, милый мой Лиленочек.

Ужасно, ужасно скучаю без тебя. А ты?

С приезда из Харькова ничего от тебя не получаю. Получила ли ты мое издательское «Вместо докладной записки»? Жду ответа, очень хочу работать по изданиям. Я и Оська живем. Живем и скучаем.

Оська получил от мамы длиннейшие кальсоны и завязывает их чуть не под подбородком – но франтит и хвастается. Приехал на съезд Малкин, страшно тебе кланяется. Уехал Жевержеев, прожив 4 недели! у нас!

С новым годом тебя, Лисеныш. Ужасно – без тебя.

Что тебе пожелать? Не знаю, какая ты! Мне желай увидеть тебя – скорее! скорее! скорее!

Целую тебя, детка.

Целую и целую.

Твой

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<29 декабря 1921 г. Рига – Москва >

Светлики, кислики, щеники!

Люблю вас и обожаю. Написала длиннющее письмо, приготовила посылку и – о ужас! Товарищ, с кот. должна была послать – не едет!

Ждите в понедельник.

Целую 8 лап, ваша верная <кошечка>

[На обороте]

Волосик!

В понедельник пошлем тебе деньги – жалованье (250 долларов в месяц). Авансы вышлем, когда напишешь более определенно.

Л. Брик – В.В. Маяковскому

<Конец декабря 1921 г. Рига – Москва>

Волосик, Щеник, щенятка, зверик, скучаю по тебе немыслимо!

С новым годом, Солнышко!

Ты мой маленький громадик!

Мине тибе хочется! А тибе?

Если стыдно писать в распечатанном конверте – пиши по почте: очень аккуратно доходит.

Целую переносик и родные лапики, и шарик всё равно стрижетый или мохнатенький и вообще всё целую.

Твоя *Лиля.*

Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо
в помещении —
Лиля,
Ося,
я
и собака
Щеник
«Хорошо»

В. Маяковский – Л. Брик
< 2 января 1922 г. Москва >
№ 19
Дорогой, дорогой Лиленок!

Пишешь ли ты? Я ничего не получаю. Левка получил два письма. Как тебе не совестно писать про нас гадости! Мы хотим, хотим, хотим, чтоб ты приехала и скорее. А дальше уже юмористическое: из чего ты взяла, что Оська не живет дома? Ты дала приезжающим телефон 5-06-52 (наш же теперь 5-66-12) и Давид, должно быть, сказал, что Брики давно выехали! Так?

Я тебе послал прошлое письмо – издательское. Судя по левиному письму, ты его не получила – на всякий случай шлю тебе еще «Доклад<ную> записку». Сейчас в Госиздате Галина Константиновна сильно поможет с учебниками.

Приехал Витя Хлебников: в одной рубашке! Одели его и

обули. У него длинная борода – хороший вид, только чересчур интеллигентный.

Я был убежден, что ты к новому году приедешь, и теперь весь разочароват.

Пиши скорее. Целую тебя, моя дорогая деточка.

Я твой

В. Маяковский – Л. Брик

<1 января 1922 г. Москва – Рига>

№ 20

Дорогой Дорогой Лиленок

Наконец я получил твои два письма. Зарадовался страшно! Первое – о нежитье Оськи (чудачка!) а второе о том что шлешь большое в понедельник (там же о «жалованьи» сейчас же по получении займусь во всю. Убежден что поставлю)

Ты себе и представить не можешь до чего я твоим письмам радуюсь. Хожу торжественный и посылаю к чертям всех знакомых. Я живу так —!) скучаю скучаю и скучаю без тебя 2) Пишу (только сейчас стал серьезно. Уладились дела) 3) Играю 4) остальное

8<-го> выступаю в Политехническом «Вечер моей сатиры». А после там же с Оськой – «Чистка поэтов». Оля тебя страшно благодарит. Мы тоже все тобою облагодетельствованы прямо ты растрогиваешь. Замечательный ты человек Кися. Люблю тебя одну. Я твой ждущий

<щен>

Целую Целую Целую

Твой Щен

Как ты живешь? Я ничего о тебе не знаю!

В. Маяковский – Л. Брик

<Перв. пол. января 1922 г. Москва – Рига>

Дорогой Мой Милый Мой Любимый Мой Лилятик!

Я люблю тебя. Жду тебя целую тебя. Тоскую без тебя ужасно ужасно. Письмо напишу тебе отдельно. Люблю.

Твой Твой Твой

Шлем тебе

немножко деньгов.

Л. Брик – В. Маяковскому

<Начало января 1922 г. Рига – Москва>

Володик,

Юлия Григорьевна Льенар рассказала мне о том, как ты напиваешься до рвоты и влюблен в младшую Гинзбург, как ты пристаешь к ней и ездишь с ней в нежных позах по улицам. Ты знаешь как я к этому отношусь.

Через две недели я буду в Москве и сделаю по отношению к тебе вид, что я ни о чем не знаю. Но требую: чтобы все, что мне может не понравиться, было абсолютно ликвидировано.

Чтобы не было ни единого телефонного звонка и т. п. Если все это не будет исполнено до самой мелкой мелочи – мне придется расстаться с тобой, что мне совсем не хочется, от того что я тебя люблю. Хорошо же ты выполняешь условия: «не напиваться» и «ждать». Я до сих пор выполнила и то и другое. Дальше – видно будет.

Ужасная сволочь эта Юлия Григорьевна! Злая баба!

Я совсем не хотела знать правду и ни о чем ее не спрашивала!

Не огорчайся!

Если ты все таки любишь меня, то сделай все так, как я велю и забудем.

Целую тебя.

Лиля

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<Начало января 1922 г. Рига – Москва >

Осик и Володик,

Посылаю вам письмо № 1, не перечитывая его – лень! Несмотря на то, что оно значительно устарело.

У меня была Юлия Григорьевна Льенар. С первого раза она мне совершенно не понравилась. Судя по ее рассказам, живете вы очень весело, у вас много новых знакомых дам и я за вас рада. Называет она всех вас «своей компанией» и «Ося, Володя» по именам. Вы конечно понимаете, что, несмотря на то, что я очень радуюсь что вы так веселитесь – вам перед моим приездом придется открыть все окна и произвести дезинфекцию.

Такие микробы как Боба и дамы типа Юлии Григорьевны, так же как и клопы в стенах должны быть радикально истреблены.

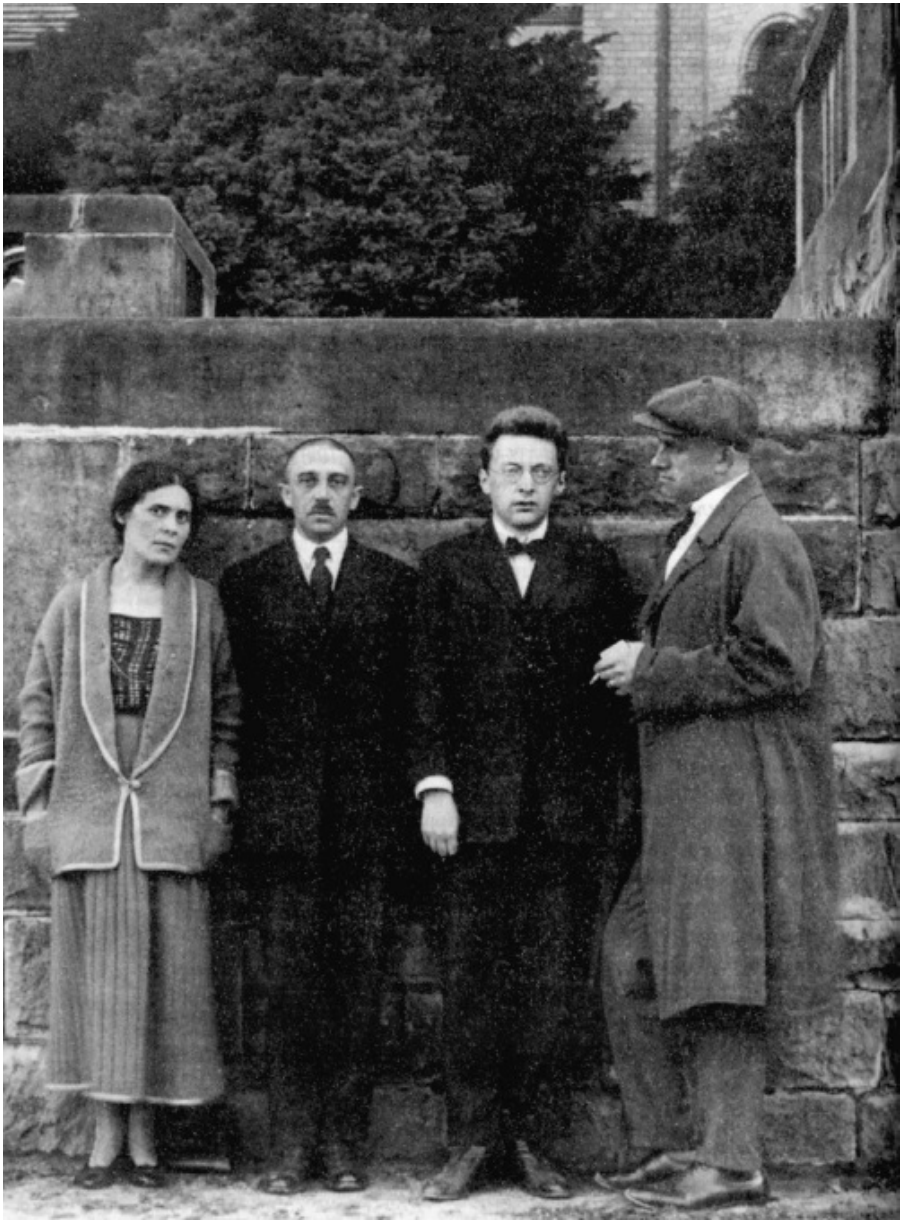
Вообще я категорически против нового курса экономической политики! Имейте это в виду!!

Через 2 недели я буду в Москве. Я ужасно этому рада!

Напишите что вам больше всего нужно. Пишите, не заботясь о том – дорого или дешево. Что смогу – куплю.

Месяца через два я очевидно смогу поехать в Берлин или

Вену. Все расскажу.



Лиля и Осип Брики, Роман Якобсон, Владимир Маяковский. Июль, 1923 г.

Товарища Брамсона (с кот. вы познакомили меня в Москве на вокзале) примите замечательно – он очень смешной и милый мальчик. Если он достанет мороженицу, то накормите его мороженым до отвалу! Один у него порок – он страшный спорщик!

Шить костюмы подождите. Я привезу еще материй – тогда выберем.

Осик! Немедленно напиши маме за посылку письмо и пришли мне – я переправлю в Лондон. Обязательно пойди к Циле Яковлевне! Если к моему приезду твои зубики не будут в порядке – разнесу! Я вижу вы в панике!!!

Передайте посылочки Рите и Малкину. Если Малкин уехал – съеште сами. Хотелось бы застать его в Москве.

Я телеграфирую вам о дне приезда. Будет хорошо, если достанете к вокзалу грузовичок, тк кк надеюсь привести много провизии.

«Вместо докладной записки» получила. Она весьма удовлетворительна: Все дело должно вестись как можно официальнее. Должны быть заказы от учреждения или от книжных магазинов на соответствующих бланках.

Я постараюсь привести издателя в Москву. Это было бы лучше всего. А то надоела письменная волынка!

Посылаю вам пока только пятнадцать тысяч марок. «Для того, чтобы сделать начало», как говорит издатель. Как только пришлешь заказ – вышлем остальное.

От того, как скоро вышлешь заказ, зависит и мой приезд. Хочу во что бы то ни стало организовать это дело.

СКОРЕЕ!!!!

Лиля <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<9 января 1922 г. Москва – Рига >

№ 20

Дорогой Лилечек

Получил твое письмо о моем времяпрепровождении. Информация тенденциознейшая. В натуре все это чушь фантастическая. Но пока что я на всякий случай сильно загрустил. Одно утешенье – с первого знакомства я и сам убедился и других убеждал что баба эта дрянь страшная, не верил мне только Лева, а теперь с твоей помощью убедился и он. Я не больше чем ты из «этой компании».

Чушь то чушь а огорчился я очень. В четверг пошлю длинное письмище.

В четверг едет Эльберт. Славный малый!

В четверг же пришлю максимум об издательстве.

Целую тебя, милая и родная, жду тебя.

Твой

В. Маяковский – Л. Брик

<10 января 1922 г. Москва – Рига>

Дорогой мой и любимый Лилек

Получил два твоих неприятных письма. Грустно очень. Особенно последнее. В первом ты только погрозилась «А там видно будет». В последнем же нет уже твоих обычных «Ваша» и «жду» и т. д. Неужели сплетни сволочной бабы достаточно чтобы так быстро стать чужой?

Конечно я не буду хвастаться что я живу как затворник. Хожу и в гости и в театры, и гуляю и провожаю. Но у меня нет никакого романа нет и не было.

Никакие мои отношения не выходят из пределов балдежа. Что же касается до Гинзбургов и до младших и до старших то они не плохой народ но так как я нашел биллиардную то в последнее время видеться с ними не приходится совсем.

К «компании» же Юл<ии> Г<ригорьевны> я не принадлежал никогда обозвав ее сволочью в первый же день знакомства в сем убеждении и пребываю. Избегал ее всегда и всячески.

Приедешь увидишь все сама – ненравящееся выведешь.

Ну целую тебя миленькая и дорогая детанька я твой

Щен

10/I 22 г.

Несколько дней я грустный

Очень

Шлю письмо издателю.

Эльберт взял карточки (я) одна из них твоя остальные сестрины их ни в коем случае нельзя пропадать. Отдай их переснять

Целую

Твой Щ.

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<Перая половина января 1922 г. Рига – Москва >

Милые мои,

Отправила вам две посылки:

1) Л. А. Гринкругу – от т. Орлова.

2) О. М. Брику – от меня.

В каждой 15 фунтов сахару, 10 ф. муки и 5 ф. сала. Обе посылки для нас.

Ваше письмо по почте, Левик, получила.

От вас, Володик и Осик – после Брамсона – ничего. Меня это удивляет. Разве вы не получили деньги, материю и т. д.

Я очень рада, что Витя Хлебн. в Москве. Интересно что он написал новое.

Что с заказами на учебники? Я из-за них здесь сижу!!

Я опять ужасно растолстела. Уехал ли Малкин?

Английскую посылку получили? Ольга Владим. Получила посылку?

Боюсь, что если задержусь еще здесь, пришлют английскую визу и придется ехать в Лондон. Предпочитаю сейчас в Москву, а месяца через два в Вену. Думаю, что это можно будет.

Целую вас всех крепко.

Ваша *Лиля* <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<Первая половина января 1922 г. Москва – Рига>

Дорогой Мой Милый Мой Любимый Мой Лилятик!

Я люблю тебя. Жду тебя целую тебя. Тоскую без тебя ужасно ужасно.

Письмо напишу тебе отдельно. Люблю.

Твой Твой Твой

Шлем тебе

немножко

деньгов

Рига. 1920-е гг.

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<Середина января 1922 г. Рига – Москва>

Милые детки, спасибо за письма, папиросы и деньги.

Зив сейчас в Берлине. Возможно, что и я попаду туда через несколько дней. Если нет – дождусь его здесь – он скоро должен приехать.

Брамсон напутал – я получила от Зива не 30 000 марок, а только 15 000, которые я вам целиком и отправила.

Так как я опять не знаю, когда попаду в Москву, а вы должно быть обносились, то шейте костюмы.

Осик, не завидуй Володиной подкладке – твоя гораздо лучше и дороже, к сожалению для Володика такой уже не было.

Передайте Малкину, что куплю все в Берлине, если туда попаду. Если нет – куплю здесь.

Шлю ноты.

Володик, если хочешь – пришли мне пролог к 4-му инт<ернационалу>. Брасмсон говорит, что очень хорош. Если боишься – не посылай.

Ужасно жаль, что английская посылка пропала – в ней было вино!

Очень рада, что Аннушка довольна юбкой. Привезу ей еще такой же материи на жакет, чтобы был костюм.

Я продала кое что из своих тряпок и вместо них купила себе замечательное непромокаемое пальто, вязаный костюм, вязаное

платье, две шляпы, башмаки, ботики, ночные туфли; починила шубу, купила несколько материй на платья и белье. Все это здесь ужасно дорого. Зато приеду шикарная!!

Одна беда потолстела ужасно! Здесь все откармливаются и я за компанию.

Нервы мои ужасно поправились – не узнаете!

Очень подружилась с одной женщной, кот. ты, Волосик, знаешь. Она встречалась с тобой у Рунт, – Екатерина Влад. Выставкина. И она и муж ее – очень милые. К сожалению они вчера уехали в Берлин. Мы с утра до вечера были вместе. Я во всю жизнь не хохотала столько, сколько с ней – на редкость остроумная баба! Футуристов только не любит очень.

Ослик, со следующей оказией пришлю книг.

Я тоже увлекаюсь «Mon home» – весь Париж его поет, танцует, играет.

Осик! Лечи зубки!!!!! Говорят ты собираешься в Берлин?! Подожди меня – вместе поедем летом.

Об очень, очень многом надо поговорить и посоветоваться. Очень хочу вас всех видеть. Осик, если какие нибудь ноты не годятся – продай их. А то они очень дорогие. В общем – на 1800 латвийских рублей.

Володик, только что говорила с доверенным Зива. К четвергу будут все цены.

Целую вас, зверики мои,

Ваша *Лиля* <кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<Середина января 1922 г. Рига – Москва>

Милые мои зверики!

Дубинский (он же Шарик, потому что круглый) – хороший малый, друг Брамсона. Кормите его обедами если хотите.

Волосик! Он обожает покер, но играет до того плохо, что никогда в жизни не выиграет. Пощади его, Минос!

У него один ужасный порок – любит имажинистов!

Я послала вам массу нот. Надеюсь получили их.

Книга и плакат посланы Зиву в Берлин. Очевидно все будет печататься там – несравнимо дешевле.

Жду Зива, со дня на день надо закончить, оформить и получить деньги.

Даже в том случае, если получу визу – никуда не поеду. Если ехать – это опять по крайней мере недель на шесть. Надо домой! Соскучилась!

Думаю выехать ровно через неделю, в четверг. Если случится несчастье (вроде того что Зив запоздает – хотя не думаю) и я не

смогу выехать в четверг, то пошлю вам телеграмму. А то – ждите! До чего я рада что скоро увижу вас!!!

Не пишите мне больше. Впрочем – вы и так не пишете: уже два курьера пришло – без писем для меня.

Посылаю с Дубинским кое что из моих материй, чтобы мне не пришлось много везти.

1) Розовый и голубой батист на белье.

2) Синяя шерсть на платье.

3) Черная

4) Клетчатая материя.

Он везет вам кое что – не знаю довезет ли.

Я уже писала вам о том, что Брамсон напутал – я получила от Зива только 15 000 марок, а не 30 000 – и все послала вам, ничего себе не оставив.

Только что узнала что Зив приезжает через два дня. Значит в четверг через неделю ровно еду. Здорово!!!

Писать больше не буду. Не удивляйтесь что с каждой оказией посылаю сахар. Уж очень дешев!

Целую целую целую…

Ваша Лиля <кошечка>

Только что получила твои письма, Щен, и письмо Оли.

Прошу отправить это заказное письмо в Харьков.

Квитанцию сохрани.

В. Маяковский – Л. Брик

<17 января 1922 г. Москва – Рига>

№ 21

Дорогой Лилек!

Думаю что это тебя уже не застанет в Риге. Когда же ты выедешь? Ждем с нетерпением. Что с издательством. Рвусь издавать

Приезжай

Целую и целую

Весь твой

17/I 22

Лиля Брик с первым изданием поэмы «Про это». Фотохудожник А. Родченко

Л. Брик – В. Маяковский
<До 22 января 1922 г. Рига – Москва>

Володик, тебе предлагают в марте месяце 5 выступлений: 2 – в Риге, 2 – в Ревеле. 1 – в Ковно. Казенный проезд и гостиница и 50 000 тысяч латвийских рублей – по 10 000 тысяч за выступление. С тем, конечно, чтобы ты сам хлопотал о визе. Я думаю ты не откажешься прокатиться, а визу получить будет нетрудно – я тебе помогу.

Вообще ко мне ходят всякие люди – газетчики, журналисты; все о тебе спрашивают.

Знаменитый ты человек!

Целую

<кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<22 января 1922 г. Москва. >

Дорогой и милый Лиленок,

Получил два твои письма: одно – с нотами, а другое – гастрольное. По обоим письмам судя, ты нас (меня) здорово позабыла.

Возможности гастролей обрадовался очень. Поеду с удовольствием. Здесь надоело. И делать нечего. Уже месяца два я не рисовал ни полплаката. Здорово?!

Я-то тебя ждал к 16-тому. Комнату вылизывал!

Дней пять после этого звонил еще каждые полчаса домой!

Когда же я тебя увижу? Скучаю. Целую, целую и целую

Твой

22/I 22 г.

[На обороте]

Шли расценки!

В. Маяковский – Л. Брик

<Конец января – начало февраля 1922 г. Москва – Рига>

Приезжай, целую! Дорогой мой и милый

Люблю тебя и обожаю

Весь твой

Щенок

Это письмо последнее.

Л. Брик – В. Маяковскому

<23 апреля 1922 г. Рига – Москва>

Зверики!

Посылаю:

1) Кэсу и Щену по паре сандалий.

2) Немецкие журналы.

3) Ноты!

4) Несколько книжков.

5) Кэсу – очки с запасными стеклами.

6) Щену и Левику по колоде карт.

7) Шоколад, ликер и 4 банки консервов Осику, Володику, Левику, Аннушке, Рите и Асеевым для совместного съедения.

8) Натану Альтману книгу «Красные и белые».

Надеюсь выехать числа 6-ого мая. Во первых: я еще ничего не сделала с Зивом, тк кк его страшно трудно поймать. Во вторых: хочу добиться для Альта германской визы. Он чуть не умер. У него туберкулез – две недели был в бреду. Сейчас тоже температура высокая, но ему много лучше и он будет абсолютно здоров, если уход будет хороший.

Он лежит в лечебнице. У него сестра милосердия.

Зив очевидно очень не хочет дать денег. Альт собирается с ним поговорить!

Была несколько раз в кино, один раз в цирке, один раз в театре.

Скука смертная!

Ничего не удается! – Материи в долг не дают!! Денег тоже не дают!!

У Альта брать не хочу – тк кк ему нужны будут на лечение.

Вообще – не везет! В комнате у меня отвратительно!

Левик! Заплатите Винокуру из моих золотых – десять фунтов стерлингов – я осталась ему должна еще в ту поездку.

Риточка! Спасибо за письмо – очень хорошее!

Обнимаю и крепко целую всех, всех, всех.

Скоро приеду и больше никуда никогда от вас не уеду!!!

Ваша *Лиля* <кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<15 августа 1922 г. Берлин – Москва>

Мои зверики,

Посылаю вам разрешение на въезд. Пойдите в немецкое посольство, скажите о том, что вы больны и, если Ал. Мих. вам поможет, то вам должны очень скоро выдать визы. По дороге в

Киссенген вы остановитесь в Берлине, где вам дадут возможность жить столько, сколько вам будет нужно.

18-ого еду в Лондон. Уже заказала билет.

Посылаю тебе, Волосит, Буша; Осику Шпенглера. Рите шляпу, шпильки, и всем вам шоколад. Аннушке тоже дайте шоколаду.

Я езжу верхом в манеже – по мужски.

Купила себе несколько платьев и чудесное кожаное пальто. Приезжайте скорее!!!! Берите денег побольше! Обязательно летите!!!

Тороплюсь – надо вести письмо на вокзал.

Скажите Рите, чтобы писала.

Целую вас, мои сладенькие.

Ваша *Лиля* <кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<Конец августа 1922 г Лондон – Москва>

Родные мои зверики!

Лондон – замечательный, только денег мало!!!

Завтра приезжает Эльза – интересно.

Телеграфируйте ради Бога получили ли вы визы и когда думаете выехать.

Левочка рассказывал вам, как мы кутили в Берлине? Видела здесь Евнина, Левидова, Швеца.

Младшая сестра Лили Брик Эльза. Урожденная Эльза Юрьевна Каган. Увлекшись творчеством Маяковского, она пригласила его на вечер поэзии летом 1915-го года. Там поэт увидел Лилю и влюбился с первого взгляда…

Купила у Бруни тебе, Осик, материю на синий костюм и на осеннее пальто (как Володино). А Волосику – серой материи на костюм – в Германии страшная дрянь.

Соскучилась по вас.

Приезжайте скорее, а то отвыкну!

Как Рита, Аннушка, Краснощековы, Малкин, и т. д.?

Волосит – ты охотился?

В Берлине была в зоологическом. На днях – здесь пойду.

Какие здесь щеники!!!

Целую вас, мои миленькие. Я вас люблю.

Ваша верная до гроба

Лиля <кошечка>

Здесь такие изумительные вещи – все купить хочется!

Везите больше денег!!!! <кошечка>

На те деньги кот. у меня есть – ничего не купишь!

Целую восемь лапиков. <кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<31 августа 1922 г. Лондон – Москва >

Детики! Что же вы не едете и даже не пишете??!

Телеграфируйте, получили ли вы визы.

Телеграфируйте неделей раньше Мише Гринкругу, чтобы приготовил комнаты.

Обнимаю, целую. Ваша *Лиля*

[На обороте]

Почему Рита не пишет?

В. Маяковский – Л. Брик

<28 декабря 1922 г. Москва>

Лилек

Я вижу ты решила твердо. Я знаю что мое приставание к тебе для тебя боль. Но Лилек слишком страшно то что случилось сегодня со мной что б я не ухватился за последнюю соломинку за письмо.

Так тяжело мне не было никогда – я должно быть действительно черезчур вырос.

Раньше прогоняемый тобою я верил во встречу. Теперь я чувствую что меня совсем отодрали от жизни что больше ничего и никогда не будет. Жизни без тебя нет. Я это всегда говорил всегда знал теперь я это чувствую чувствую всем своим существом, все все о чем я думал с удовольствием сейчас не имеет никакой цены – отвратительно.

Я не грожу и не вымогаю прощения. Я ничего с собой не сделаю – мне через чур страшно за маму и Люду с того дня мысль о Люде как то не отходит от меня. Тоже сентиментальная взрослость. Я ничего тебе не могу обещать. Я знаю нет такого обещания в которое ты бы поверила.

Я знаю нет такого способа видеть тебя, мириться который не заставил бы тебя мучиться.

И все таки я не в состоянии не писать не просить тебя простить меня за все.

Если ты принимала решение с тяжестью с борьбой, если ты

хочешь попробовать последнее ты простишь ты ответишь.

Но если ты даже не ответишь ты одна моя мысль как любил я тебя семь лет назад так люблю и сию секунду что б ты не ни захотела, что б ты ни велела я сделаю сейчас же сделаю с восторгом. Как ужасно расставаться если знаешь что любишь и в расставании сам виноват.

Я сижу в кафэ и реву надо мной смеются продавщицы. Страшно думать что вся моя жизнь дальше будет такою.

Я пишу только о себе а не о тебе. Мне страшно думать что ты спокойна и что с каждой секундой ты дальше от меня и еще несколько их и я забыт совсем.

Если ты почувствуешь от этого письма что нибудь кроме боли и отвращения ответь ради христа ответь сейчас же я бегу домой я буду ждать. Если нет страшное страшное горе.

Целую. Твой весь

Я

Сейчас 10 если до 11 не ответишь буду знать ждать нечего.

В. Маяковский – Л. Брик

<28 декабря 1922 г. Москва>

Я сижу с нравственным удовольствием но с все возрастающей физической мукой. Я буду честен до мелочей 2 месяца. Людей измерять буду по отношению ко мне за эти два месяца. Мозг говорит мне что делать такое с человеком нельзя. При всех условиях моей жизни если б такое случилось с Личикой я б прекратил это в тот же день. Если Лилик меня любит она (я это чувствую всем сердцем) прекратит это или как то облегчит. Это должна почувствовать, должна понять. Я буду у Лилика в 2 часа дня 28 февраля. Если хотя б за час до срока Лилик ничего не сделает я буду знать что я любящий идиот и для Лилика испытуемый кролик.

Вол. 28 декабря

Сейчас я думаю – Лилик ничего не сделает. Счастье – если это от <…>

В. Маяковский – Л. Брик

<Начало января 1923 г. Москва>

Лилик,

Пишу тебе сейчас потому, что при Коле я не мог тебе ответить. Я должен тебе написать это сейчас же, чтоб моя радость не помешала бы мне дальше вообще что-либо понимать.

Твое письмо дает мне надежды, на которые я ни в каком случае не смею рассчитывать и рассчитывать не хочу, так как всякий расчет, построенный на старом твоем отношении ко мне, –

не верен. Новое же отношение ко мне может создаться только после того, как ты теперешнего меня узнаешь.

За день до отъезда Маяковского в Париж Лиля получила от него фотопортрет с дарственной надписью: *«Для любимого кисика рыжего. Через две недели увижу его. 17. XI.22»*

Мои письмишки к тебе тоже не должны и не могут браться тобой в расчет, т. к. я должен и могу иметь какие бы то ни было решения о нашей жизни (если такая будет) только к 28-му. Это абсолютно верно, т. к. если б я имел право и возможность решить

что-нибудь окончательно о жизни сию минуту, если бы я мог в твоих глазах ручаться за правильность, ты спросила бы меня сегодня и сегодня же дала б ответ. И уже через минуту я был бы счастливым человеком. Если у меня уничтожится эта мысль, я потеряю всякую силу и всю веру в необходимость переносить весь мой ужас.

Я с мальчишеским лирическим бешенством ухватился за твое письмо.

Но ты должна знать, что ты познакомишься 28<-го> с совершенно новым для тебя человеком. Всё, что будет между тобою и им, начнет слагаться не из прошедших теорий, а из поступков с 28 февраля, из «дел» твоих и его.

Я обязан написать тебе это письмо, потому что сию минуту у меня такое нервное потрясение, которого не было с ухода.

Ты понимаешь какой любовью к тебе, каким чувством к себе диктуется это письмо.

Если тебя не пугает немного рискованная прогулка с человеком, о котором ты только раньше понаслышке знала, что это довольно веселый и приятный малый, черкни, черкни сейчас же.

Прошу и жду. Жду от Аннушки внизу. Я не могу не иметь твоего ответа. Ты ответишь мне, как назойливому другу, который старается «предупредить» об опасном знакомстве: «идите к черту, не ваше дело – так мне нравится!»

Ты разрешила мне написать когда мне будет очень нужно – это очень сейчас пришло.

Тебе может показаться – зачем это он пишет, это и так ясно. Если так покажется, это хорошо. Извини, что я пишу сегодня, когда у тебя народ, – я не хочу, чтоб в этом письме было что-нибудь от нервов, надуманное. А завтра это будет так. Это самое серьезное письмо в моей жизни. Это не письмо даже, это: «существование».

Весь я обнимаю один твой мизинец

Щен

В. Маяковский – Л. Брик

<Середина января 1923 г. Москва>

Дорогой и любимый Лиленок.

Я строго-настрого запретил себе впредь что-нибудь писать или как-нибудь проявлять себя по отношению к тебе – вечером. Это время, когда мне всегда немного не по себе.

После записочек твоих у меня «разряд» и я могу и хочу тебе раз написать спокойно.

При этих встречах у меня гнусный вид, я сам себе очень

противен.

Тому же я знаю что это больше всего вредит мне. Ты понимаешь что такой я никому и ни к чему не нужен.

Понимаю что тебя всякий раз при этом ежит мысль неужели тебе придется когда нибудь канителиться с такой падалью.

Не тревожься детик.

Таким я не буду.

Если я буду такой я не позволю себе попасться на твои глазки.

Еще одно: не тревожься, мой любименький слоник, что я у тебя вымогаю записочки о твоей любви.

Я понимаю, что ты их пишешь больше для того что б мне не было зря больно.

Я ничего, никаких твоих «обязательств» на этом не строю и, конечно ни на что при их посредстве – не надеюсь.

Заботься детанька о себе о своем покое. Я надеюсь что я еще буду когда нибудь приятен тебе вне всяких договоров, без всяких моих диких выходок.

Клянусь тебе твоей жизнью детик что при всех моих ревностях, сквозь них, через них я всегда счастлив узнать что тебе хорошо и весело.

Не ругай меня детик за письма больше чем следует.

Целую тебя и птичтов

Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

<Середина января 1923 г. Москва >

Я рада!

Верю, что ты можешь быть таким, какого я всегда мечтала любить.

Твоя *Лиля* (28-го!)

Но и с 28-го – <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<19 января 1923 г. Москва>

Москва. Рединге тская тюрьма 19/I 23

Любимый милый мой солнышко дорогое Лиленок

Может быть (хорошо если – да!) глупый Левка огорчил тебя вчера какими то моими нервишками. Будь веселенькая! Я буду. Это ерунда и мелочь. Я узнал сегодня что ты захмурилась немного, не надо Лучик!

Конечно ты понимаешь что без тебя образованному человеку жить нельзя. Но если у этого человека есть крохотная надеждочка увидеть тебя то ему очень и очень весело. Я рад подарить тебе и

вдесятеро большую игрушку что б только ты потом улыбалась. У меня есть пять твоих клочечков я их ужасно люблю только один меня огорчает последний – там просто «Волосик спасибо» а в других есть продолжения – те мои любимые.

Ведь ты не очень сердишься на мои глупые письма. Если сердишься то не надо – от них у меня все праздники.

Я езжу с тобой пишу с тобой, сплю с твоим кошачьим имечком и все такое Целую тебя если ты не боишься быть растерзанной бешеным собаком.

Твой Щен

он же Оскар Уайльд

он же шильонский узник

он же:

сижу – за решеткой в темнице – сухой (это я сухой, а когда надо буду для тебя жирный). Любимый помни меня <…>. Поцелуй Клеста. Скажи чтоб не вылазил – я же не вылажу!

Окна квартиры в Водопьяновом переулке, в которой в 1920-х жили Лиля и Осип Брики.

Так барабаны улиц
в сон
войдут,
и сразу вспомнится,
что вот тоска
и угол вон,
за ним
она – виновница.

«Про это»

В. Маяковский – Л. Брик

<Январь 1923 г. Москва>

Милый милый Лиленок.

Я знаю ты еще тревожная ты еще хмуришься.

Лечи детка свои милые нервочки.

Я много и хорошо о тебе думаю.

Немножко помни меня

Нам ужасно нужно хорошо пожить.

До бесконечности хочется что б это сделалось вместе.

Если у меня голова не лопнет от этой мысли – я выдумаю.

Люби клеста – он похож на меня: большой нос (у меня только красный) и все цепляется за прутики (в окно смотрит).

По глобусу я уже с тобой езжу.

Шильонский узник

Урожденный Щен

[На обороте]

Целовать буду когда нибудь лично. Можно?

Л. Брик – В. Маяковскому

<Январь 1923 г. Москва>

Волосик! Щеник!

Больше всего на свете люблю тебя. Потом – птичтов. Мы будем жить вместе, если ты этого захочешь.

Твоя *Лиля* <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<До 31 января 1923 г. Москва>

Милый, дорогой Лилёк!

Посылая тебе письмо я знал сегодня, что ты не ответишь. Ося видит я не писал.

Письмо это и оно лежит в столе. Ты не ответишь потому что я уже заменен что я уже не существую для тебя что тебе хочется чтоб я никогда не был. Я не вымогаю но Детка ты же можешь сделать двумя строчками то чтоб мне не было лишней боли. Боль черезчур! Не скупись даже после этих строчек – у меня остаются пути мучиться. Строчка не ты! Но ведь лишней не надо боли детик! Если порю ревнивую глупость – черкни – ну пожалуйста. Если это верно– молчи. Только не говори неправду – ради бога.

Л. Брик – В. Маяковскому

<До 31 января 1923 г. Москва>

Я не скуплюсь, Володик; я не хочу «переписки»! Ты не

заменен. Это правда, хотя я и не обязана быть правдивой с тобой. Обнимаю тебя и целую крепко.

Клест кланяется, он вылетел, но я его сама поймала, погладила перышки и поцеловала от твоего имени.

<кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<31 января 1923 г. Москва>

Целую дорогую Киску*

Щенок

31/ 23 г.

* Вы и писем не подпускаете близко —
закатился головки диск.
Это Кися не «переписка»
Это только всего переПИСК.

Л. Брик – В. Маяковскому

<Ок. 31 января 1923 г. Москва>

Обнимаю тебя и целую, Щенятик!

Спасибо за «писк».

Твоя *Лиля* <кошечка >

В. Маяковский – Л. Брик

<Январь – февраль 1923 г. Москва>

Личика.

Напиши какое нибудь слово здесь. Дай Аннушке. Она мне снесет вниз.

Ты не сердись.

Во всем какая то мне угроза.

Тебе уже нравится кто то. Ты не назвала даже мое имя. У тебя есть.

Все от меня что-то таят. Если напишешь пока не исчезнет словечко я не пристану.

В. Маяковский – Л. Брик

<Январь – февраль 1923 г. Москва>

Ужасно рад был встретиться с «рабочими кисами»
Целую кисячью сотрудницу
<унылый щенок>

Л. Брик – В. Маяковскому
<Январь – февраль 1923 г. Москва>
Очень рада была когда увидала тебя, Щенятик!
Целуем за цветочки.
Твои <кошечка и две птицы>

В. Маяковский – О. Брик
<Январь – февраль 1923 г. Москва>
Осик
Ты просил позвонить к сожалению телефон у меня не работает. Так что сия последняя связь тоже прикончилась. Если у тебя есть что ко мне забеги
Целую Вол.
Спасибо Кисе за память.
Осик
Если ты сейчас же сойдешь я буду внизу минутку – можно пройтись вместе если тебе надо поговорить
В.

Москва. 1920-е гг.

Л. Брик – В. Маяковскому
<7 февраля 1923 г. Москва>
Волосик,

Хочешь 28-го уехать в Петербург, на несколько дней?

Если хочешь встретимся на вокзале. Напиши мне 27-го – в котором часу и пришли билет.

Если есть лишние деньги – закажи комнату в Европейской для того, чтобы разные Чуковские не знали о нашем приезде.

Никому не говори об этом, даже Оське.

Лиля

Л. Брик – В. Маяковскому

<Перв. пол. февраля 1923 г. Москва>

Милый Володенька, я больна. Температура 38,1. Лежу в постели. Как твое здоровье? Целую тебя

Лиля

В. Маяковский – Л. Брик

<Перв. пол. февраля 1923 г. Москва>

Целую тебя детик!

Ужасно волнуюсь по поводу твоих 38,5.

Не мог тебя никак поцеловать эти дни потому что сам только сегодня встал.

Поправляйся родная пожалуйста скорей!

Твой Щененок

Грустно не мочь зайти.

Л. Брик – В. Маяковскому

<Перв. пол. февраля 1923 г. Москва>

Щеняточка, ты прислал такую грустную записку, прямо до слез! Боюсь поцеловать тебя.

У меня такая паршивая испанка, – еще заразишься!

Все таки целую переносик.

Твоя *Лиля* <лежащая кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<Перв. пол. февраля 1923 г. Москва>

Лиска, Личика, Лучик, Лиленок Луночка, Ласочка, Лапочка Деточка, Солнышко, Кометочка, Звездочка, Деточка, Детик Любимая Кисанька Котенок

Целую тебя и твою испанку (вернее испанца потому что испанок я никак целовать не хочу)

Посылаю тебе всякую мою ерунду

Улыбнись Котик.

Даже шлю известинскую чушь

Вдруг хихикнешь!

Целую тебя

Твой

Невозможно что тебя еще какими то «мазями». А Я?

Л. Брик – В. Маяковскому

<Перв. пол. февраля 1923 г. Москва>

Волосик, спасибо за все вещи. Цветочки замечательные. А книжка паршивая – и обложка! И оглавление! Я злая как черт! Но известинские стихи смешные!

Целую тебя.

Твоя *Лиля* <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<Перв. пол. февраля 1923 г. Москва>

Целую Кисика

Книжка не может быть паршивая потому что на ней «Лиле» и все твои вещи!

Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

<11 февраля 1923 г. Москва>

Володя, ввиду того, что к Оксане ты в мое отсутствие «приставал», так же как и ко всем остальным женщинам (она сама мне об этом рассказывала) то от апельсина следовало удержаться. Это письмо не в счет.

Никто не должен знать о нем.

Не отвечай. Если б не жар – не написала бы. Это конечно пустяк, но мне известны со всеми подробностями все твои лирические делишки.

В. Маяковский – Л. Брик

<11 февраля 1923 г. Москва>

Личика

Твоя записка для меня больше чем огромная неприятность это безвыходное горе.

Надо узнать мою теперешнюю жизнь чтоб как нибудь подумать о каких то «делишках» страшно не подозрение, страшно то что я при всей бесконечной любви к тебе не могу знать всего что может огорчить тебя. Что мне делать в будущем? Только потому что я абсолютно болен, ничего не понимая, совсем побитый.

Нужен я тебе или не нужен

Твой любящий Щен

Неужели ты кончила со мной?

Л. Брик – В. Маяковскому

<Ок. 11 февраля 1923 г. Москва>

Волосик, я люблю тебя. Делай что хочешь. Готовься к 28-ому. Я так жду. Я себя очень плохо чувствую и не могла удержаться – написала про апельсин.

Обнимаю тебя и целую весь твой шарик.

Твоя *Лиля* <кошечка>

Александр Краснощоков. Возлюбленный Лили Брик в период 1923–1924 гг.

В. Маяковский – Л. Брик

<Февраль 1923 г. Москва>

Личика

Мне кажется все что ты передумала меня видеть только сказать этого как то не решаешься: – жалко.

Прав ли я.

Если не хочешь – напиши сейчас, если ты это мне скажешь 28-го (не увидев меня), я этого не переживу.

Ты совсем не должна меня любить но ты скажи мне об этом сама. Прошу.

Конечно ты меня не любишь но ты мне скажи об этом немного ласково.

Иногда мне кажется что мне придумана такая казнь – послать меня к черту 28-го! Какая я ни на есть дрянь я немного все таки человек.

Мне просто больно. Все ко мне относятся как к запаршивленному нищему – подать если просит и перебежать на другую улицу. Больно писать эти письма и ужасно их передавать через Гринберговских прислуг.

Но детик ответь (это как раз «очень нужно»). Я подожду внизу. Никогда никогда в жизни я больше не буду таким. И нельзя. Детик если черкнешь я уже до поезда успокоюсь. Только напиши верно правду!

Целую

Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

<Февраль 1923 г. Москва>

Волосик, детик, щеник, хочу поехать с тобой в Петербург 28-го.

Не жди ничего плохого! Я верю, что будет хорошо.

Обнимаю и целую тебя крепко.

Твоя *Лиля* <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<23 февраля 1923 г. Москва. >

Лисичка Киса.

Билет я могу тебе прислать только 28-го (выдают лишь в день отъезда) не позднее чем без пяти три (постараюсь), а то в три кончаются сроки и стоять еще у семафора это совсем грустно…

Мне всё кажется, что ты была бы рада меня никогда не видеть?

Давай, пусть это будет неправда.

Целую Кису и птичков

Твой

Я только что видел т. Томчина – обещает не затерять – но делай как кажется тебе лучше. Менять или сдавать все равно в случае отъезда придется

Адрес Петровка где милиция (во дворе) II эт на лево

Целую еще

В. Маяковский – Л. Брик

<Конец февраля 1923 г. Москва>

Деточка Кисик!

Только 20-го я могу получить билет (выдаются в день отъезда).

Когда идет поезд – еще не знаю – думаю вечером.

Билет пришлю до 3-х часов, тогда же напишу точно о времени отхода поезда.

Целую тебя родненькая

Твой

В. Маяковский – Л. Брик

<1-27 февраля 1923 г. Москва>

Солнышко Личика!

Сегодня 1 февраля. Я решил за месяц начать писать это письмо. Прошло 35 дней. Это по крайней мере 500 часов непрерывного думанья!

Я пишу потому, что я больше не в состоянии об этом думать (голова путается, если не сказать) потому что думаю все ясно и теперь (относительно, конечно) и в третьих потому что боюсь просто разрадоваться при встрече и ты можешь получить, вернее я всучу тебе под соусом радости и остроумия мою старую дрянь. Я пишу письмо это очень серьезно. Я буду писать его только утром когда голова еще чистая и нет моих вечерних усталости, злобы и раздражения.

На всякий случай я оставляю поля, чтоб передумав что-нибудь я б отмечал. Я постараюсь избежать в этом письме каких бы то ни было «эмоций» и «условий». Это письмо только о безусловно проверенном мною, о передуманном мною за эти

месяцы, только о фактах. (1 февр.) < … >

Ты прочтешь это письмо обязательно и минутку подумаешь обо мне. Я так бесконечно радуюсь твоему существованию, всему твоему даже безотносительно к себе, что не хочу верить, что я сам тебе не важен. < … >

Что делать со «старым»

Могу ли я быть другой?

Мне непостижимо, что я стал такой.

Я, год выкидывавший из комнаты даже матрац, даже скамейку, я три раза ведущий такую «не совсем обычную» жизнь, как сегодня – как я мог, как я смел быть так изъеден квартирной молью.

Это не оправдание, Личика, это только новая улика против меня, новое подтверждение, что я именно опустился.

Лев Гринкруг, Эльза Триоле, Тамара Беглярова, Елена Юльевна Каган и Лиля Брик.

Лето, 1918 г.

Но, детка, какой бы вины у меня не было, наказания моего хватит на каждую – не даже, что эти месяцы, а то, что теперь нет ни прошлого просто, ни давно прошедшего для меня нет, а есть

один до сегодняшнего дня длящийся теперь ничем не делимый ужас. Ужас не слово, Лиличка, а состояние – всем видам человеческого горя я б дал сейчас описание с мясом и кровью. Я вынесу мое наказание как заслуженное. Но я не хочу иметь поводов снова попасть под него. Прошлого для меня до 28 декабря, для меня по отношению к тебе до 28 февраля – не существует ни в словах, ни в письмах, ни в делах. Быта никакого никогда ни в чем не будет! Ничего старого бытового не пролезет – за ЭТО я ручаюсь твердо. Это-то я уж во всяком случае гарантирую. Если я этого не смогу сделать, то я не увижу тебя никогда, увиденный, приласканный даже тобой – если я увижу опять начало быта, я убегу. (Весело мне говорить сейчас об этом, мне, живущему два месяца только для того чтоб 28 февраля в 3 часа дня взглянуть на тебя, даже не будучи уверенным, что ты это допустишь.)

Решение мое ничем, ни дыханьем не портить твою жизнь – главное. То, что тебе хоть месяц, хоть день без меня лучше чем со мной это удар хороший.

Это мое желание, моя надежда. Силы своей я сейчас не знаю. Если силенки не хватит на немного – помоги, детик. Если буду совсем тряпка – вытрите мною пыль с вашей лестницы. Старье кончилось (3 февраля 1923 г. 9 ч. 8 м.)

Сегодня (всегда по воскресеньям) я еще со вчерашнего дня неважный. Писать воздержусь.

Гнетет меня еще одно: я как-то глупо ввернул об окончании моей поэмы Оське – получается какой-то шантаж на «прощение» – положение совершенно глупое.

Я нарочно не закончу вещи месяц! Кроме того, это тоже поэтическая бытовщина – делать из этого какой-то особый интерес. Говорящие о поэме думают, должно быть – придумал способ интригировать. Старый приемчик! Прости, Лилик – обмолвился о поэме как-то от плохого настроения. (4/II)

Сегодня у меня очень «хорошее» настроение. Еще позавчера я думал, что жить сквернее нельзя. Вчера я убедился, что может быть еще хуже – значит, позавчера было не так уж плохо.

Одна польза от всего от этого: последующие строчки, представляющиеся мне до вчера гадательными, стали твердо и незыблемо.

О моем сидении

Я сижу до сегодняшнего дня щепетильно честно, знаю точно так же буду сидеть и еще до 3 ч. 28 ф. Почему я сижу – потому что люблю? Потому что обязан? Из-за отношений?

Ни в коем случае!!!

Я сижу только потому, что сам хочу, хочу думать о себе и о

своей жизни.

Если это даже не так, я хочу и буду думать, что это именно так. Иначе всему этому нет ни названия, ни оправдания.

Только думая так, я мог не кривя писать записки тебе – что «сижу с удовольствием» и т. д.

Можно ли так жить вообще?

Можно, но только недолго. Тот, кто проживет хотя бы вот эти 39 дней, смело может получить аттестат бессмертия.

Поэтому никаких представлений об организации будущей моей жизни на основании этого опыта я сделать не могу. Ни один из этих 39 дней я не повторю никогда в моей жизни.

Я могу только говорить о мыслях, об убеждениях, верах, которые у меня оформляются к 28-ому, и которые будут точкой, из которой начнется все остальное, точкой, из которой можно будет провести столько линий, сколько мне захочется и сколько мне захотят.

Если б ты не знала меня раньше, это письмо было бы совершенно не нужно, все решалось бы жизнью. Только потому, что на мне в твоем представлении за время бывших плаваний нацеплено миллион ракушек – привычек пр. гадости – только поэтому тебе нужно кроме моей фамилии при рекомендации еще и этот путеводитель.

Теперь о создавшемся:

Люблю ли я тебя? (5/II 23 г.)

Я люблю, люблю, несмотря ни на что и благодаря всему, любил, люблю и буду любить, будешь ли ты груба со мной или ласкова, моя или чужая. Все равно люблю. Аминь. Смешно об этом писать, ты сама это знаешь.

Мне ужасно много хотелось здесь написать. Я нарочно оставил день продумать все это точно. Но сегодня утром у меня невыносимое ощущение ненужности для тебя всего этого.

Только желание запротоколить для себя продвинуло эти строчки.

Едва ли ты прочтешь когда-нибудь написанное здесь. Самого же себя долго убеждать не приходится. Тяжко, что к дням, когда мне хотелось быть для тебя крепким, и на утро перенеслась эта нескончаемая боль. Если совсем не совладаю с собой – больше писать не стану. (6/II). < … >

Опять о моей любви. О пресловутой деятельности. Исчерпываете ли для меня любовь все?

Все, но только иначе. Любовь – это жизнь, это главное. От нее разворачиваются и стихи и дела и все пр. Любовь – это сердце всего. Если оно прекратит работу, все остальное отмирает, делается лишним, ненужным. Но если сердце работает, оно не

может не проявляться в этом во всем. Без тебя (не без тебя «в отъезде», внутренне без тебя) я прекращаюсь. Это было всегда, это и сейчас. Но если нет «деятельности» – я мертв. Значит ли это, что я могу быть всякий, только что «цепляться» за тебя. Нет. Положение, о котором ты сказала при расставании: «что ж делать, я сама не святая, мне вот нравится «чай пить». Это положение при любви исключается абсолютно. < … >

О твоем приглашении

Я хотел писать о том, любишь ли ты меня, но твое письмо совершенно меня разбудоражило, я должен для себя еще раз остановиться на нем.

Может ли быть это письмо продолжением отношений? Нет, ни в каком случае нет.

Пойми, детик! Мы разошлись, чтоб подумать о жизни в дальнейшем, длить отношения не хотела ты, вдруг ты вчера решила, что отношения быть со мной могут, почему же мы не вчера поехали, а едем через 3 недели? Потому что мне нельзя? Этой мысли мне не должно и являться, иначе мое сидение становится не добровольным, а заточением, с чем я ни на секунду не хочу согласиться.

Я никогда не смогу быть создателем отношений, если я по мановению твоего пальчика сажусь дома реветь два месяца, а по мановению другого срываюсь, даже не зная, что думаешь и, бросив все, мчусь.

Не словом, а делом я докажу тебе, что я думаю обо всем и о себе также прежде, чем сделать что-нибудь.

Я буду делать только то, что вытекает и из моего желания.

Я еду в Питер.

Еду потому, что два месяца был занят работой, устал. Хочу отдохнуть и развеселиться.

Тамидзи Наито, Борис Пастернак, Сергей Эйзенштейн, Ольга Третьякова, Лиля Брик, Владимир Маяковский, советский дипломат Арсений Вознесенский и переводчик Наито. Москва. 1924 г.

Неожиданной радостью было то, что это совпадает с желанием проехаться ужасно нравящейся мне женщины.

Может ли быть у меня с ней что-нибудь? Едва ли. Она чересчур мало обращала на меня внимания вообще. Но ведь и я не ерунда – попробую понравиться.

А если да, то что дальше? Там видно будет. Я слышал, что этой женщине быстро все надоедает. Что влюбленные мучаются около нее кучками, один недавно чуть с ума не сошел. Надо все сделать, чтоб оберечь себя от такого состояния.

Чтоб во всем этом было мое участие, я заранее намечаю срок возврата (ты думаешь, чем бы дитя не тешилось, только б не плакало, что же, начну с этого), я буду в Москве пятого, я все сведу так, чтоб пятого я не мог не вернуться в Москву. Ты это, детик, поймешь. (8/II 23).

Любишь ли ты меня?

Для тебя, должно быть, это странный вопрос – конечно, любишь. Но любишь ли ты меня? Любишь ли ты так, чтоб это мной постоянно чувствовалось?

Нет. Я уже говорил Осе. У тебя не любовь ко мне, у тебя – вообще ко всему любовь. Занимаю в ней место и я (может быть

даже большое) но если я кончаюсь, то я вынимаюсь, как камень из речки, а твоя любовь опять всплывает над всем остальным. Плохо это? Нет, тебе это хорошо, я б хотел так любить.

Детик, ты читаешь это и думаешь – все врет, ничего не понимает. Лучик, если это даже не так, то все равно это мной так ощущается. Правда, ты прислала, детик, мне Петербург, но как ты не подумала, детик, что это на полдня удлинение срока!

Подумай только, после двухмесячного путешествия подъезжать две недели и еще ждать у семафора полдня! (14/II 23 г.) < … >

Лилятик – все это я пишу не для укора, если это не так, я буду счастлив передумать все. Пишу для того, чтоб тебе стало ясно – и ты должна немного подумать обо мне. Если у меня не будет немного «легкости», то я не буду годен ни для какой жизни. Смогу вот только как сейчас доказывать свою любовь каким-нибудь физическим трудом. (18/II 23 г.) < … >

Семей идеальных нет. Все семьи лопаются. Может быть только идеальная любовь. А любовь не установишь никаким «должен», никаким «нельзя» – только свободным соревнованием со всем миром.

Я не терплю «должен» приходить!

Я бесконечно люблю, когда я «должен» не приходить, торчать у твоих окон, ждать хоть мелькание твоих волосиков из авто.

Быт

Я виноват во всем быте, но не потому, что я лиричек-среднячек, любящий семейный очаг и жену – пришивальщицу пуговиц.

Нет!

Тяжесть моего бытового сидения за 66 какая-то неосознанная душевная «итальянская забастовка» против семейных отношений, унизительная карикатура на самого себя.

Я чувствую себя совершенно отвратительно и физически, и духовно. У меня ежедневно болит голова, у меня тик, доходило до того, что я не мог чаю себе налить. Я абсолютно устал, так как для того, чтоб хоть немножко отвлечься от всего этого, я работал по 16 и по 20 часов в сутки буквально. Я сделал столько, сколько никогда не делал и за полгода. < … >

Характер

Ты сказала – чтоб я подумал и изменил свой характер. Я подумал о себе, Лилик, что б ты не говорила, а я думаю, что характер у меня совсем не плохой.

Конечно, «играть в карты», «пить» и т. д. это не характер, это случайность – довольно крепкие, но мелочи (как веснушки: когда к этому есть солнечный повод, они приходят, и уж тогда эту

«мелочь» можно только с кожей снять, а так, если принять вовремя меры, то их вовсе не будет или будут совсем незаметные).

Главные черты моего характера – две:

1) Честность, держание слова, которое я себе дал (смешно?).

2) Ненависть ко всякому принуждению. От этого и «дрязги», ненависть к домашним принуждениям и… стихи, ненависть к общему принуждению.

Я что угодно с удовольствием сделаю по доброй воле, хоть руку сожгу, <а> по принуждению даже несение какой-нибудь покупки, самая маленькая цепочка вызывает у меня чувство тошноты, пессимизма и т. д. Что ж отсюда следует, что я должен делать все что захочу? Ничего подобного. Надо только не устанавливать для меня никаких внешне заметных правил. Надо то же самое делать со мной, но без всякого ощущения с моей стороны. <…> Целую Кисю. (27/II 23).

Какая жизнь у нас может быть, на какую я в результате согласен? Всякая. На всякую. Я ужасно по тебе соскучился и ужасно хочу тебя видеть. <…>

В. Маяковский – Л. Брик

<28 февраля 1923 г. Москва.>

Дорогой детик,
Шлю билет.
Поезд идет ровно в 8 ч.
Встретимся в вагоне.

Целую, твой
28/II 23 г.

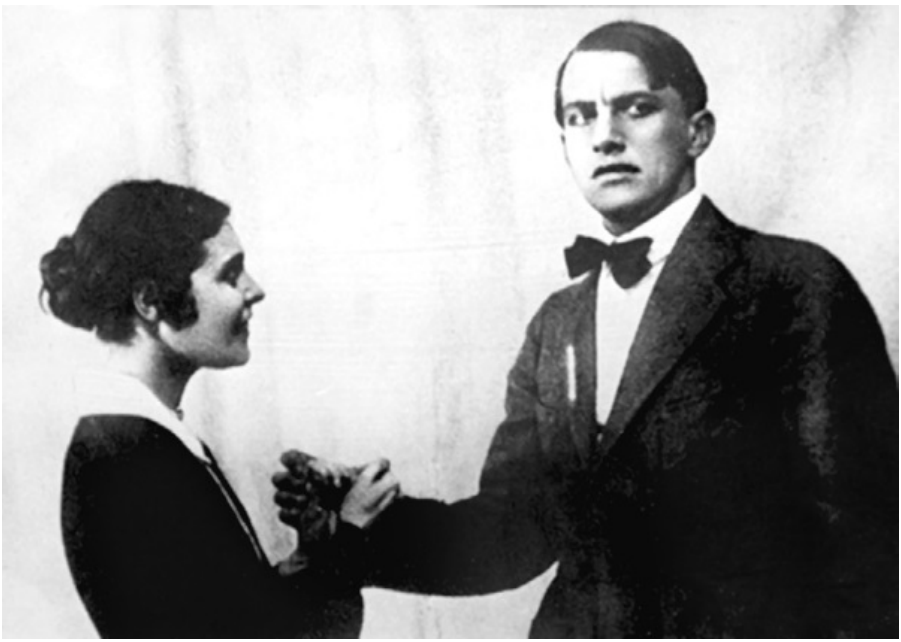
Л. Брик – В. Маяковскому

<Весна 1923 г. (?) Москва>

Володенька,

как ни глупо писать, но разговаривать с тобой мы пока не умеем:

жить нам с тобой так, как жили до сих пор – нельзя. Ни за что не буду! Жить надо вместе; ездить – вместе. Или же – расстаться – в последний раз и навсегда. Чего же я хочу. Мы должны остаться сейчас в Москве; заняться квартирой. Неужели не хочешь пожить по-человечески и со мной?! А уже, исходя из общей жизни – все остальное. Если что-нибудь останется от денег, можно поехать летом вместе, на месяц; визу как-нибудь получим; тогда и об Америке похлопочешь.



Не смоют любовь
ни ссоры,
ни версты.
Продумана,
выверена,
проверена.
Подъемля торжественно стих строкоперстый,
клянусь —
люблю
неизменно и верно!
«Люблю»

Начинать делать все это нужно немедленно, если, конечно, хочешь. Мне – очень хочется. Кажется – и весело, и интересно. Ты мог бы мне сейчас нравиться, могла бы любить тебя, если бы был

со мной и для меня. Если бы, независимо от того, где были и что делали днем, мы могли бы вечером или ночью вместе рядом полежать в чистой удобной постели; в комнате с чистым воздухом; после теплой ванны!

Разве не верно? Тебе кажется – опять мудрю, капризничаю.

Обдумай серьезно, по-взрослому. Я долго думала и для себя – решила. Хотелось бы, чтобы ты моему желанию и решению был рад, а не просто подчинился! Целую.

Твоя *Лиля* <кошечка>.

В. Маяковский – Л. Брик

<15–16 сентября 1923 г. В Берлин>

Дорогой мой Лисенок

Пишу из вагона. Сейчас получу кажется целых 3 места один. Пока стою. Сидят два невозможных толстяка дуют пиво курят разделись и потеют во всю зимними шерстяными носками.

Кисит: Возьми у Шарика расписку на 65 дол<ларов> так мне будет легшее провести дело со сценарием в Москве. А то скажут: опять один Маяковский.

Скучаю без тебя целую твой

В. Маяковский – Л. Брик

<Втор. половина сентября 1923 г. Москва – Берлин>

Дорогой мой и сладкий Лиленочек!

Ужасно без тебя заскучал!!!!

Приезжай скорее!

Получила ли ты мое письмо с дороги и телеграмму из Москвы?

Без тебя здесь совсем невозможно!

Вот тебе дорожные советы:

1) Возьми обязательно в Полпредстве (от тов. Дмитриева) разрешение на ввоз ваших манаток а) свидетельство что вы возвращаетесь из командировки, б) точный перечень ввозимых вещей (это для нашей границы). Кажется я тебе этого не сказал в Берлине)

2) Дай на всякий случай телеграмму в Ригу чтоб вам взяли места спальные 2-го класса

3) В Риге возьми носильщика № 8 он мне все быстро и хорошо сделал (я ему о вас говорил). Вот и все!

Белочка жива и у нее уже зад и пол хвоста сереют.

Левка еще в Крыму. Малочка приехал.

Видел Колю.

Арватику очень плохо.

Скажи оське что очень трепят Инхук и некому за него

вступиться. Бабичев болен в Крыму. Был у Анат. Вас. И сегодня иду к Льву Давид. Это все по Лефу. Тебя все ужасно ужасно ждут. И все огорчаются что видят меня. Пишу на клочке в НКИД. Что б поспеть к аэропорту с почтой.

Приезжай скорее детик.

Целую вас всех (Киса + ося) а тебя еще и очень обнимаю.

В. Маяковский – Л. Брик

<1923 г. (?) Москва.>

Дорлил (дорогой лилек)

Оказывается в Свердловском меня ждут сегодня. Еду и через час буду в Доме печ.

В. Маяковский – Л. Брик

<15 января 1924 г. Харьков>

Дорогое ослепительное и родное солнышко Лисик.

Скучаю по тебе очень страшно!!

Вчера приехал в Харьков, а через полчаса еду в Киев обратно.

Не скажу чтоб ездить было чересчур удобно. А вчера я нашел у себя на шее зверя евшего меня. Я зверя убил но сижу и считаю дни. И ты меня, пожалуйста не бросай если зверь был ядовитый!

Дописываю уже в вагоне. В Ростов очевидно съездить не удастся – все помещения заняты съездами Советов.

В Харькове было полно, но с легкой проредью в ложах, а зато в Киеве стояло такое вавилоненье столпотворенское что были даже два раненых. С книжками ничего не удается, т. к. не сижу нигде в городе более половины дня.

Вот и вся моя жизнь.

В Харькове заходил к Карелиным, жизнь сверхъестественной тусклости но зато у них серая кошка подает лапку. Я глажу всех встречнывых собаков и кошков. В Киеве в гостинице есть большая рыжая с белыми крапинками.

Должно быть приеду скорей даже чем рассчитывал. Целую тебя вовсю.

Твой Америго Веспуччи, Свен Гедин и прочий путешественник

Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

<13 февраля 1924 г. Париж – Москва>

Мой адрес 41 Rue Laugier. Целуем.

Лили Эльза

В. Маяковский – Л. Брик

<14–15 февраля 1924 г. Москва>

Дорогой-дорогой, любимый-любимый, милый-милый Лисятик!

Пишу тебе на тычке т. к. сию минуту еду в Одессу и Киев читать и сию же минуту получил твое письмецо и Шариково.

Спасибо.

Слали тебе телеграмму по сообщенному тобою адресу, но нам ее вернули «за ненахождением» так что на этом письме адрес тебе пишет Лева, узнав настоящий.

Мы живем по-старому. Был пока что на «Лизистрате», но сбежал с первого акта.

Дочего дрянь!

Рад ехать в Одессу. Тут ужасные ветра и холод.

Пиши детик из Парижа и скорей!

Целую тебя крепко-крепко.

Весь твой

Эльза Триоле и Лиля Брик. Москва. 1925 г.

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<23 февраля 1924 г. Париж – Москва>

Милые мои кошки, собаки и белки, что с американской визой? Волосик, ты получил мое и Шарика письмо? Телеграмма от него уже есть? Не вредно было бы написать мне разочек!

В Ниццу не поеду: там съезд русской эмигрантщины. Если получу визу – в Испанию; если нет – куда нибудь на юг Франции, пожариться недельку на солнце.

Здесь совсем искутилась. Эльзочка завела записную книжечку, в кот. записывает все наши свидания, на десять дней вперед! Я начинаю мечтать о тихой жизни!

Танцую, но – нет Герцмана, кроме Герцмана!!! Все они ему в подметки не годятся, а друг его, Rene, препротивный субъект.

Наши более или менее постоянные кавалеры – Leger (художник) и Шалит (Герцман, кажется, знает – из Лондона). Оба очень славные малые. Водят нас повсюду – от самых шикарных мест – до апашей, включительно.

Хорошие тряпки и здесь очень дороги. Если выиграете какие нибудь бешеные деньги, можете послать через банк, телеграфно (абсолютно выгодно!) или через Либера, если не очень много (….!!!!….)

Что с А. М.?

Очень много книг и журналов, посланных Эльзой – пропало. Привезу все сама.

Сейчас очень поздно – спать хочется и чернила в ручке кончились. На днях напишу подробно. Привет всем, всем, всем. Ужасно люблю вас, обнимаю, целую.

Ваша *Лиля*

Левочке пишу отдельно.

Л. Брик – В. Маяковскому

<29 марта 1924 г. Париж – Москва>

Английская виза просрочена. Через неделю еду Москва. Беспокоюсь об Осе. Телеграфируйте. Целую.

Лили

Л. Брик – В. Маяковскому

<30 марта 1924 г. Париж – Москва>

Володя телеграфируй Hotel Iena куда едешь. Подожду. Целую.

Лили

Л. Брик – В. Маяковскому

<14 апреля 1924 г. Париж – Берлин>

Мой родненький маленький щенятик и Волосит! Страшная беда: твою телеграмму, о том, что выезжаешь – получила в один день с английской визой! Не могу не поехать на несколько дней в Лондон, мама всё время хворает и умоляет приехать. Могу выехать только послезавтра из-за визных и одежных дел.

Париж надоел до бесчувствия! В Лондон зверски не хочется!

Соскучилась по тебе!

Ты не знаешь, до чего обидно было возвращаться с английской границы. У меня всяческие предположения на этот счет, о кот. расскажу тебе лично. Как ни странно, но мне кажется, что меня не впустили из-за тебя.

Я нисколько не похудела, слишком вкусно кормят! Хочется знать, как поживает твое пузо.

Еще одно горе: мне подарили было щенка! (Посылаю тебе фотографии его матери en face и в профиль.) Но теперь оказывается, что в Англию ввоз собак запрещен! Кроме того, все советуют купить в Англии, потому что там их родина (басаврюков) и есть, из чего выбирать. Так что жди нас вдвоем!

Я люблю тебя и ужасно хочу видеть.

Целую все лапки и переносики и морду.

Твоя *Лиля*.

В. Маяковский – Л. Брик

<20 мая 1924 г. Ленинград >

Дорогой мой Лисеныш.

Никто мне не рад потому что все ждали тебя. Когда телефонируешь сначала говорят: «А!» а потом: «У…». Вчера читал сегодня завтра и еще не то в четверг не то в пятницу. Так что буду субботу – воскресенье. Дел никаких, потому что все руководители выехали в Москву*. Завтра в 5 ч. пьет у меня чай Рита а в 7 все лингвисты.

Как здесь тоскливо одному. Это самый тяжелый город. Сейчас иду обедать к Меньшому. Ужасно милый парень. У моих афиш какие-то существа разговаривают так: «Да, но это не трогает струн души». Винница*.

Целую тебя сильно-сильно, ужасно-ужасно.

Твой Щен.

Поцелуй Скоча и Оську если у них нет глистов.

Л. Брик – В. Маяковскому

<7 июля 1924 г. Москва>

Волосит,

Знаю, что я тебе ничего не должна дарить: ты выбросишь или спрячешь в ящик.

Поздравляю и крепко целую.

Твоя *Лиля* <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<Лето 1924 г. Москва>

Доргой мой родной и милый Кашалотик я ужасно ужасно по

тебе скучаю.

Горюю что не могу ехать сегодня на дачу но Рощин чуть не заплакал при моем отказе. Завтра жду тебя на Водопьяном если еще не буду позвони мне

Весь твой

Щен

В. Маяковский – Л. Брик

<27 августа 1924 г. Москва – Тифлис>

Здоровы. Почему целуешь только Осю. Обнимаю целую.

Лиля

Эльза Триоле. Фотохудожник А. Родченко

Л. Брик – В. Маяковскому
<23 октября 1924 г. Москва>
Щенику до свидания в Америке или Чухломе.
Лиля <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<9 ноября 1924 г. Париж>

Дорогой дорогой милый милый, любимый-любимый Лилек.

Я уже неделю в Париже но не писал потому что ничего о себе не знаю – в Канаду я не еду и меня не едут в Париже пока что мне разрешили обосноваться две недели (хлопочу о дальнейшем) а ехать ли мне в Мексику – не знаю так как это кажется бесполезно. Пробую опять снестись с Америкой для поездки в Нью-Йорк.

Как я живу это время – я сам не знаю. Основное мое чувство тревога тревога до слез и полное отсутствие интереса ко всему здешнему. (Усталость?).

Ужасно хочется в Москву. Если б не было стыдно перед тобой и перед редакциями сегодня же б выехал.

Я живу в Эльзиной гостинице (29, rue Campagne Première, Istria Hôtel); не телеграфировал тебе адреса т. к. Эльза говорит что по старому ея адресу письма доходят великолепно. Дойдут и до меня – если напишешь. Ужасно тревожусь за тебя. И за лирику твою и за обстоятельства.

Как с книгами и с договорами?

Попроси Кольку сказать – Перцу – что не пишу ничего не из желания зажулить аванс а потому что ужасно устал и сознательно даю себе недели 2–3 отдыха а потом сразу запишу всюду.

На вокзале в Париже меня никто не встретил, т. к. телеграмма получилась только за 10 минут до приезда и я самостоятельно искал Эльзу с моим знанием французского языка. Поселился все-таки в Эльзиной гостинице потому что это самая дешевая и чистенькая гостиничка, а я экономлюсь и стараюсь по мере сил не таскаться.

С Эльзой и Андреем очень дружим устроили ей от тебя и от меня шубку обедаем и завтракаем всегда совместно.

Много бродим с Леже заходил к Ларионову но не застал. Больше кроме театров не был нигде. Сегодня идем обедать с Эльзой Тамарой и Ходасевичами. Не с поэтом конечно! Заходил раз Зданевич, но он влюблен и держится под каким-то дамским крылышком.

Я постепенно одеваюсь под андреевским руководством и даже натер мозоль от примерок. Но энтузиазма от этого дела не испытываю.

Первый же день приезда посвятили твоим покупкам, заказали тебе чемоданчик – замечательный – и купили шляпы вышлем как только свиной чемодан будет готов. Духи послал; если дойдет в целости, буду таковые высылать постепенно.

Подбираю Оське рекламный материал и плакаты. Если получу разрешение поезжу немного по мелким французским

городкам.

Ужасно плохо без языка!

Сегодня видел в Булонском лесу молодого скотика и чуть не прослезился.

Боюсь прослыть провинциалом но до чего же мне не хочется ездить а тянет обратно читать свои ферзы!

Скушно скушно скушно скушно без тебя.

Без Оськи тоже не важно. Люблю вас ужасно!

От каждой Эльзиной похожей интонации впадаю в тоскливую сентиментальную лиричность.

Я давно не писал должно быть таких бесцветных писем но во первых я выдоен литературно вовсю а во вторых, нет никакой веселой жизнерадостной самоуверенности.

Напиши, солнышко.

Я стащил у Эльзы твое письмо (ты пишешь, что скучаешь и будешь скучать без меня) и запер себе в чемодан.

Я писать тебе буду телеграфировать тоже (и ты!) надеюсь с днями стать веселее. Повеселеют и письма.

Целую тебя детик целуй Оську весь ваш Вол.

Целуй Левку Кольку Ксаночку Малочку и Левина. Все они в сто раз умнее всех Пикассов.

V. Majakovsky

Paris (это не я Парис!)

9/XI 24 г.

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брик

<17 ноября 1924 г. Париж – Москва>

29 Rue Campagne Hotel Istria. Пишите. Целую

Ваш Стевен

Л. Брик – В. Маяковскому

<18 ноября 1924 г. Москва – Париж>

Напишу. Люблю целую.

Твоя *Лиля*

Л. Брик – В. Маяковскому

<Ноябрь 1924 г. Москва – Париж>

Волосит,

Спасибо за записочку на варенье в твоей комнате.

Я теперь Маяковский: хожу с Колей по редакциям, жду денег, диктую машинисткам, правлю корректуры. Потом покупаю вина и сластей и везу Кольку на извозчике домой.

Напиши мне.

Как удачно ты попал в Париж! Как раз к признанию.

Целую.
Твоя *Лиля* <кошечка>

Л. Брик – В.В. Маяковскому
<19 ноября 1924 г. Лубянский проезд>

Волосик, ужасно обрадовалась письму, а то уж я думала, что ты решил разлюбить и забыть меня.

Что делать? Не могу бросить А.М. пока он в тюрьме. Стыдно! Так стыдно как никогда в жизни. Поставь себя на мое место. Не могу. Умереть – легче.

Много бываю в городе. Живу у тебя. Когда говорю – дома, сама не понимаю, где. Люблю, скучаю, хочу к тебе.

Лиля Брик. Снимок для рекламного плаката. Фотохудожник А. Родченко

У Скотика чума. Смотреть нельзя без слез. Боюсь, не умер бы.

Твои здоровы. У Люды роман и она счастлива. Ксаночка ревнует меня к Кольке – я для него замты.

Бескин меня любит. Моссельпром переименован в Моссельбрик или Осельпром… DB Госиздате убрали Шмидта; будет должно быть Ионов, а в московском отделении Малкин (!!). Он же войдет в редакцию Лефа (!!!).

Куда ты поедешь? Один? В Мексику? Шерсть клочьями? Достань для меня мексиканскую визу – поедем весной вместе. (И

Оську возьмем?)

Впрочем, делай как хочешь, а мы без тебя соскучились.

Целую твою щенячью мордочку.

Твоя *Лиля*.

Л. Брик – В. Маяковскому

<21 ноября 1924 г. Москва – Париж>

Володенька,

Второй день плачу – умер Скотик.

До чего тоскливо!..

Целую тебя, родненький.

Твоя *Лиля*

Не привози собаку.

Л. Брик – В. Маяковскому

<26 ноября 1924 г. Москва – Париж>

Беспокоюсь. Телеграфируй немедленно подробно. Целую.

Лили

В. Маяковский – Л. Брик

< 27 ноября 1924 г. Москва – Париж>

Жду американскую визу. Если не получу через месяц или полтора вернусь в Москву. Телеграфируй и пиши чаще. Целую люблю.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<6 декабря 1924 г. Париж,>

Дорогой Лиленок.

Я ужасно грущу по тебе. Ежедневно чуть не реву. Трудно писать об этом и не нужно.

Последнее письмо твое очень для меня тяжелое и непонятное. Я не знал что на него ответить. Ты пишешь про стыдно. Неужели это все что связывает тебя с ним и единственное что мешает быть со мной. Не верю! – А если это так так на тебя не похоже – так не решительно и так не существенно. Это не выяснение несуществующих отношений – это моя грусть и мои мысли – не считайся с ними. Делай как хочешь ничто никогда и никак моей любви к тебе не изменит.

Последние телеграммы твои такие не ласковые – нет ни «люблю» ни «твоя» ни «Киса»!

Я ничего о тебе не знаю Эльза писем твоих мне не показывает хотя и клянется что там нет ничего ни о тебе ни обо мне. Читает в отрывках! Твои «запретные» письма!! Совсем грустно!

Я ничего ничего ничего о тебе не знаю!

Пиши Лилек больше или хотя бы чаще телеграфируй! Ужасно горевал по Скотику. Он был последнее что мы делали с тобой вместе. Ну довольно про грустное – верю хочу верить что у нас будет еще много вместе. Кое что я за это время надумал. Кажется хорошее. Не разлюбляй мне совсем пожалуйста – очень нужно!

Что за ерунда с Лефом? Вышел ли хоть номер с первой частью? Не нужно ли чтоб я что-нибудь сделал? Если № не вышел у тебя должно быть совсем плохо с деньгами. Напиши подробно. Как дела с Ленгизом? Если денег нет, не шли пока Эльзе. Я как-нибудь устрою это сам. Куда удалось дать отрывки? Если для Лефа нужно, я немедленно вернусь в Москву и не поеду ни в какие Америки.

О себе писать почти нечего. Все время ничего не делал теперь опять начинаю. К сожалению, опять тянет на стихи – лирик! Сижу в Париже так как мне обещали в две недели дать ответ об американской визе. Хоть бы не дали – тогда в ту же секунду выеду в Москву погашу авансы и года три не буду никуда рыпаться. Соскучился по тебе и по всех вас совершенно невыразимо. Это даже при моих незаурядных поэтических образах.

Здесь мне очень надоело – не могу без дела. Теперь с приездом наших хожу и отвожу советскую душу.

Пока не читал нигде. Кроме дома: вполголоса и одиночкам.

Если есть новые мои книги или отрывки где-нибудь напечатаны – пришли.

Бориса Анисимовича все еще нет.

Вещи твои лежат, но нет оказии а почтой не выслать – довольно тяжелые. Конечно, весь твой список будет в точности выполнен. С дополнениями, которые ты писала Эльзе.

В театры уже не хожу да и в трактиры тоже надоело сижу дома и гложу куриные ноги и гусью печень с салатами. Все это приносит моя хозяйка м-м Сонет. Удивительно эстетический город!

Получил ли Осик белье из Берлина? Шахматы и пояс я привезу ему отсюда. Какой номер его рубашек? Кажется 39 воротничок? Скажи Осику что я очень, очень по нем соскучился и также очень, очень его люблю. Целуй его. Попроси его что-нибудь причеркнуть к твоему письму конечно если ты мне напишешь.

Какие дуры звонят тебе о моих письмах? Заметь их имена и запиши. В это-то уж вранье надеюсь, никто не верит?! Ты представляешь себе чтоб я сидел и скрипел девочкам письма? Фантазия, Фауст какой-то!

Поцелуй от меня Кольку с Ксаном, Левку, Малочку и всех,

кого хочешь.

Лилек, ответь мне на это письмо пожалуйста скорее и письмом и телеграммой. А то я буду себе заказывать воротнички № 41 – а раньше когда я был спокойный и пухлый я носил 43! И даже 44!!

Целую тебя, родное, милое и любимое Солнышко. Люблю тебя.

Твой (прости, что я тебе всучиваю такой устаревший товар)

Щен.

Париж. 6/XII-24 г.

Люби меня немножко детик!

Владимир Маяковский на Манхэттене

В. Маяковский – Л. Брик

< 6 декабря 1924 г. Париж – Москва >

Телеграфируй немедленно здоровье дела. Беспокоюсь скучаю люблю целую.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

< 8 декабря 1924 г. Москва – Париж >

Милый мой, родной Волосит, я всё еще в Сокольниках. Сегодня Альтер привез мне доберман-пинчера, сучку. Ужасно веселая и умная – будет сторожить нас. Ее хозяев уплотнили и им пришлось ее отдать. Я ее уже люблю, но Скотика никогда не забуду.

Леф уже почти закрыли – даже набранный № запрещают печатать. Так что я с него ничего за «Ленина» не получила…

С шубкой 22 несчастья: не так положили ворс, и, когда я в первый раз надела ее, то вызвала в трамвае бурные восторги своими голыми коленками, а домой пришла в платье, обернутом как кашне вокруг шеи! Опять приходится переделывать.

Скажи Эличке, что она написала мне возмутительно-неподробное письмо: какое Тамар дала ей кружево? Какая новая шуба? Что ты сшил и купил себе? и т. д… Рада, что ты веселишься, было бы хорошо, если бы тебе удалось проехать в Америку. Осик работает и шляется. Левочка целый день в коопиздате (!) и вечером на рандевушечке. Малочка звонит по телефону; от Гиза отказался. Кольку я терпеть не могу. Ксана больна какой-то женской болезнью. Все остальные арапы – на местах (в Водопьяном). Вчера Альтер, Коля и Крученых до 7 ч. утра играли в покер с рестом; Круч два раза бегал на 7-й этаж за деньгами.

Жаль, что не пишешь мне.

Как ты причесан?

Спасибо за духи и карандашики. Если будешь слать еще, то Parfum Inconnu Houbigant'a.

Целую всю твою щенячью морду.

Лиля.

В. Маяковский – Л. Брик

< 13 декабря 1924 г. Париж – Москва >

Эльзе уплатил. На днях еду Москву. Телеграфируй немедленно хочешь ли хоть немного меня видеть. Целую.

Володя

Л. Брик – В. Маяковскому

< 13 декабря 1924 г. Париж – Москва >

Очень хочу видеть. Соскучилась. Целую.

Лиля

В. Маяковский – Л. Брик

< 25 декабря 1924 г. < Берлин – Москва >

Выеду Берлина 25. Целую люблю.

Твой Счен.

Володя подакивая целует шарик.

Л. Брик – В. Маяковскому

< Зима 1924/25 г. Москва >

Волосит, посылаю тебе вещи. Она (мама) не могла прихватить заодно одеяло с подушкой. Если нужны – привезет завтра. Не забыли мы чего.

Целую тебя родной мой.

Твоя *Лиля* <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

< Зима 1924/25 г. Москва >

Родной Лилек

Спасибо за вещи. Подушка с одеялом пусть будут на даче – приехать то ведь все таки хочется! Сегодня снилось мне всю ночь – что то из Левашова. Ты ехала и я устраивал тебе большой дом (хотя в Левашове было наоборот)

Целую

Твой любящий <щен>

[На обороте]

Целую Целую

В. Маяковский – Л. Брик

< 25 мая 1925 г. Москва >

К Кисе

1) Смотреть за Оськой по договору и пугать его ежедневно чтоб сдавал все вовремя. Не верить ему.

2) Подобрать срочно карточку для полного собрания. Если нужно увеличить мою карточку – я снимался на Тверской, не доходя Страстной площади, по правую руку от Столешникова, бывш. «Джон Буль».

3) Торопить сестру, Осю и всех с «Лефом».

4) Торопить со сказкой из<дательство> «Прибой» (Софийка, Пассаж).

5) Получить по выходе сказки деньги по договору.

6) Числа 15 июля зайти на Дмитровку Большую, в изд. «Московский рабочий» к тов. Кантору относительно 2 из<дания> «Сказки о Пете» и, если можно переиздать, получить деньги, 12 % с номинала.

7) Числа 15–20 июня зайти в «Московский рабочий» и получить от тов. Кантора 25 черв<онцев> за «Париж». Из них десять отдать Леве.

8) По получении 2-ой сказки сдать ее в «Прибой» и получить 15 черв<онцев>.

1, 2, 10, 100, 200) Не болеть!

9) Все получаемые от меня стихи сдавать в редакции и 50 % гонор<ара> слать мне, остальное себе.

10) Беречь книги (мою автоколлекц<ию>) и пополнять ее всеми вышедшими.

11) Если будут просить отрывки, дай из «Летающего пролетария» любой отрывок (50 % гонорара внося тов. Гуревичу «Вестник возд<ушного> флота», Юшков переулок).

Владимир Маяковский. Фотохудожник А. Родченко

В. Маяковский – Л. Брик
< 25 мая 1925 г. Кенигсберг – Москва >
Долетел. Целую.
Щен

В. Маяковский – Л. Брик

< 28 мая 1925 г. Кенигсберг – Москва >
Очень целуем.
Володя Эльза

В. Маяковский – Л. Брик
< 2 июня 1925 г. Париж – Москва >
Дорогой-дорогой, милый и самый любимый Лиленок!

Я ужасно рад что ты в письме к Эльке следишь за мной чтоб я спал чтоб вел себя семейно и скорей ехал дальше – это значит что я свой щенок и тогда все хорошо. Пишу тебе только сегодня потому что субботу, воскресенье и понедельник все закрыто и ничего нельзя было узнать о Мексиках а без Мексик я писать не решался. Пароход мой к сожалению идет только 21 (это самый ближайший). Завтра беру билет. «Espagne» Transatlantique – 20 000 тонн. Хороший дядя, хотя и только в две трубы. Дорого. Стараюсь ничего не тратить и жить нашей газетой куда помещаюсь по 2 фр < анка > строка.

Стараюсь делать все чтоб Эличка скорей выехала. Был в консульстве. Завтра пошлю Эльзу и тогда запросят Москву телеграфом.

Не пишу тебе, что мне ужасно скучно только чтоб ты на меня – хандру – не ругалась.

Выставка – скучнейшее и никчемнейшее место. Безвкусица, которую даже нельзя себе представить.

Так наз < ываемый > «Париж весной» ничего не стоит так к < ак > ничего не цветет и только везде чинят улицы. В первый вечер поездили а теперь я больше никуда не выхожу сплю 2 раза в сутки ем двойной завтрак и моюсь вот и все.

Завтра начну писать для «Лефа»*. Ни с одним старым знакомым не встречаюсь, а из новых лучше всех Бузу – собак Эльзиных знакомых.

Ему говорят «умри!» и он ложится вверх ногами говорят «ешь!» и тогда он жрет все, что угодно а когда его ведут на цепочке он так рвется что хозяева должны бежать а он идет на одних задничных лапках.

Он белый с одним черным ухом – фокс, но с длинной шерстью и с очень длинным носом. Глуп как пробка но по середине улицы ни за что не бегает а только по тротуарам.

Чернила кончились.

Долетел хорошо. Напротив немец тошнил, но не на меня а на Ковно. Летчик Шебанов замечательный. Оказывается все немецкие директора сами с ним летать стараются. На каждой границе приседал на хвост при встрече с другими аппаратами махал крылышками, а в Кенигсберге подкатил на аэроплане к

самым дверям таможни аж все перепугались а у него оказывается первый приз за точность спуска.

Если будешь лететь, то только с ним.

Мы с ним потом весь вечер толкались по Кенигсбергу.

Кисит пиши маленький, чтоб получил еще до отплытия.

Весь список вещей передан Эльзе и все тебе будет доставлено полностью. Начнем слать с завтрашнего дня.

Напиши мне, получил ли Оська деньги за собр<ание> соч<инений>.

Целую тебя, милый мой и родненький Лилик.

Люби меня немножко весь твой

Щен.

Целуй Осика!

2/VI-25 г.

Пиши, пожалуйста!

В. Маяковский – Л. Брик

< 9 – 10 июня 1925 г. Париж – Москва>

Дорогой, любимый, милый и изумительный Лиленок.

Как ты и сама знаешь – от тебя ни строчки. Я послал тебе уже 2 телеграммы и 1 письмо и от тебя даже ни строчки приписки к письмам Эльзе! Маленький, напиши скорей и больше, т. к. 19-го я уже выезжаю. Пароход «Эспань» отходит из Сен-Назера (в 8 часах от Парижа) и будет ползти в Мексику целых 16 дней! Значит, письмо с ответом будет идти через Париж от тебя (если точно попадет к пароходу) 40 дней! Это и есть чертовы куличики. Даже целые куличи!

Солнышко, напиши мне до этого побольше! Обязательно. Все все все. Без твоего письма я не поеду.

Что ты делаешь что ты будешь делать?

Котенок, не бери никаких работов до моего приезда. Отдохни так, чтоб ты была кровь с молоком на стальном каркасе.

Я живу здесь еще скучнее чем всегда. Выставка осточертела в особенности разговоры вокруг нее. Каждый хочет выставить свой шедевр показистей и напрягает все свое знание французского языка чтоб сказать о себе пару теплых слов.

Сегодня получили вернувшегося из Москвы Морана – гнусность он по-видимому изрядная. Не был ни в одном театре. Видел только раз в кино Чаплина. Жара несносная – единственное место Буа и то только к вечеру. Сегодня иду в полпредство читаю вечером стихи, а потом с Эльзой к Вельтерам.

Все усилия приложу, чтоб объездить все, что себе положил, и все-таки вернуться к тебе не позже осени.

Из всех людей на земле завидую только Оське и Аннушке

потому что они могут тебя видеть каждый день.

Как с деньгами? Уплатили ли Оське в Гизе? Пишут ли для «Лефа»? Очень очень целуй Оську.

Целую тебя крепко крепко люблю и тоскую.

Твой всегда

Щенок.

Пиши! Пиши! Пиши!

Немедленно!

Владимир Маяковский и Давид Бурлюк. Нью-Йорк. 1925 г.

В. Маяковский – Л. Брик

< 10 июня 1925 г. Париж – Москва >

Целую дорогую Кису. Не беспокойся и не шли мне денег. Только торопи Госиздат. Билет не украли. Целую.

Весь твой Щен

Л. Брик, О. Брику – В. Маяковскому

< 15 июня 1925 г. Москва – Париж >

Госиздат телеграмму послал. Целуем.

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому
< 17 июня 1925 г. Москва – Париж >
Телеграфируй здоровье дела.
Крепко целуем любим.
Твои *Лиля Ося*

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику
< 17 июня 1925 г. Париж – Москва >
Здоров. Дела хорошо. Еду Мексику. Спасибо. Люблю целую дорогую Кису и милого Осю.
Весь ваш Счен

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому
< 18 июня 1925 г. Москва – Париж >
Ося деньги получил.
Лилино пузо совсем здоровое.
Что Элина виза.
Счастливый путь. Обнимаем целуем любим крепко.
Твои *Лиля* и *Ося*

В. Маяковский – Л. Брик
< 19–20 июня 1925 г. Париж – Москва >
Дорогой мой любимый и милый Лилятик!
От тебя ни одного письма ты уже теперь не Киса а гусь лапчатый.
Как это тебя так угораздило? Я по этому поводу ужасно грустный – значит писем от тебя уже не дождешься! Ладно – повезу с собой телеграммы – они милые но их мало.
Завтра утром 8—40 выезжаю Сант-Назер (Бретань) и уже через 12 часов буду ночевать на пароходе. 21-го отплываю!
Спасибо большое за Гиз и извини за хлопоты. В прошлую среду (как раз когда я тебе послал прошлое письмо) меня обокрали как тебе известно до копейки (оставили 3 франка – 30 коп.!). Вор снял номер против меня в Истрие, и когда я на двадцать секунд вышел по делам моего живота он с необычайной талантливостью вытащил у меня все деньги и бумажники (с твоей карточкой со всеми бумагами!) и скрылся из номера в неизвестном направлении. Все мои заявления не привели ни к чему только по приметам сказали, что это очень известный по этим делам вор.
Денег по молодости лет не чересчур жалко. Но мысль, что мое путешествие прекратится и я опять дураком приеду на твое

посмешище меня совершенно бесила. Сейчас все устроилось с помощью твоей и Гиза.

Я нарочно просил слать за ноябрь и декабрь, чтоб это на тебе сейчас не отразилось, а там приеду отработаю.

Лилек шлю для «Прибоя» (он у тебя записан) листок с текстом. Передай его пожалуйста.

Об Эльзиной визе надо говорить только в Москве.

Сегодня получил телеграмму от Левы он как раз приезжает после моего отъезда через несколько часов.

Как на Волге?

Смешно что я узнал об этом случайно от знакомых. Ведь это ж мне интересно хотя бы только с той стороны что ты значит здорова!

Детик, это я уже дописываю утром и через десять минут мне ехать на вокзал. Целую тебя, солник.

Целую Оську.

Люблю вас ужасно и скучаю по вас.

Весь ваш мексиканский Щен

В. Маяковский – Л. Брик

< 22 июня 1925 г. Пароход «Эспань» – Москва >

Дорогой Линочек.

Так как показалась Испания пользуюсь случаем известить вас что я ее благополучно сейчас огибаю и даже захожу в какой-то маленький портик, – смотри на карте Santander.

Мой «Эспань» – пароходик ничего. Русских не обнаружено пока. Едут мужчины в подтяжках и с поясом сразу (оне испанцы) и какие-то женщины в огромных серьгах (оне испанки). Бегают две коротких собачки. Японские но рыженькие обе одинаковые.

Целую тебя, родненький, и бегу изучать по-французски, как отправить письмо.

Целую тебя и Оську.

Весь ваш Щен.

22/VI-1925.

В. Маяковский – Л. Брик

< 3 июля 1925 г. Пароход «Эспань» – Москва >

Дорогой дорогой милый милый милый и любимейший мой Лиленок!

Лиля Брик. Фотохудожник А. Родченко

Получаешь ли ты мои (2) дорожные письма? Сейчас подходим к острову Кубе – порт Гавана (которая сигары), будем стоять день два. Пользуюсь случаем еще раз безнадежно сунуть в ящик письмо.

Жара несносная!

Сейчас как раз прем через Тропик.

Самой Козероги (в честь которой назван этот тропик),

впрочем, я пока еще не видел.

Направо начинает выявляться первая настоящая земля Флорида (если не считать мелочь, вроде Азорских островов). Приходится писать стихи о Христофоре Колумбе что очень трудно так как за неимением одесситов, трудно узнать, как уменьшительное от Христофор. А рифмовать Колумба (и без того трудного) наудачу на тропиках дело героическое.

Нельзя сказать, чтоб на пароходе мне было очень весело. 12 дней воды это хорошо для рыб и для профессионалов открывателей а для сухопутных это много. Разговаривать по-франц<узски> и по-испански я не выучился, но зато выработал выразительность лица, т. к. объясняюсь мимикой.

Родненькая, телеграфируй мне обязательно твое здоровье и дела. Адреса нашего посольства я к сожалению не знаю. Справься в Наркоминделе. Кажется, телеграфный адрес: Мексика (город) Дельсовпра (делегация сов<етского> правит<ельства>).

Много работаю.

Соскучился по вас невыразимо.

Целую 1000 раз тебя и 800 Оську.

Весь ваш

[Колумб]

Щен.

В. Маяковский – Л. Брик

< 3 июля 1925 г. Пароход «Эспань» – Москва>

Дорогая моя родненькая любименькая моя Кисанка.

Я бросил письмо днем в ящик а теперь вечер, и я по тебе страшно страшно опять и уже соскучился.

Ходил по верхней палубе где уже одни машины и нет народа, и вдруг мне навстречу невиданная до сих пор серенькая и очень молоденькая кошка.

Я к ней поласкать за тебя а она от меня убежала за лодки.

Кисик а ты от меня не будешь так уходить за лодки?

Любименькая, не надо от меня за лодки!

Я тебя ужасно ужасно как люблю.

Тебе кланяются две желтенькие японские собачки и одна испанская левретка они все хорошо понимают и говорят со мной по-русски.

Мне звонят к обеду.

Ужасно скушно идти к обеду.

Каждый день, когда встаю думаю почему так гадко у меня всё выходит почему ты не встаешь с пустого 104 № койки.

Страшно хочется тебя видеть.

Целую тебя родненький мой и люблю.

Весь твой Щен

Это письмо было написано на фирменной бумаге с бланком парохода.

В. Маяковский – Л. Брик

< 10 июля 1925 г. Мехико-сити – Москва >

Здоров. Приехал. Адрес Whin 37 Мехико. Целую.

Щен

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

< 10 июля 1925 г. Мехико-сити – Москва >

Скучаем. Крепко любим целуем.

Лили Ося

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

< 15 июля 1925 г. Мехико-сити – Москва >

Поздравляем целуем.

Лили Эльза Ося Мама Люда Оля

В. Маяковский – Л. Брик

< Ок. 15 июля 1925 г. Мехико-сити – Москва >

Дорогой дорогой миллион раз милый и один раз и навсегда любимый Кисит.

Я в Мексике уже неделю. Жил день в гостинице а потом переехал в полпредство. Во первых это приятней, потому что и дом хороший, и от других полпредств отличается чрезвычайной малолюдностью. 4 человека (после отъезда Волынского с женом) – вот и все служащие. Во вторых это удобно, так <как> по-испански я ни слова и все еще путаю: грасиас – спасибо и эскюзада – что уже клозет. В третьих и деньгов нет а здесь складчина по 2 песо (2 руб.) в день что при мексиканской дороговизне – сказочно.

О Мексике:

Во первых конечно все это отличается от других заграниц главным образом всякой пальмой и кактусом но это произрастает в надлежащем виде только на юге за Вера-Круц. Город же Мехико тяжел неприятен грязен и безмерно скучен.

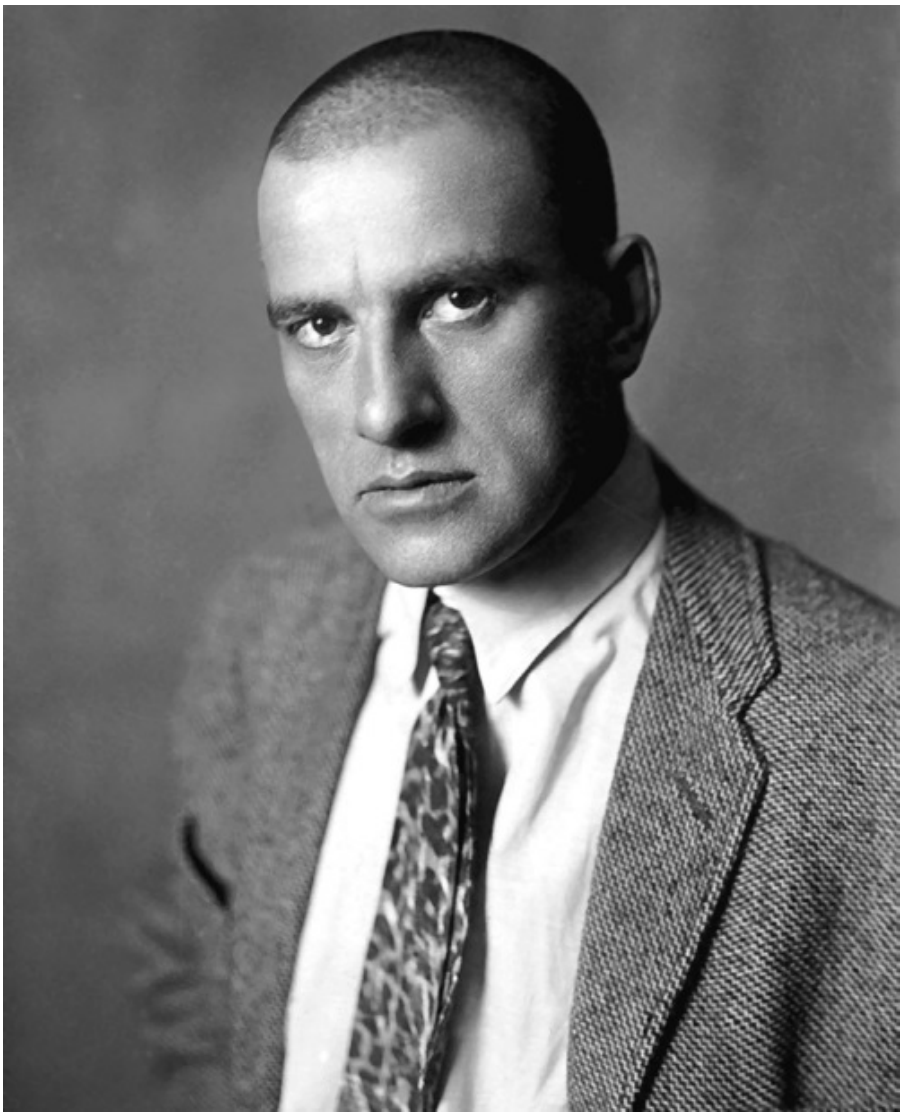
Я попал не в сезон (сезон – зима), здесь полдня регулярно дожди, ночью холода и очень паршивый климат т. к. это 2400 метров над уровнем моря, поэтому ужасно трудно (первые две недели говорят) дышать и сердцебиения что уже совсем плохо.

Я б здесь не задержался более двух недель. Но во первых я связался с линией «Трансатлантик» на пароход (а это при заказе обратного билета 20 %! скидки) а во вторых, бомбардирую

телеграммами о визе Соединенные Штаты.

Если же Соединенных Штатов не выйдет выеду в Москву около 15 августа и около 15–20 сентября буду в Москве. Через несколько дней с секретарем посольства едем внутрь Мексики – в тропические леса плохо только что там желтая лихорадка и придется очевидно, ограничиться только поездом.

Детик! Что ты делаешь и что ты думаешь делать? Бесконечно боюсь тебя не застать а если ты поедешь в Италию боюсь что это у меня не выйдет из-за проклятой кражи!



… И бог заплачет над моею книжкой!
Не слова – судороги, слипшиеся комом;
и побежит по небу с моими стихами под мышкой

и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым
«А все-таки»

Когда ты получишь это письмо, меня уже в Мехико не будет очевидно т. к. я после поездки вглубь поеду прямо на пароход. Поэтому обязательно все все мне напиши на Парижское полпредство к 1 сентября, чтоб я по приезде уже застал твое письмо. Только не пиши, что ты меня не любишь, пожалуйста.

Ужасно скучаю ничего про вас не зная.

Как Оська? Как «Леф»?

Как полное собрание?

Детик, шлю стихи и беспокою тебя страшными просьбами:

1) «Открытие Америки» дай «Лефу»

2) «Испанию» дай «Огоньку»

шлю доверенности

3) «Монашек» попробуй «Известиям»

4) «Атлантический океан» – «Прожектору»

или наоборот

5) Все вместе предложи Радио-Росте.

С «Лефа» разумеется денег не надо брать. С остальных по 1 р. строка а с Радио-Росты (т. Галицкому) по 2–3 черв<онца> за стих. Эти деньги ужасно прошу тебя (рассчитываю, что будет 45–50 червонцев если меньше так меньше) перевесть Андрэ Эльзиному у которого я занял перед отъездом и ему надо заплатить к 1 сентября.

Если денег всех не выручишь или вообще ничего не получишь то пожалуйста своих не шли а только телеграфируй и я устроюсь каким-нибудь займом.

Спасибо детик за телеграммки, они ужасно, ужасно хорошие и лежат на грудях в чудной свиной коже.

Я сейчас не шлю тебе ничего потому что во первых затеряют во вторых еще не осмотрелся а в третьих хочу везть тебе сам.

Дорогой мой и любимый Котик целую тебя страшно страшно. Весь твой со всеми четырьмя лапами

Щен.

Целую Оську в усы.

Целую Эльзку.

Привет Елене Юльевне.

Передай пожалуйста маленькое письмо маме моей.

В. Маяковский – Л. Брик

< 22 июня 1925 г. Пароход «Эспань»

Дорогой Линочек.

Так как показалась Испания, пользуюсь случаем известить

вас, что я ее благополучно сейчас огибаю и даже захожу в какой-то маленький портик, – смотри на карте Santander.

В. В. Маяковскому в Мексику

< 26 июля 1925 г. Москва – Мехико-сити >

Любимый мой Щенит-Волосит, получаю твои письма, а сама, сволочь, не пишу! Сначала – сама не знаю почему, а сейчас – уж очень далеко!

Во-первых – я тебя ужасно люблю и страдаю. Во-вторых – мне предлагают замечательного песика (афен-пинчера), серенького, мохнатого, с лохматой мордой – уж и не знаю прямо – брать ли! В-третьих, Оська стал ужасный фотограф-любитель. Зафиксировал раз навсегда в вираж-фиксаже грязь под ногтями и очень довольный. Снимает всё на свете, а главным образом красивые виды и говорит, что он теперь пейзажист.

Я пишу на террасе, а рядом сидит Шарик и облизывается. Я усыновила всех окрестных котят и они по утрам приходят есть яйца. Аннушка сердится и говорит, что они блохатые. Но я одну блоху поймала и убила на месте.

Я на Волге совсем было поправилась, но приехала и заболела детской болезнью: у меня во рту сделались афты – это такие язвочки, кот. бывают у детей от сырого молока. Пролежала неделю с температурой не пимши, не емши и опять облезла. Сейчас совсем, во всех отношениях здорова.

На грязи все-таки придется поехать – итальянцы обещали через 6 недель визу.

Оська деньги с Гиза получил, а я, представь себе – еще ни копейки! Так что живу в долг. В Моск. раб.[очем] мне дали только 150 р. В «Прибое» сказку взяли и дали тоже 150 р. Просили, чтобы я разрешила иллюстрировать ее их художнику – я позволила. Ничего? А «Что такое хорошо» сделал Денисовский очень мило и «Париж» выходит с Родченковской обложкой. Для Лефа матерьял переписывается. Оська все делает что нужно.

Мама и Эльза здесь. Мама послезавтра уезжает. Эличка всё купила мне – спасибо, родненький. Рассказывала, как тебя обокрали – я чуть не плакала.

Кстати – наших бьют – Левку тоже обокрали, да еще как нахально! – Подошли к нему на улице и отняли 1000 франков. Оська костюма еще не получил – на днях привезут.

Посылаю тебе 15 карточков. Отправила в Мексику 3 телеграммы. Когда получишь это письмо – телеграфируй, что дошло. С квартирой в городе ничего не выйдет – денег нет. Ищу что-нибудь получше здесь или в Серебряном бору (туда ходит автобус).

Мама твоя в санатории очень отдохнула. За ней все ухаживали из-за тебя и она ужасно была довольна. Люда уехала на грязи.

Хорошо бы нам в Италии встретиться. Интересно – попадешь ли ты в Соед. Штаты! Пиши подробно, как живешь (С кем – можешь не писать). Нравится ли? Как с деньгами? Едешь ли в Японию? Пишешь ли роман?

Все по тебе скучают.

Давай встретимся где-нибудь не в Москве, за границей, если тебе там еще не совсем надоело…

Кот наш совсем истаскался. Приходит домой только жрать и всех бьет лапкой.

Обнимаю тебя крепко, целую все твои щенячьи переносики. Целую целую целую.

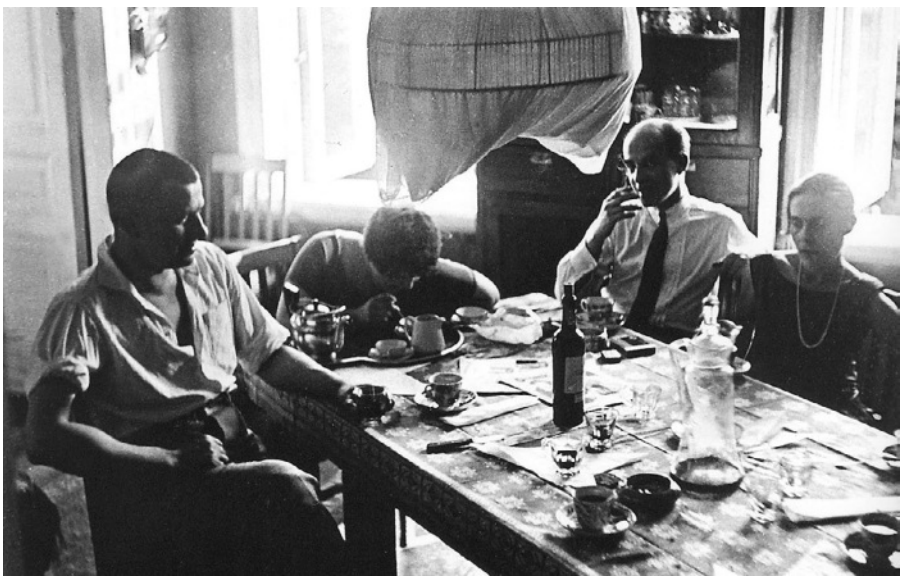
Твоя *Лиля* <кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому

< 27 июля 1925 г. Москва – Мехико-сити >

Беспокоюсь. Телеграфируй. Люблю целую.

Твоя Киса



Владимир Маяковский, Варвара Степанова, Осип Бескин и Лиля Брик на квартире у Бриков. Гендриков переулок, Москва, 1928 г. Фотохудожник А. Родченко

В. Маяковский – Л. Брик

< 31 июля 1925 г. Нью-Йорк – Москва >

Целую из Нью-Йорка. Начале августа Волынский привезет

стихи Лефу. Телеграфируй здоровье.

Адрес три пять авеню. Целую люблю.

Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

< 31 июля 1925 г. Москва – Нью-Йорк >

Здорова. Писала Мехико. Телеграфируй подробно. Целую люблю.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

< 2 августа 1925 г. Нью-Йорк – Москва >

Дорогая Киса пока подробностей нет. Только приехал. Целую люблю.

Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

< 3 августа 1925 г. Москва – Нью-Йорк >

Милый мой и любимый Щенятик, ужасно противно если ты не получил мое длинное письмо с фотографиями. Я написала тебе массу подробностей про собаков и кисов.

Я ужасно удивилась и обрадовалась что ты в New York е. Пришли мне пожалуйста визу и деньгов.

Уж и не знаю про что писать – все написала в том письме. Телеграфируй в Мексику чтоб переслали.

Оська получил костюм и ходит гордый.

Напиши или телеграфируй своим, а то они огорчены и обижены.

Я здорова, но на грязи все таки хорошо бы. Подала итальянцам анкеты. Ответ через 6 недель. Хочу дать телеграмму Керженцеву.

Мама уехала уже. Эличка здесь. Денег нигде не платят. Приехал Сережа, рассказывает невероятно интересные вещи!

Кланяйся Бурлючку. Какой он? Не смей забывать меня!!!

Я тебя люблю и целую и обнимаю.

Очень ждем Волынского со стихами. Пожалуйста больше никуда не уезжай а то я ужасно рассержусь.

Твоя *Лиля*

Все твои письма и телеграммы получила.

С Лефом кажется все в порядке. Заставлю Оську написать тебе.

Л. Брик – В. Маяковскому

< 3 августа 1925 г. Москва – Нью-Йорк >

Очень хочется приехать Нью-Йорк. Целую. Телеграфируй.
Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик
< 6 августа 1925 г. Нью-Йорк – Москва >
Очень стараюсь достать визу. Если не смогу поеду сам домой. Соскучился страшно.
Целую люблю.
Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому
< 13 августа 1925 г. Москва – Нью-Йорк >
Не торопись. Надо денег на квартиру Vionnet. Если не пришлешь визу поеду сентябре Италию. Телеграфируй часто. Целую люблю.
Твоя Киса

Л. Брик – В. Маяковскому
< 18 августа 1925 г. Москва – Нью-Йорк >
Скучаю люблю. Телеграфируй.
Лили

Л. Брик – В. Маяковскому
< 4 сентября 1925 г. Москва – Нью-Йорк >
Куда ты пропал.
Лили

В. Маяковский – Л. Брик
< 6 сентября 1925 г. Нью-Йорк – Москва >
Дорогой Котенок несчастье Хургиным расстроило визные деловые планы. Десятого начинаю лекции Америке. Если месяц не устрою все около десятого октября еду домой. Ответь пожалуйста ласково. Люблю целую.
Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому
< 7 сентября 1925 г. Москва – Нью-Йорк >
Милый мой Щеник. Я тебя люблю и скучаю.
Твоя Киса

Л. Брик – В. Маяковскому
< 12 сентября 1925 г. Москва – Нью-Йорк >
Госиздат три месяца не платит. Масса долгов. Если можешь переведи немедленно телеграфно денег. Телеграфируй. Целую.

Твоя *Лиля*

В. Маяковский – Л. Брик

< 14 сентября 1925 г. Нью-Йорк – Москва >

Дорогой Котенок расстроен известием. Телеграфируй немедленно причины задержки. Кому телеграфировать. Завтра посылаю телеграфно деньги. Окончив лекции немедленно еду тебе. Прости что плохо позаботился. Не мог предполагать. Люблю целую.

Твой паршивый Щен

Владимир Маяковский. Фотохудожник А. Родченко

Л. Брик – В. Маяковскому
< 16 сентября 1925 г. Москва – Нью-Йорк >
Щенятик госиздат нашел издание убыточным. Выяснится

конце месяца. Телеграфировать бесполезно. Спасибо. Целую люблю.

Твоя Киса

Л. Брик – В. Маяковскому

< 18 сентября 1925 г. Москва – Нью-Йорк >

Щененок деньги получила. Крепко целую. Необходимо немедленно перевести весь долг Андрэ 43 Boulevard Capucines Lloyds bank. Телеграфируй. Скучаю люблю.

Твоя Киса

Л. Брик – В. Маяковскому

< 22 сентября 1925 г. Москва – Нью-Йорк >

Получила итальянскую визу. Что делать. Обнимаю целую.

Лили

В. Маяковский – Л. Брик

< 25 сентября 1925 г. Нью-Йорк – Москва >

Лиленок тебе надо ехать полечиться. Если поедешь могу четвертого послать пятьсот долларов. Около пятнадцатого еду обратно. Пока дела очень средние. Если заработаю приеду тобой Италию. Иначе придется прямо ехать Москву печатать написанное. Телеграфируй немедленно. Двадцать девятого еду лекцией Чикаго. Целую люблю.

Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

< Начало октября 1925 г. Москва – Нью-Йорк >

Волосит я соскучилась. Очень прошу приехать Италию. Люблю целую.

Твоя *Лили*

В. Маяковский – Л. Брик

< 3 октября 1925 г. Чикаго – Москва >

Целую из Чикаго. Соскучился. Люблю. Стараюсь Италию.

Весь твой Щен

В. Маяковский – Л. Брик

< 6 октября 1925 г. Чикаго – Москва >

Дорогое солнышко телеграфируй когда едешь. Сообщи итальянский адрес.

Скучаю люблю целую.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

< 6 октября 1925 г. Чикаго – Москва >

Перевел телеграфно Амторг пятьсот долларов. Целую.

Твой *Маяковский*

Л. Брик – В. Маяковскому

< 8 октября 1925 г. Москва – Нью-Йорк >

Волосит деньги получила. Надеюсь выехать шестнадцатого. Постарайся приехать. Соскучилась. Люблю целую.

Твоя *Лили.*

Осик целует

В. Маяковский – Л. Брик

< 9 октября 1925 г. Нью-Йорк – Москва >

Страшно беспокоюсь. Почему не отвечаешь четвертую телеграмму. Немедленно сегодня телеграфируй здоровье дела. Целую люблю скучаю.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

< 16 октября 1925 г. Нью-Йорк – Москва >

Перевел телеграфно триста пятьдесят долларов. Спроси Кузнецкий мост Амторг.

Телеграфируй. Целую.

Твой щен *Маяковский*

Л. Брик – В. Маяковскому

< 16 октября 1925 г. Москва – Нью-Йорк >

Сегодня еду Италию Salsomaggiore пострестант. Жду целую.

Твоя *Лили*

В. Маяковский – Л. Брик

< 19 октября 1925 г. Нью-Йорк – Москва >

Очень скучаю. Две-три недели выяснят визу день. Скорее всего еду домой. Здесь отвратительно. Целую люблю.

Твой щен

Л. Брик – В. Маяковскому

< 21 октября 1925 г. Сальсомаджоре – Нью-Йорк >

Телеграфируй немедленно приедешь ли. Адрес Salsomagiore Hotel Central. Люблю целую.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

< 22 октября 1925 г. Нью-Йорк – Сальсомаджоре >

Дорогой котенок рвусь тебе. Остановка только за визой. Еду Европу не позднее третьего.

Страшно соскучился. Люблю целую.

Твой Щен

Владимир Маяковский в Нью-Йорке. 1925 г.

В. Маяковский – Л. Брик

< 24 октября 1925 г. Нью-Йорк – Сальсомаджоре >

Двадцать восьмого еду Гавр Париж. Итальянскую визу надо просить Париже. Телеграфируй срочно Эльзин адрес. Целую Котенка. До свидания.

Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

< 24 октября 1925 г. Сальсомаджоре – Нью-Йорк >

Эльзин адрес Москва Сокольник Оленья 14. Переведи мне телеграфно денег. Телеграфируй. Целую тебя Щенит.

Твоя Киса

Л. Брик – В. Маяковскому

< 27 октября 1925 г. Сальсомаджоре – Нью-Йорк >

Телеграфирую третий раз. Прошу срочно перевести мне денег. Очень беспокоюсь.

Телеграфируй немедленно. Целую.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

< 24 октября 1925 г. Нью-Йорк – Сальсомаджоре >

Перевел телеграфно сто долларов. До свидания. Целую.

Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

< 4 ноября 1925 г. Сальсомаджоре – Париж >

Милый мой, любимый, родной Щеник, завтра утром еду в Рим и постараюсь оттуда прислать тебе визу. Если не скоро удастся, то, давай встретимся в Берлине и поедем вместе в Москву.

100 дом. кот. ты мне выслал я не получила! Пришлось телеграфировать Леве. Вообще у меня с деньгами вышла ерунда: долго писать – расскажу. Телеграфируй, есть ли у тебя деньги. Я совершенно оборванец – всё доносила до дыр. Купить всё нужно в Италии – много дешевле. Хорошо бы достать тебе визу, чтобы смог приехать за мной! Кажется есть прямой поезд Париж – Рим. Невероятно по тебе соскучилась! Мы бы поездили дней 10 по Венециям – и домой!

Я приготовила для тебя в Москве замечательный подарок.

Волосит, милый, давай встретимся поскорее! Я тебя ужасно люблю.

…Твоя *Лиля* <кошечка>

Телеграфируй: Lili Brik. Roma. Ambasciata Reppublica Sovietica.

В. Маяковский – Л. Брик

<6 ноября 1925 г. Париж – Рим.>

Сию минуту приехал Париж. Телеграфируй подробно отель Истрия. Целую люблю.

Весь твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

< 8 ноября 1925 г. Рим – Париж>

Тебе придется ждать итальянскую визу три недели. Телеграфируй немедленно подробно что мне делать сколько остаешься Париже. Мой адрес Via Principe Amedeo 11 Hotel Genova. Соскучилась. Люблю.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<9 ноября 1925 г. Париж – Рим>

Дорогой Котенок давай встретимся поскорее. Приезжай субботу четырнадцатого Берлин.

Телеграфируй немедленно точно день час вокзал приезда. Деньгов совсем мало. Послал телеграфно банк Credito Italiano двести пятьдесят долларов. Целую люблю скучаю.

Твой Щен

Л. Брик – В. Маяковскому

< 10 ноября 1925 г. Рим – Париж>

Страшно беспокоюсь. Телеграфируй немедленно подробно.

Лили

Л. Брик – В. Маяковскому

< Первая половина ноября 1925 г. Рим – Париж>

Очень хочу видеть. Соскучилась. Целую.

Лили

В. Маяковский – Л. Брик

<25 января 1926 г. Харьков – Москва>

Завтра 6.30 еду Киев. Адрес Харьков Красная гостиница. Целую.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<26 января 1926 г. Харьков – Москва>

Дорогой Лилик беспокоюсь. Телеграфируй срочно Харьков Красная гостиница. Целую.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<26 января 1926 г. Москва – Харьков>

Все в порядке. Целую.

Твоя *Лиля*

В. Маяковский – Л. Брик

<27 января 1926 г. Киев – Москва>

Телеграфируй Киев Отель Континенталь. Целую.

Твой Счен

«Очень хочется автомобильчик. Привези, пожалуйста. Мы много думали о том – какой. И решили – лучше всех Фордик. 1) Он для наших дорог лучше всего, 2) для него легче всего доставать запасные части, 3) он не шикарный, а рабочий, 4) им легче всего управлять, а я хочу обязательно управлять сама».

Из письма Л. Брик

В. Маяковский – Л. Брик

<29 января 1926 г. Киев – Москва>

Родная почему не отвечаешь. Телеграфируй срочно про квартиру деньги. Беспокоюсь. Киев Отель Континенталь. Целую.

Любящий Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<1 февраля 1926 г. Москва – Киев>

Живу Лубянском проезде. Жду целую.

Твоя *Лиля*

В. Маяковский – Л. Брик

<6 февраля 1926 г. Ростов – Москва>

Ростов Дон гостиница Деловой двор. Уеду вторник. Целую Лису.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<12 февраля 1926 г. Краснодар – Москва>

Дорогой Лис телеграфируй Краснодар Первая советская гостиница. Буду до воскресенья. Целую.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<12 февраля 1926 г. Москва – Краснодар>

Телеграфируй чаще. Все благополучно. Жду денег. Целую.

Твоя *Лиля*

В. Маяковский – Л. Брик

<13 февраля 1926 г. Краснодар – Москва>

Перевел Леве сорок червонцев. Остальные из Баку. Целую.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<17 февраля 1926 г. Баку – Москва>

Телеграфируй Баку гостиница Новая Европа. Целую Лису.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<18 февраля 1926 г. Москва – Баку>

Деньги получила. Телеграфируй Лубянский проезд. Целую.

Твоя *Лиля*

В. Маяковский – Л. Брик

<20 февраля 1926 г. Баку – Москва>

Дорогая и родная моя Кисица!

(Это я сделал из Киса и Лисица.)

Я живу сию минуту в Баку где и видел (а также и по дороге) много интересного о чем и спешу тебе написать.

Во первых от Краснодара до самого Баку ехал с нами в поезде большой престарелый обезьян. Обезьян сидел в окне и все время жевал. Не дожевавши, часто останавливался и серьезно и долго смотрел на горы, удивленно, безнадежно и грустно как Левин после проигрыша.

А до этого в Краснодаре было много собачек, про которых я и пишу теперь стих.

В Баку тоже не без зверев. Во первых под окном третьего дня пробежали вместе одиннадцать (точно) мирблюдов бежали прямо на трамвай. Впереди подняв руки задом прыгал человек в черкеске, орал им и что-то доказывал – чтоб повернули.

Едва-едва отговорил.

А также наискосок ежедневно становится в девять часов хороший ослик с фруктами.

Что же касается Регины Федоровны то ее уже не было она уехала в Москву.

Я живу весело: чуть что – читаю «Левый марш» и безошибочно отвечаю на вопросы что такое футуризм и где теперь Давид Бурлюк.

Счастливый Ося, и он живет полной, красивой жизнью: я читал про его выступление в Доме союзов а также дышащую гневом статью о киноплакате в «Советском экране».

Целуй его очень. В телеграммах я его не целую, потому что телеграммы срочные могут прийти ночью а я не хочу его беспокоить ночью по пустякам.

Во вторник или среду утром еду Тифлис и отчитав поскорее в Москву. Надоело – масса бестолковщины. Устроители – молодые. Между чтениями огромные интервалы и ни одна лекция не согласована с удобными поездами. Поэтому вместо международных езжу положив под голову шаблонное с клещами звезд огромное ухо. Уже и без клещей было б удобнее но вычесывать клещи лень тем более из 20 000 экземпляров.

Здесь весна. На улицах продают мимозы. Можно ходить без пальто, но тогда очень холодно. Налево от меня какая-то уличка на ней парикмахерская «Аэлита» тут же все по-тюркски, но выглядит страшно иностранно, т. к. теперь латинский алфавит: аптека и сейчас же по-ихнему – «Aptiq» а вместо воскресенья вообще пятница. Направо от меня Каспийское море в которое ежедневно впадает Волга, а выпадать ей неоткуда т. к. это море – озеро и положенье его безвыходное.

Дорогой Солник очень тебя жалею, что тебе одной возиться с квартирой и завидую потому что с этим повозиться интересно.

Я по тебе, родненький, очень соскучился. Каждому надо чтоб у него был человек а у меня такой человек ты. Правда.

Целую тебя обеими губами причем каждой из них бесконечное количество раз.

Весь твой Счен 1-ый (Азербайджанский).

20/II-26 г.

В. Маяковский – Л. Брик

<21 февраля 1926 г. Баку – Москва>

Перевел Леве сорок червонцев. Среду еду Тифлис. Целую.

Твой Счен

«Я живу весело: чуть что – читаю «Левый марш» и безошибочно отвечаю на вопросы что такое футуризм…»

В. Маяковский

Л. Брик – В. Маяковскому

<23 февраля 1926 г. Москва – Баку>

Деньги получила. Целую очень крепко.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<26 февраля 1926 г. Тифлис – Москва>

Волосик пожалуйста переведи еще денег. Обнимаю целую крепко тебя и всех зверят. Ося целует.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<1 марта 1926 г. Тифлис – Москва>

Перевел Леве тридцать червонцев. Сегодня выезжаю Москву. День приезда телеграфирую из Баку. Целую Кисев.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<3 марта 1926 г. Минеральные воды – Москва>

Приеду пятницу пять дня. Целую.

Твой Счен

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик

<3 марта 1926 г. Москва – Сочи>

Дождику велели прекратиться. Целуем любим.

Счен Кис

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<15 мая 1926 г. Сочи – Москва>

Милые мои любимые зверики, ехала я очень хорошо. Попутчица попалась симпатичная. Целый день пили чай и разговаривали, а ночью спали как убитые. Мужское население вагона долго и тщетно обхаживало нас, но им не повезло! Мне их даже жалко – они, бедненькие, так обрадовались, когда увидели нас и так, видно, надеялись!

Дорога от Москвы до Туапсе – замечательная: на какой то станции на перроне, стояли клетки (их увозили в Питер) с двумя волкам, с двумя волчатами, двумя орлами и двумя аистами. Аисты клювали, перебирали друг дружкины перышки. Я со всеми с ними немножко поговорила.

Но это еще не все достопримечательности: кроме того я видела из окна массу бычков (все – вылитые Ося!), козликов и огромные стада баранчиков.

От Туапсе до Сочи ехали как в «Нашем гостеприимстве». 75 верст – 5 часов! Пассажиры на ходу вылезали за цветами. Из туннелей выползали все черные. И всю дорогу свистели, гудели и звонили, как бешеные.

В «Ривьере» тоже есть фауна под названием «клопы».

Комната моя выходит прямо на море! Причем – не окно, а

дверь. Дверь без заборчика, а комната малюсенькая и вбегать в нее не рекомендуется – можно не удержаться и упасть в море!

Каждый день ем шашлык и клубнику.

Море шумит и каждую минуту меняет цвет. Прямо не угонишься! И по вечерам здорово пахнет субтропической растительностью.

Передайте, что завтра я напишу ему все подробно про Мацесту. Думаю, что без ванн можно прожить на 20 червонцев в месяц.

Очень хочется поехать отсюда на пароходе в Крым. Но немножко боюсь качки. Поеду только в том случае, если море будет абсолютно спокойное.

Очень тепло, но все время дождик (несмотря на ваше распоряжение).

Вчера часа на три вылезло солнышко и я немедленно обожгла себе спину и ноги. Сегодня – ни сесть ни лечь не могу!

Кист! Щенит! Не забывайте мине!!!

Целую изо всех сил ваши мордочки, шейки все восемь лапок.

Ваша <кошечка>

Целую Аннушку и Олю

В. Маяковский – Л. Брик

<18 мая 1926 г. Ленинград – Гагры>

Пришлю не позднее субботы не меньше пятнадцати.

Целую из Ленинграда милую Кису.

Счен

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик

<26 мая 1926 г. Москва – Батум>

Целуем ждем любим.

Ося Вол

В. Маяковский – Л. Брик

<24 июня 1926 г. Одесса – Москва>

Наслаждаюсь Одессой.

Понедельник плыву Ялту на каком-то Ястребе. Целую очень Кису Осю.

Твой Счен

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<24 июня 1926 г. Одесса – Москва>

Почему нет телеграмм.

Очень беспокоимся.

Лиля Ося

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику
<30 июня 1926 г. Ялта – Москва>
Целую дорогую Кису и Осика.
Скучаю как лошадь.
Адрес Ялта гостиница Россия. Пишите телеграфируйте.
Весь ваш Счен

Осип Брик. Фотохудожник А. Родченко

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому
<2 июля 1926 г. Москва – Ялта>
Здоровы. Все порядке. Крепко целуем.
Лили Ося

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<8 июля 1926 г. Москва – Ялта>

Поздравляем. Очень крепко целуем.

Лили Ося

В. В. Маяковскому в Крым

<2 июля 1926 г. Москва – Ялта>

Любимый мой Щенятик, почему ты такой мот и транжир? Почему скучаешь?

Мы живем роскошно, весело и разнообразно: по понедельникам у нас собираются сливки литературной, художественной, политической и финансовой Москвы – Тихон Чурилин, Перцов, Малкин, Гринкруг!! По воскресеньям – ездим на бега – шикарно! В автобусах с пересадкой! В остальные дни Ося бывает у женщин (Оксана, Женя), а я езжу в Серебряный бор к одному из представителей живущих там «верхов» – Тайе и Альтеру. Только не завидуй, Волосит!

Тобку отдали к чужим людям. А щенки замечательные! Они всегда вместе и ждут нас, когда мы бы ни пришли. Мы их ужасно любим. Они нас тоже любят, но не кормят…

…Самая главная новость, что я работаю в «Озет» (Общество земледельцев евреев трудящихся). Если можешь, съезди, посмотри крымские колонии.

На днях Витя Шкловский едет туда снимать фильму с Роомом и с Юткевичем (от Госкино). Работа моя пока маленькая и денег за нее не платят…

В Гизе подписание договоров на 5-й том и на Ленина – отложили на месяц. О нас, миленький, не беспокойся. Отдыхай, пока не надоест. Когда приедешь – отправим Оську отдыхать. Он меня одну оставлять не хочет.

На лестнице, с черного хода, живет кошка, с пятью малюсенькими котятками. Живут они на окне в корзинке.

У твоих на Пресне, в квартире, какой-то ребенок заболел скарлатиной; его отвезли в больницу, но они боятся ходить к нам.

Погода холодная. Ходим в пальто, так что никуда не тянет.

Что с твоей пьесой? С романом? (литературным!)

Пиши нам и чаще телеграфируй. Сделай на нос футлярчик, чтобы больше не загорал.

Целую переносик и всю огромную мордочку.

…

Дорогой Володя! Приезжай скорее!

…

В. Маяковский – Л. Брик

<8 июля 1926 г. Симферополь – Москва>

Дорогой-дорогой, родной, любимый и милый Кис.

Как ни странно, а я пишу из Симферополя.

Сегодня еду в Евпаторию, а через день обратно в Ялту (где и буду ждать ваших телеграммков и письмов).

Одесские деньги поизносились вконец и приходится ездить с чтениями на заработки.

К сожалению, и это почти ничего не дает. Например, в Севастополе не только отказались платить по договору (организаторы, утверждающие, что они мопровцы), а еще и сорвали лекцию, отменили и крыли меня публично разными, по-моему, нехорошими, словами. Пришлось целый день потратить на эту бузу, собирать заседание секретариата райкома, и секретарь райкома отчитывал влоск зарвавшегося держиморду. Моральное удовлетворение полное, а карман пустой. Да еще вместо стихов приходится писать одни письма в редакции.

Я пока еще не загорел, а с носа уже третья шкура слазит, и я его ношу, как пунцовый флаг. Надо думать, что я некрасивый.

Самое для меня неприятное то, что ты сидишь, должно быть, без единого грошика, все к тебе пристают, а Осику не на что ехать на Волгу. Если так пойдет дальше, через недельку-другую вернусь в Москву.

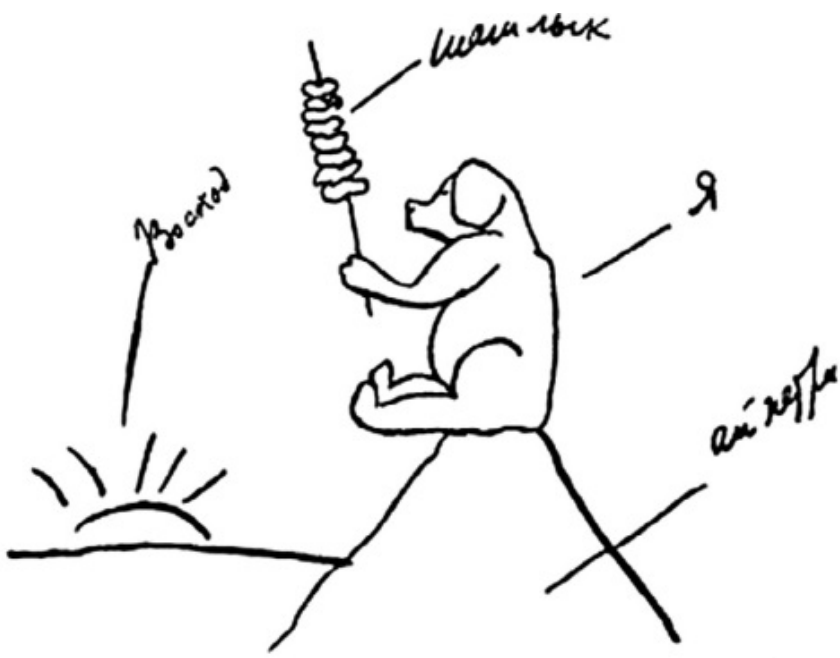
Мне без вас, милые мои и родные, совсем невозможно и скучно. У меня и здесь вообще никаких новостей – на Четырдаге и на Ай-Петри не случается ничего, кроме красивых восходов, а про это даже в газетах писать перестали.

Если вы не напишете всё, всё, всё про себя, я сейчас же начну вымирать со скуки.

Целую все, все лапки и головки тебе и Оську в лысину. Любите меня, пожалуйста, и не забывайте, а я весь ваш

Счен

8/VII 26 г.



В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику

<10 июля 1926 г. Евпатория – Москва >

Живу Евпатории гостиница Дюльбер. Двенадцатого еду Ялту. Бешено скучаю. Пишите телеграфьте пожалуйста больше чаще. Целую крепко Кису Осю.

Весь ваш Счен

Лиля Брик и Владимир Маяковский. Крым. 1926 г.

Л. Брик – В. Маяковскому

<13 июля 1926 г. Москва – Ялта>

Милый Щенит здесь не весело. Отдохни пожалуйста. Целую люблю очень крепко.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<15 июля 1926 г. Евпатория – Москва >

Милый и родной Детик.

Я живу совсем как потерпевший кораблекрушение Робинзон: спасаюсь на обломке (червонца), кругом необитаемая (тобой и Оськой) Евпатория, а пятница уже одна была и завтра будет другая.

Главное же сходство в том что ты ни мне ни Робинзону ни слова не пишешь и не написала.

Правда есть одна ответная телеграмма но я ее даже не считаю так как она без подписи я так про нее себе и говорю: может от Кисы а может от Драпкина. Возможно что я виноват сам и в Ялте лежит целая охапка писем и телеграмм. Но и то я не виноват так как застрял тут на целую неделю потому что у меня был страшенный грипп. Я только сегодня встал и завтра во что бы то ни стало уеду в Ялту из этого грязного места.

Три лекции с таким трудом налаженные опять в Севастополе

и Евпатории, пришлось отменить.

Веселенькая историйка! Ну да бис (по-украински – черт, а не то, что бис – «браво») с ней.

Кисит, если ты еще не написала – напиши в Ялту. Не будь свиньей тем более что из такой маленькой кисы хорошей большой свиньи все равно не выйдет.

Как дело с Оськиным отдыхом?

Ехал бы он в Ялту.

Я получил за чтение перед санаторными больными комнату и стол в Ялте на две недели, Оське можно было бы устроить то же самое.

Ослепительно было бы конечно увидеть Кису на ялтинском балкончике!.. Но обломок червонца крошится а других обломков нет и неизвестно.

По моим наблюдениям я стал ужасно пролетарский поэт: и денег нет, и стихов не пишу.

Родненький Лисик, ответь пожалуйста сразу.

Ты должно быть не представляешь себе как я тоскую без ваших строк.

Целую и обнимаю тебя родненькая и люблю.

Весь твой

Счен.

Ужасно целую Осика.

15/VII-26 г.

Л. Брик – В. Маяковскому

<19 июля 1926 г. Москва– Ялта >

Среду выезжаю Ялту. Буду телеграфировать точно. До свидания. Целую

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику

<19 июля 1926 г. Ялта – Москва >

Бесконечно рад. Пятницу субботу читаю лекции Ялте. Приезжай прямо Ялту. Лучше от Севастополя пароходом. Автомобиль растрясет. Прихвати Осика. Телеграфируй.

До свиданья. Целую.

Ваш

Л. Брик – В. Маяковскому

<21 июля 1926 г. Москва– Ялта >

Выезжаю сегодня сразу десять двадцать от Севастополя автомобилем. Целую.

Лиля

Л. Брик – В. Маяковскому

<23 июля 1926 г. Евпатория – Ялта >

Пятница

Родной мой Щенятик, снимаем во всю, но не по вашему сценарию. Колонии ослепительно инетресные!

В Ялте буду числа 5-го 6-го. Очень прошу тебя меня дождаться. Хочу поехать отсюда на день в Бахчисарай. Если хочешь можем там с тобой встретиться – в таком случае немедленно телеграфируй мне, и я точно сообщу тебе, когда там буду и в какой гостинице. Поеду с Витей.

Хоть ты и сволочка, что совсем не телеграфируешь – целую страшно нежно твою необозримую мордочку и шеюшку.

Твоя Лиля

Забыла про самое главное!

Деньги вышлю тебе телеграфно в понедельник.

Очень просим немедленно позвонить Соловьеву, чтобы он немедленно достал пленку (2 коробки). Нам не хватает. Мы дали ему телеграмму.

<кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому

<27 июля 1926 г. Евпатория – Ялта >

Шкловского нет. Телеграфируй срочно время отъезда оператора. Целую.

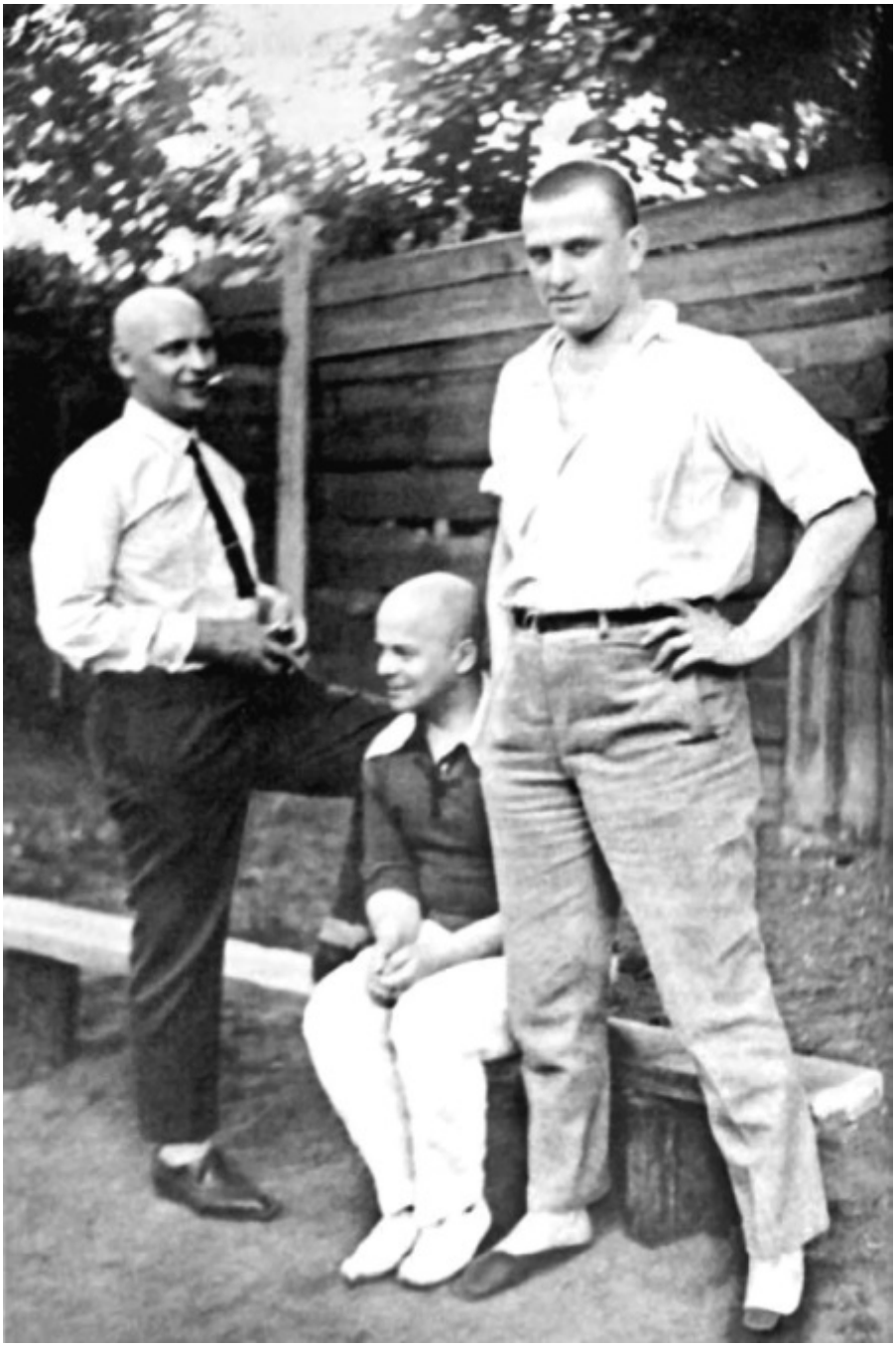
Твоя несчастная *Лиля*

В. Маяковский – Л. Брик

<28 июля 1926 г. Ялта – Евпатория >

Шкловский оператор выехали час дня. Очевидно будут среду утром.

Твой Щен



Александр Родченко, Виктор Шкловский и Владимир Маяковский

В. Маяковский – Л. Брик

< 29 июля 1926 г. Ялта – Евпатория >

Пленку обещали выслать понедельник. Поездке Бахчисарай

должно быть помешают лекции. Дождусь Ялте. Телеграфь приезд. Целую.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<2 августа 1926 г. Ялта – Евпатория >

Проверь высылку пленки. Телеграфируй срочно.

Лиля

В. Маяковский – Л. Брик

<2 августа 1926 г. Ялта – Евпатория >

Пленка послана сегодня пароходом. Целую крепко.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<2 августа 1926 г. Ялта – Евпатория >

Буду Ялте вторник вечером. Целую.

Твоя *Лиля*

В. Маяковский – Л. Брик

<21 октября 1926 г. Киев – Москва >

Буду субботу. Целую Кису. Привет Бульке.

Ваш Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<24 ноября 1926 г. Ростов – Москва >

Телеграфируй Ростов Дон гостиница Деловой двор. Еду Краснодар субботу. Целую крепко.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<29 ноября 1926 г. Краснодар>

Дорогой дорогой, милый родной и любимый кисячий детик лис

Я дико скучаю по тебе и ужасно скучаю по вас всех (по «вам всем»?).

Езжу как бешеный.

Уже читал: Воронеже, Ростове, Таганроге, опять Ростове, Новочеркасске и спять два раза в Ростове; сейчас сижу в Краснодаре, вечером буду уже не читать, а хрипеть – умоляю устроителей, чтоб они меня не возили в Новороссийск, а устроители меня умоляют, чтоб я ехал еще и в Ставрополь.

Читать трудновато. Читаю каждый день: например в субботу читал в Новочеркасске от 8½ вечера до 12¾ ночи просили

выступить еще в 8 часов утра в университете а в 10 – в кавалерийском полку, но пришлось отказаться, так как в 10 часов поехал в Ростов и читал с 1½ в РАППе до 4.50, а в 5.30 уже в Ленинских мастерских и отказаться нельзя никак: для рабочих и бесплатно!

Ростов – тоже не роза!

Местный хроникер сказал мне, гуляя по улице:

«Говорят – гений и зло несовместимы а у нас в Ростове они слились вместе». В переводе это значит, что у них несколько месяцев назад прорвались и соединились в одно канализационные и водопроводные трубы! Сейчас сырой воды не пьют, а кипяченую советуют пить не позже чем через 4 часа после кипения а то говорят что какие то «осадки».

Можешь себе представить, что я делал в Ростове!

Я и пил нарзан и мылся нарзаном и чистился – еще и сейчас весь шиплю.

Чаев и супов не трогал целых три дня.

Такова интеллектуальная жизнь.

С духовной и романтической стороной тоже не важно.

Единственный романтический случай и тот довольно странный. После лекции в Новочеркасске меня пригласил к себе в кабинет местный профессор химии и усердно поил меня собственным вином собственных лоз из мензурок и пробирок и попутно читал свои 63-летние стихи. Так как вино было замечательное, а закуски никакой, кроме разных «марганцев да ангидридов», то пришлось очень быстро повеселеть и целоваться с влюбленным в поэзию химиком.

Колбочки очень тоненькие и если их просто ставить на стол, то они, оказывается, разбиваются; я это быстро понял и взялся за свой плоский стакан, но увидел только чехол, а сам стакан сперли студенты на память, так что университету никакого убытка, но зато я еще больше боюсь Ростова и совсем обезоруженный.

Придется кипятить нарзан и мыть им посуду, а как узнать – кипит ли нарзан или нет, раз он всегда и шипит и пускает пузырики?!

Опасно жить как говорит писательница Эльза Триоле.

Вот и все события. Получила ли ты деньгов? Я их послал почтой чтоб тебе принесли прямо в кровать.

Не знаю пока, поеду ли в Киев, очень надо и очень не хочется.

Если не поеду буду в воскресенье-понедельник Москве если поеду – вторник-среду.

Не забывай меня мой родненький я тебя ужасно люблю и я твой ужасно

Счен.
Целуй Оську.
Краснодар, 29/XI-26 г.
Осик, смотри за Лефом, целую тебя.
Твой зам Вол.

Писательница Эльза Триоле и ее муж Луи Арагон

В. Маяковский – Л. Брик
<4 декабря 1926 г Киев – Москва>
Буду Москве воскресенье. Целую.
Твой Счен

О. Брик – В. Маяковскому
<18 января 1927 г. Москва – Нижний Новогород>
Поезд опоздал. Киса ночевала Варшава. Вероятно сегодня будет Вене. Целую.

Ося

О. Брик – В. Маяковскому
<18 января 1927 г. Москва – Нижний Новогород>
Кисин адрес Вена Отель Бристоль. Целую.
Ося
В. Маяковский – Л. Брик
<25 января 1927 г Казань – Вена>
Целую крепко.
Счен

О. Брик – В. Маяковскому
<21 января 1927 г. Москва – Казань>
Ничего нового. Целую.
Ося

В. Маяковский – Л. Брик
< 25 января 1927 г. Самара – Москва>
Телеграфируй Самара гостиница Националь про Кису Леф Федерацию. Четверг еду Саратов. Скучаю целую.
Вол

О. Брик – В. Маяковскому
<26 января 1927 г. Москва – Самара>
Леф печатается. Федерация торгуется. Киса просит денег. Скучно. Приезжай скорее.
Целую.
Ося

В. Маяковский – Л. Брик
< 29 января 1927 г. Саратов – Вена>
Второго буду Москве. Немедленно получении разрешения посылаю деньги. Скучаю.
Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик
< 3 февраля 1927 г. Москва – Вена>
Пока разрешили 205 долларов. Выслал телеграфно Arbeiterbank востребования. Хлопочу наднях выслать остальное. Спасибо посылка. Целую.
Счен

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику
< 4 февраля 1927 г. Вена – Москва>

Получила десять фунтов двести пять долларов. Жду остального. Соскучилась. Целую.

Ваша *Лиля*

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

< 6 февраля 1927 г. Вена – Москва >

Почему молчите как убитые.

Сто девяносто пять.

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик

< 7 февраля 1927 г. Москва – Вена >

Усиленно хлопочем. Деньги на днях получишь. Любим целуем.

Счен Кис

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик

< 10 февраля 1927 г. Москва – Вена >

Деньги посланы. Ждем скучаем любим целуем.

Счен Кис

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

< 13 февраля 1927 г. Вена – Москва >

Выезжаю воскресенье два сорок.

Ваша Киса

В. Маяковский – Л. Брик

< 23 февраля 1927 г. Харьков – Москва >

Дорогая Киса перевел двадцать. Четверг буду Киев Континенталь. Телеграфируй. Целую тебя Осю.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<25 февраля 1927 г. Москва – Киев >

Если можешь переведи еще деньгов. Целую.

Твоя Киса

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<25 апреля 1927 г. Москва – Прага >

Телеграфировали здоровы. Обнимаем целуем.

Киса Ося

Наталья Брюханенко. Одна из возлюбленных Маяковского

Л. Брик – В. Маяковскому

< 25 апреля 1927 г. Москва – Париж >

Волосит, у нас ничего не случается. Снимать дачу еще не ездили. Пасхи и куличи замечательные. Оська пишет вступительную статью к Колькиному полному собранию.

Прошлого вторника не было, завтра – будет. Совсем тепло.

Очень хочется автомобильчик. Привези пожалуйста! Мы много думали о том – какой. И решили – лучше всех Фордик.

1) Он для наших дорог лучше всего, 2) для него легче всего достать запасные части, 3) он не шикарный, а рабочий, 4) им легче всего управлять, а я хочу управлять обязательно сама. Только купить надо непременно Форд последнего выпуска, на усиленных покрышках-баллонах; с полным комплектом всех инструментов и возможно большим количеством запасных частей.

Кроме того мы с Булькой очень просим, если можно купить для мотоциклетки всё, что я тебе записала, так как мы очень много на ней ездим.

Напиши мне, пожалуйста, Щеник! Целую переносик. Будь здоров. Отдохни, пожалуйста, и приезжай поскорее.

Обнимаю и целую изо всех сил.

…

Если есть в природе какой-нибудь кино-грим для зубов – чтоб были белые, то привези Шуре.

Прошу тебя ужасно баловать Эличку. Напиши мне про нее подробно. Я ей отдельно напишу.

Поцелуй ее за меня в обе щечки.

Милый, дорогой Володя, – без тебя очень скучно и сиротливо. Леф № 4 уже набран и на днях выйдет. Обязательно присылай матерьял на № 5, а то печатать нечего будет. Интересных новостей никаких нет; всё мелочи и сплетни. Тебе всё время звонит Лавут; не верит что ты уехал; говорит что тебя видели на улице. Завтра у нас будет Лефовский вторник, будем обсуждать матерьял для № 5. Пришли стихи и прозу, хотя бы в виде писем, мы их напечатаем. Очень крепко тебя целую и скучаю…

Э. Триоле, В. Маяковский – Л. Брик
<30 апреля 1927 г. Париж – Москва >
Поздравляем целуем Кису.
Эльза Счен

Э. Триоле, В. Маяковский – Л. Брик
<2 мая 1927 г. Париж – Москва >
Восьмого еду домой остановкой Берлине Варшаве. Целуем.
Твои Счен Эльза

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому, Э. Триоле
<3 мая 1927 г. Москва – Париж >

Обнимаем целуем тебя Элиньку.
Твои *Лиля Ося*

Л. Брик – В. Маяковскому
<3 мая 1927 г. Москва – Париж >
Немедленно поговори Vionnet.
Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик
<7 мая 1927 г. Париж – Москва >
Мой изумительный дорогой и любимый Лилик.

Как только я ввалился в «Истрию» сейчас же принесли твое письмо – даже не успел снять шляпу. Я дико обрадовался и уже дальнейшую жизнь вел сообразно твоим начертаниям – заботился об Эльзе думал о машине и т. д. и т. д.

Жизнь моя совсем противная и надоедная невероятно. Я всё делаю чтоб максимально сократить сроки пребывания в этих хреновых заграницах.

Сегодня у меня большой вечер в Париже. Зайдет Флаксерман (он здесь по разным авто-аэро делам). Пообедаем и пойдем читать. Девятого еду Берлин (на восьмое не было билетов) десятого читаю в Берлине и оттуда в Москву через Варшаву (пока не дают визы – только транзитную).

В Праге отмахал всю руку столько понадписывал своих книг. Автографы – чехословацкая мания вроде сбора марок. Чехи встречали замечательно был большущий вечер рассчитанный на тысячу человек – продали все билеты и потом стали продавать билетные корешки, продали половину их а потом просто люди уходили за нехваткой места.

В. Маяковский – Л. Брик
<11 мая 1927 г. Берлин – Москва >
Дорогой детик еду четверг Вршаву. Бесконечно соскучился. Писать разучился совсем. Целую тебя Осика.
Весь твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик
<13 мая 1927 г. Варшава – Москва >
Целую. Телеграфируй Варшава полпред.
Твой Счен

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому
<14 мая 1927 г. Москва – Варшава >
Скучаем ждем любим.

Твои Киса Ося

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику
<20 мая 1927 г. Варшава – Москва >
Субботу еду домой. Целую.
Ваш Счен

Решайтесь, башня, —
нынче же вставайте все,
разворотив Париж с верхушки и до низу!
Идемте!
К нам!
К нам, в СССР!
Идемте к нам —
Я
вам достану визу!
«Разговорчики с Эйфелевой башней»

Л. Брик – В. Маяковскому
<21 мая 1927 г. Москва – Варшава >
Беспокоимся.
Лили

Л. Брик – В. Маяковскому
<6 июля 1927 г. Прохладная – Москва >
Родного моего Щеника поздравляю целую.

Твоя Киса

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику
<8 июля 1927 г. Тифлис – Москва >
Деньги получила. Гостиница Ориант.
Ваша Киса

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику
<13 июля 1927 г. Тифлис – Москва >
Сегодня выезжаем на неделю к морю. Адрес сообщу. Целую.
Ваша *Лиля*

Л. Брик – В. Маяковскому
<14 июля 1927 г. Батум – Москва >
Поздравляю обнимаю целую. Телеграфируй Батум Махинджаури дача Рощет.
Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик
<16 июля 1927 г. Москва – Батум>
Спасибо телеграммки. Целую люблю.
Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику
<17 июля 1927 г. Сочи – Москва >
Волосик переведи деньги Батум Госбанк. Телеграфируйте Гагры до востребования. Ужасно люблю целую тебя Осика.
Ваша *Лиля*

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику
<18 июля 1927 г. Батум – Москва >
Щеник оставь обязательно лишние двадцать червонцев. Задолжала Кулешову.
Выезжаю пятницу. Постарайся дождаться. Телеграфьте. Беспокоюсь. Соскучилась. Целую.
Ваша *Лиля*

Л. Брик – В. Маяковскому
<19 июля 1927 г. Гагры – Москва >
Переведи не меньше тридцати. Обнимаю целую.
Киса

В. Маяковский – Л. Брик
<20 июля 1927 г. Москва – Батум>

Понедельник двадцать пятого читаю лекцию Харькове. Твой поезд будет Харькове понедельник двенадцать тридцать ночи. Встречу вокзале. Соскучился. Целую.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<29 июля 1927 г. Москва – Харьков >

Крепко целую люблю.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<1 августа 1927 г. Лозовая – Москва>

Еду Ялту. Целую очень.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику

<2 августа 1927 г. Ялта – Москва >

Телеграфьте немедленно здоровье дела. Страшно беспокоюсь. Ялта гостиница Россия. Целую.

Счен

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику

<4 августа 1927 г. Ялта – Москва >

Беспокоюсь.

Телеграфируйте Ялта гостиница Россия.

Целую люблю.

Ваш Счен

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<5 августа 1927 г. Москва – Ялта >

Здоровы. Обнимаем целуем. Шестой Леф печатается. Срочно шли матерьял седьмому.

Твои Кисы

Л. Брик – В. Маяковскому

<10 августа 1927 г. Москва – Ялта >

Буличка благополучно родила два черненьких три беленьких. Люблю скучаю.

Скорее приезжай.

Твоя Киса

Владимир Маяковский и Осип Брик

…Вы думаете, что Ося Брик —
Исследователь русского языка?
А на самом деле он шпик
И следователь ВЧК…
В. Маяковский

В. Маяковский – Л. Брик

<10 августа 1927 г. Ялта – Москва >

Дорогой, родной, любимый Личик!

Как ты? Как Осик? Как уважаемые сукины дети наши бульдоги?

Я живу в Ялте, вернее, это так называется, потому что езжу читать во все имеющиеся стороны.

Читал 2 раза Луганске, раз Сталино, Симферополь, Севастополь, Алушта и прочее.

Живу в Ялте с Горожаниным, с ним же в большинстве случаев разъездываю. Впрочем, в Алушту ездил с Луэллой, которая поехала к какой-то Вале Шахор, которую она считала за Шахер, и при первой встрече пискливо орала на всю курзальную столовую: <…> Я стыдливо тупил глазки.

15-го читаю в Ялте потом 19 и 21 Евпатории и Симферополе и думаю от 1-го до 10-го Кавказ с вершин коего в Москву.

Детик, у меня к тебе много просьб:

1) Получи в «Молодой гвардии» сорок червонцев (надо получить не позднее пятнадцатого иначе их вышлют мне в Крым) и эти червонцы возьми себе. (Доверенность прилагаю).

2) Узнай, получила ли «Мол<одая> гвардия» мою вторую

часть поэмы.

3) Узнай пожалуйста у Бескина, прошел ли через ред<акционный> план мой шестой том собрания сочинений.

4) Как в Гизе с изданием моей Октябрьской поэмы? Корректуру этой поэмы очень прошу Осю выверить с особой тщательностью.

5) Как дела вообще с квартирами ремонтами дачами и прочим?

6) Попроси Осика сверить гизовский экземпляр поэмы с отрывком, посланным для «Лефа» и внести соответствующие изменения в гизовский экземпляр. Вот и всё.

Много?

Будь добра родненькая ответь мне на всё подробным письмом на Ялту.

Целую тебя и скучаю.

Весь твой Счен

10/VIII 27 г.

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику

<12 августа 1927 г. Ялта – Москва >

Получил сорок червонцев Молодой гвардии. Стихи Лефу доверенность деньги послал спешной почтой. Люблю скучаю. Целую Кису Осю щенят.

Ваш Счен

В. В. Маяковскому в Ялту

<17 августа 1927 г. Москва – Ялта >

Милый мой Волосит, Щенит,

Бульдожки наши изумительные: слепые, пузатые, крикуны, обжоры и драчуны. Булька от них в полном экстазе, несмотря на то что жрут они ее днем и ночью.

Ремонт начался только в понедельник, раньше никак не могла найти хорошего мастера. Обойдется червонцев в 40–50.

Газовой ванны сделать нельзя. Навожу справки об электрической. А то придется куда-нибудь втиснуть колонку, – с баком очень уж плохо.

В Мол. Гвардии 2-ая часть печатается – из Крыма они от тебя ничего не получили. Ермилов тебе кланяется.

Шестой том через Редплан прошел.

В Гизе поэма вся в наборе: корректур еще не было.

«Ленина» Оська подписал к печати последнюю корректуру.

На даче всё в порядке. Тифлисцы уехали. Живут у нас Лева и Сема; все время бывают Родченки; ездит народ. Козлик умер – простудился – я очень жалела, он последнее время был ужасно миленький, бегал за всеми и просил копытцем хлеба и сахару.

Я делаю сценарий для Межрабпома по рассказу Некрасова – получу 6000 рублей!!

Устроила Эльзино «Таити» в Гизовскую универсалку.

Денег в Мол. Гвардии еще не получила. Получу только 22-го.

Аннушка наварила массу варенья – самого разнообразного.

Родченко с Кулешовым пока не поехали – очень не хотелось, и Варвара отговаривала.

У Маяковских всё благополучно.

Играем в Mah на деньги и в ping-pong (настольный теннис).

Если есть пришли еще денег, а то мне с ремонтом не хватит. Если у тебя нет – займу.

На даче будем жить до 15-го сентября, ремонт в Москве только к этому времени кончится.

Осик помешан на щенятах – сидит над ними, на всех орет, командует. Бульку с глаз не спускает, пичкает ее. Умора! Его отпуск уже кончился и он совсем не отдохнул. Я его очень уговариваю съездить в Крым, но – сам понимаешь!..

Отрывок для Лефа изумительный!!! Оська просит передать, что ждет прозы.

Телеграфируй почаще. Куда едешь на Кавказ? Привези оттуда деревянную коробку нуги – в особенности, если будешь в Батуме. На улице Ленина есть специально такая кондитерская. Хотя можно и не привозить.

Телеграфируй – отдохнул ли. Целую тебя, мой родной. Хоть у меня сейчас и пять щенятиков, все-таки приезжай поскорее – очень нужен шестой!

Ужасно крепко тебя люблю. Пожалуйста, не женись всерьез, а то меня все уверяют, что ты страшно влюблен и обязательно женишься!

…

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику

<26 августа 1927 г. Ялта – Москва >

Сообщите Госиздату название Октябрьской поэмы Хорошо. Подзаголовок Октябрьская поэма. Частей не делать. Дать отдельным стихом порядковую арабскую нумерацию. Переставь последним предпоследнее стихотворение. Третьего еду лекции Кисловодск. Около пятнадцатого радостный буду Москве. Целую мою единственную кисячью осячью семью.

Весь ваш Счен

Лев Кулешов – советский актер, кинорежиссер, сценарист, теоретик кино

В. Маяковский – Л. Брик

<31 августа 1927 г. Ялта – Москва >

Послал телеграмму. Перевел тринадцать червонцев. Третьего еду Кисловодск. Беспокоюсь огорчаюсь отсутствием известий. Все забыли. Телеграфируй срочно. Целую скучаю люблю.

Твой Свен

Л. Брик – В. Маяковскому

<1 сентября 1927 г. Москва – Ялта >

Деньги получила. Скучаю люблю.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику

<7 сентября 1927 г. Кисловодск – Москва >

Приеду пятнадцатого шесть вечера. Телеграфируйте Кисловодск Гранд Отель. Целую скучаю.

Ваш Очень

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<9 сентября 1927 г. Москва – Кисловодск >

Ждем целуем.

Твои Кисы

В. Маяковский – Л. Брик

<31 октября 1927 г. Ленинград – Москва >

Послал телеграфом пятнадцать. Приеду четвертого. Целую очень.

Счен

В. Маяковский – О. Брику

<22 ноября 1927 г. Харьков – Москва >

Осик.

Шлю статейкишку и хронику.

Устрой пожалуйста и обязательно чтоб я повидал Леф в рукописи.

Это не трудно и не задержит.

Твой *Вол*

Л. Брик – В. Маяковскому

<25 ноября 1927 г. Москва – Ростов >

Все благополучно кроме Левы.

Целую изо всех сил.

Твоя *Лиля*

В. Маяковский – О. Брику, Л. Брик

<2 декабря 1927 г. Баку – Москва >

Телеграфьте срочно Баку гостиница Новая Европа здоровье дела. Целую тебя Осю.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому
<2 декабря 1927 г. Москва – Баку >
Скучаю целую.
Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик
<6 декабря 1927 г. Баку – Москва >
Очень скучаю очень люблю очень целую однако еду Тифлис
Твой Счен коммивояжер

Л. Брик – В. Маяковскому
<9 декабря 1927 г. Москва – Тифлис >
Огорчена что не застал по телефону. Люблю целую.
Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик
<26 января 1928 г. Свердловск – Москва >
Телеграфируй срочно дела здоровье Свердловск гостиница Ярмаркома. Целую скучаю.
Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому
<27–28 января 1928 г. Москва – Свердловск >
Очень беспокоюсь. Телеграфируй чаще. Целую.
Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик
<29 января 1928 г. Свердловск – Москва >
Еду Пермь. Москве буду около пятого. Целую люблю. Скучаю.
Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик
<30 января 1928 г. Пермь – Москва >
Перевел телеграфно пятьдесят. Телеграфируй срочно здоровье дела Пермь Первая гостиница. Очень скучаю целую.
Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик
<4 февраля 1928 г. Вятка – Москва >
Приеду воскресенье полдень. Очень целую.
Счен

Владимир Маяковский. 1928 г.

В. Маяковский – Л. Брик

<1 марта 1928 г. Днепропетровск – Москва >

Послал Эльзины десять. Телеграфируй обязательно срочно Днепропетровск гостиница Спартак. Целую скучаю.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<1 марта 1928 г. Москва – Днепропетровск >

Есть возможность перевести Эльзе еще пятнадцать пришли

пожалуйста. Рада что дома но очень по тебе соскучилась. Телеграфируй. Люблю.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<2 марта 1928 г. Днепропетровск – Москва >

Посылаю десять. Остальные шестого. Еду пятого. Целую скучаю.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<8 марта 1928 г. Житомир – Москва >

Телеграфируй немедленно срочно здоровье Киев гостиница Континенталь. Девятого еду Одессу. Посылаю Эльзины пять. Целую скучаю люблю.

Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<20 марта 1928 г. Киев – Москва >

Еду Винницу. Перевел пять. Попроси Леву зайти вторник шесть правдинский кооператив. Повестка на моем столе. Целую.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<21 марта 1928 г. Вапнярка – Москва >

Телеграфируй Одесса Лондонская гостиница. Люблю целую.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<22 марта 1928 г. Москва – Одесса >

Очень люблю целую.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<25 марта 1928 г. Одесса – Москва >

Еду Киев гостиница Континенталь. Москве буду двадцать девятого. Целую люблю.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<16 апреля 1928 г. Берлин – Москва >

Очень хорошо доехала. Адрес Kurfurstenhotel. Телеграфируйте здоровье. Целую.

Ваша Киса

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик

<17 апреля 1928 г. Москва – Берлин>

Поправляюсь. Любим целуем.

Счен Кис

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<20 апреля 1928 г. Берлин – Москва >

Телеграфируйте часто здоровье. Целую.

Ваша Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<21 апреля 1928 г. Москва – Берлин>

Тороплюсь поправиться. Надеюсь выйти дня через три. Люблю целую.

Счен

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<22 апреля 1928 г. Берлин – Москва >

Воскресенье

Дорогие зверятики! Ужасно беспокоюсь о Володике!

Волосит, когда поедешь, привези: 1) икры зернистой; 2) 2–3 коробки (квадратные металлические) монпансье; 3) 2 фунта подсолнухов и 4) сотню (4 кор. по 25 шт.) папирос «Моссельпром».

Мои кино-дела зависят только от Москвы, то есть от денег.

Видела Чаплинский «Цирк» – совсем разочарована! А Пискатор – такая скучища, что даже заснуть трудно! Мрак!

Купила себе темно-синий вязаный костюм, туфли, часики и 4 носовых платка, по случаю насморка.

Завтра уезжает мама.

Ослит! Думай о моих кино-делах!!!

Обидно, если ничего не удастся купить!

Уж не такие это деньги!

Убеди правление.

Завтра получу рукописи, пойду к Malik у, найду Gasbarra. Ruttman не в Берлине.

Вообще хорошо что мама уезжает!!

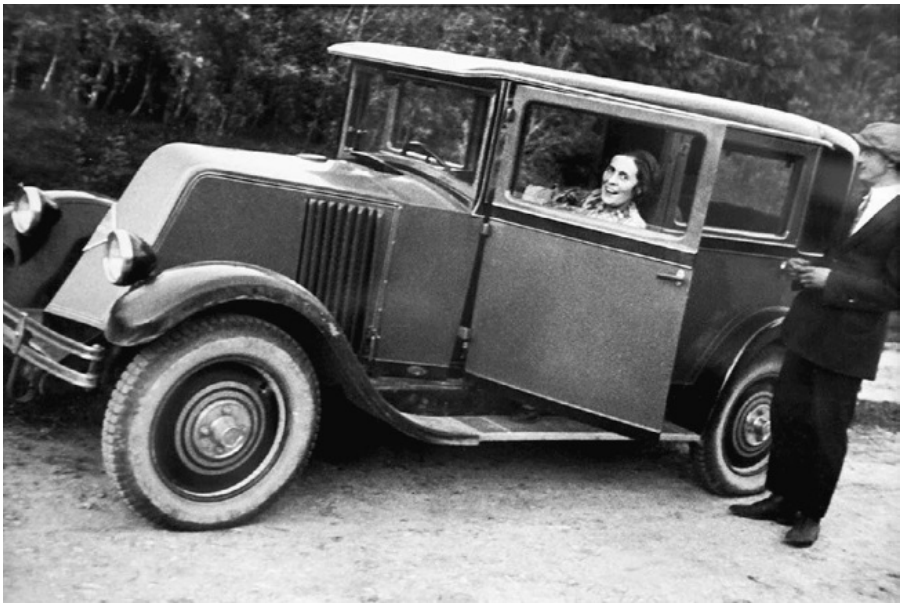
Берлин замечательный. Такси дешевые.

Послала с Мизиано тебе, Ослит, платок на шею и Кулешову автомобильные перчатки. Больше он ничего не хотел брать.

Ужасно люблю вас и Булечку.

Целую все лапки, ваша <кошечка>!

Жду Володика!



Владимир сдержал обещание и все-таки привез Лиле автомобиль. Возлюбленная поэта стала одной из первых женщин за рулем в СССР

В. Маяковский – Л. Брик

<24 апреля 1928 г. Москва – Берлин>

Доктор велел неделю высидеть дома. Надеюсь выехать первых числах мая. Если проболею дольше телеграфирую. Очень скучаю. Целую.

Ваша Киса

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик

<26 апреля 1928 г. Москва – Берлин>

Ничего особенного.

Держится кашель небольшая температура. Обязательно надо высидеть. Рая обещала послать двадцать третьего. Клеопатрой можешь распорядиться. Любим целуем.

Твой Счен Кис

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<28 апреля 1928 г. Берлин – Москва >

Не забудьте Эльзины деньги. Беспокоюсь. Телеграфируйте ежедневно. Целую.

Ваша Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<28 апреля 1928 г. Москва – Берлин>

Дорогой милый родной любимый Кис

Мне чудовищно не везет: я еще совсем не справился с моим гриппом. У меня все время одна и та же температура – 9 ч. 36,6; в 2 ч. 37,1 и в 7 ч. 37,3 и небольшой кашель. Меня лечит опять Ефим Юрьевич – он сказал мне что это от левого легкого и нашел в левом легком внизу как они выражаются «фокус». Ефим Юрьевич говорит, что ничего плохого и никаких опасностей нет но все это очень канительно.

Сегодня, только что Е. Ю. был опять и сказал что я должен проваляться минимум неделю. При медленном темпе моего теперешнего гриппа ни как нельзя ручаться что этот минимум будет и максимумом…

А потом высидеть дома дня 4 здоровым, а потом работа, а потом и т. Словом сама прикидывай время.

Я думаю что ты должна сама съездить в Париж не ждя меня. Я могу явиться только как нечаянная радость.

(Я уже пожрал 24 курицы!_

Сегодня говорил с месткомом – и послезавтра они пошлют Эльзе деньги.

Телеграфируй куда и я около 4-го пошлю тебе деньгов посколько их разрешат и посколько оне будут.

Больше никаких новостев нет.

Прости меня дорогой детик что я не выздоравливаю я делаю все что можно – целый день жру пилюли, закручиваюсь в компрессы и ставлю банки, а главным образом два термометра и все-таки с трудом изгоняю каждый четверть градуса.

Дорогой детик пиши и телеграфируй любящий родную Кису и весь твой

Счен

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик

<26 апреля 1928 г. Москва – Берлин>

Абсолютно огорчена и растеряна. Телеграфируйте можно ждать ли Володю или немедленно ехать Москву.

Ваша Киса

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик

<30 апреля 1928 г. Москва – Берлин>

Расстроен твоим огорчением. Москву ехать из-за меня не стоит. Если поправлюсь эту неделю немедленно приеду. Если проболею дольше немедленно телеграфируй куда послать тридцать червонцев. Что Клеопатрой. Любим целуем.

Твой Счен Кис

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<1 мая 1928 г. Берлин – Москва >

Деньги пришлите Берлин. Клеопатра выяснится пятницу. Люблю.

Ваша Киса

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<7 мая 1928 г. Берлин – Москва >

Телеграфируй здоровье. Перевел ли деньги приедешь ли.

Ваша *Лиля*

В. Маяковский – Л. Брик

<8 мая 1928 г. Москва – Берлин>

Пока проваляюсь больной. Держится температура. После такой болезни придется изрядно высидеть хлопотать визы зарабатывать деньги. Нельзя даже приблизительно определить срок моей поездки. Грустно. Скучно. Адамович телеграфировал торгпредство Григориу Аркус передать сорок. Справься. Целую.

Счен

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<10 мая 1928 г. Берлин – Москва >

Деньги получила. Еду сегодня Париж в полном отчаянии от Володиной болезни. Телеграфируйте.

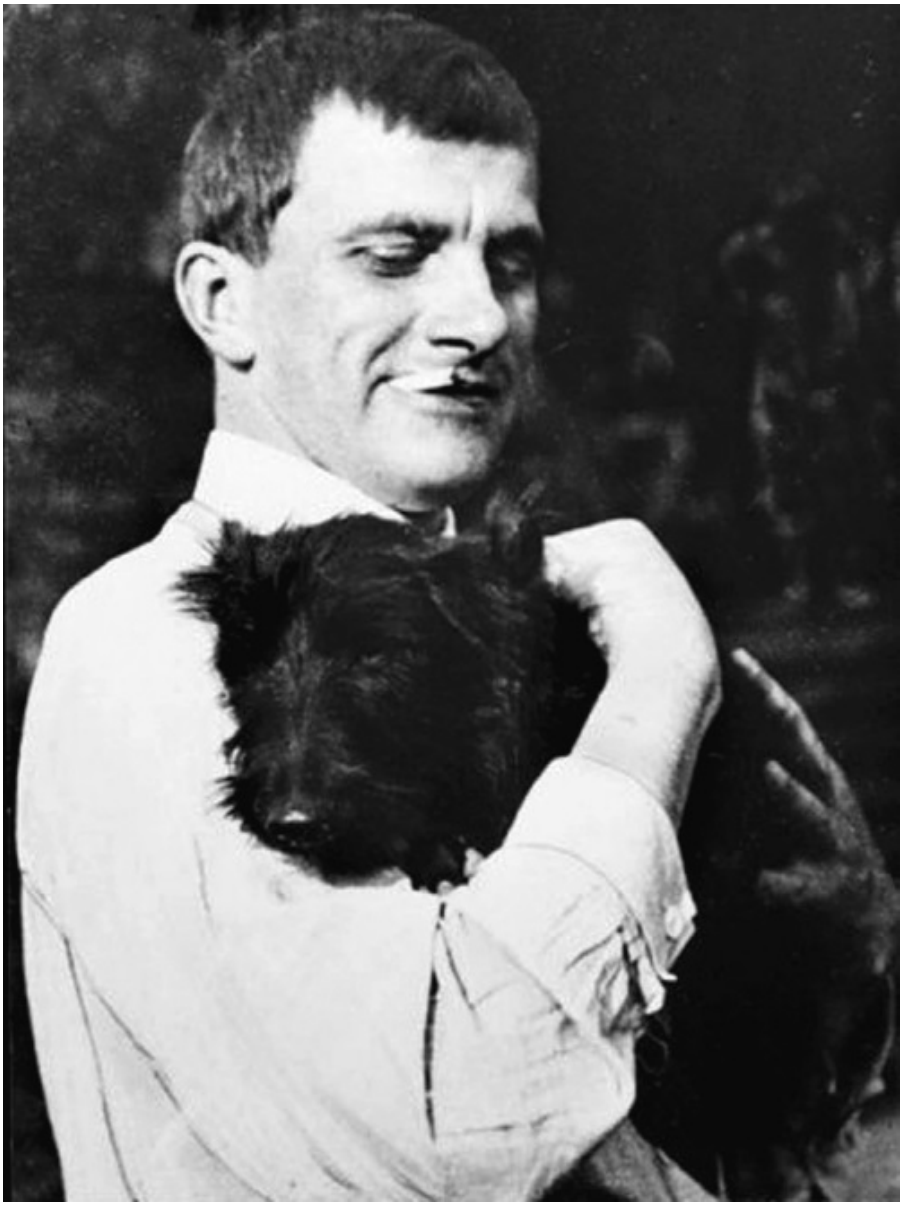
Ваша Киса

Л. Брик – В. Маяковскому, О. Брику

<12 мая 1928 г. Париж – Москва >

Эльзы второй месяц нет денег. Невыносимо беспокоюсь что Володей.

Ваша Киса



«*Володя научил меня любить животных*».
Л. Брик

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик, Э. Триоле
<14 мая 1928 г. Москва – Париж >
Здоровье лучше. Эльзе шлем. Целуем скучаем.
Счен Кис

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик
<20 мая 1928 г. Москва – Париж >

Очень беспокоимся. Нет известий. Телеграфируй немедленно здоровье планы.

Володя начал выходить. Очень скучаем ждем.

Крепко целуем.

Твои Счен Кис

В. Маяковский, О. Брик – Л. Брик

<21мая 1928 г. Москва – Берлин >

Володя поправился начал выходить. Очень целуем ждем.

Твои Счен Кис

Л. Брик – В. Маяковскому

<30 июля 1928 г. Москва – Евпатория >

Дачу обокрали. Переехала город. Люблю и целую.

Твоя одинокая Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<31 июля 1928 г. Евпатория – Москва>

Скучаю. Беспокоюсь.

Телеграфируй немедленно Евпатория Дюльбер.

Около 15 обязательно приеду отдыхать лучший курорт Пушкино. Целую.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<31 июля 1928 г. Евпатория – Москва>

Если украли револьвер удостоверение номер 170 выданное Харьковом прошу заявить ГПУ опубликовать газете. Телеграфируй срочно Евпаторию босая ты или нет. Потороплюсь ехать защищать родного Киса. Целую люблю.

Весь твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<1 августа 1928 г. Москва – Евпатория >

Револьвер цел туфли тоже. Если можешь пришли денежков. Отдыхай. Люблю целую.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<3 августа 1928 г. Ялта – Пушкино>

Беспокоюсь. Телеграфируйте Ялта гостиница Россия. Пятого шестого лекции Евпатории восьмого пятнадцатого Ялте. Целую люблю.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<5 августа 1928 г. Симферополь – Москва>

Надоело нестерпимо. Около десятого еду домой. Завтра посылаю десять. До восьмого Ялта востребование. Целую люблю.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брик

<6 августа 1928 г. Ялта – Москва>

Целую люблю скучаю.

Ваш Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<10 августа 1928 г. Симферополь – Москва>

Приезжаю одиннадцатого девять утра. Целую.

Твой Счен

Л. Брик – О. Брику

<11 августа 1928 г. Москва>

Сладенький мой Осик!

Не беспокойся обо мне: я жива, здорова и сегодня приехал Володя.

Снимали 4 дня. Комната оператора получилась вполне прилично. Остальных кусков еще не видела.

Пудовкин страшно помогает. Я просто не знаю, что мне от благодарности делать!

Хотели нашу героиню снять вместе с Булькой. Повезли Бульку на фабрику, но она подняла там такой невероятный шум! До того скандалила, рвалась, лаяла… пришла в такое истерическое состояние, что из съемки ничего не вышло. Когда мы приехали домой, она забилась в самый угол на тахту и проспала, как камушек, до следующего утра.

Радио болтает такую чепуху, что уши вянут!

Володя приехал с твердым решением строить дом и привезти авто из-за границы. В Крыму было отвратительно – он там опять болел.

Володя видел в Евпатории Асеевых и Станечку Гурвиц с женой. Коля Асеев счастлив и доволен, что не нужно писать для «Лефа». Володя мечтает о журнале вроде «Огонька» с тиражом в сто тысяч!!!

Я ужасно счастлива, что ты отдыхаешь. Поцелуй Женичку очень крепко, скажи ей, чтобы лопала все, что дают, а худеть будет в Москве.

Приезжай толстый, без нервочков…

Целую все твои лапки, лысину, мордочку.

Я тоже люблю тебя больше всего на свете…

Евгения Жемчужная демонстрирует спортивный костюм спроектированный Варвары Степановой. Фотохудожник А. Родченко

В. Маяковский – Л. Брик

<26 августа 1927 г. Ялта>

Сообщите Госиздату название Октябрьской поэмы Хорошо*. Подзаголовок Октябрьская поэма. Частей не делать. Дать отдельным стихам порядковую арабскую нумерацию. Переставь последним предпоследнее стихотворение*. Третьего еду лекции Кисловодск. Около пятнадцатого радостный буду Москве. Целую мою единственную кисячью осячью семью.

Весь ваш Счен.

В. Маяковский – Л. Брик

<3 октября 1928 г. Ленинград – Москва>

Послал пятьдесят. Приеду пятого. Целую.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику

<10 октября 1928 г. Берлин – Москва>

Телеграфьте. Целую.

Счен берлинский

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<11 октября 1928 г. Москва – Берлин>

Целуем.

Твои Кисы

В. Маяковский – Л. Брик

<11–14 октября 1928 г. Берлин – Москва>

Дорогой Кис

Пожалуйста возлелей милого товарища Хайкиса – это мой самый большой мексиканский друг. Он тебе принесет «др» и прочее – все твои берлинские поручения выполняю на 100%

Магалифы (я у них как раз обедаю) тебя приветствуют

Целую тебя весь твой

Целуй Осика.

Л. Брик – В. Маяковскому

<14 октября 1928 г. Москва – Париж>

Любимый мой Щенит-Волосит!

Я почти по тебе не скучаю – монтирую на фабрике от 4-11 вечера. Надеемся, что берлинская телеграмма в которой первое слово telegrafte – была от тебя: все остальные слова до того перевраны, что мы ни … не поняли! «telegrafte zelniu schen cerlius kue»???

Про машину не забудь 1) предохранители спереди и сзади, 2) добавочный прожектор сбоку 3) электрическую прочищалку для

переднего стекла, 4) фонарик сзади с надписью «stop», 5) обязательно стрелки электрические показывающие куда поворачивает машина, 6) теплую попонку чтобы не замерзала вода, 7) не забудь про чемодан и два добавочные колеса сзади. Про часы с недельным заводом.

Цвет и форму (закрытую… открытую) на твой и Эличкин вкус. Только чтобы не была похожа на такси. Лучше всего Buick или Renault. Только не Amilcar! Завтра утром начинаю учиться управлять.

В Политехническом будет доклад Оси «На чорта ли нам стихи». После чего поэты Асеев и Кирсанов прочтут свои стихи!

Малочка уехал сегодня в Берлин. Хотел послать тебе телеграмму. Интересно – застал ли?

Ужасный холод.

Окна замазаны. Мы здоровы. Булька ужасно миленькая телятина. Я разоряюсь на такси оттого что дождь и грязь.

Напиши длинное письмо. Поезжай куда нибудь отдохнуть!

Целую все лапы, макушку (наодеколоненную), один глазик и все щеки.

Поцелуй Эличку, скажи чтобы послала тебя отдохнуть и чтобы написала.

Твоя <кошечка>

Э. Триоле, В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику
<16 октября 1928 г. Париж – Москва>
Целуем.
Эльза Счен

Л. Брик, О. Брик – Э. Триоле, В. Маяковскому
<17 октября 1928 г. Москва – Париж>
Целуем.
Киса Ося

В. Маяковский – Л. Брик
<20 октября 1928 г. Париж – Москва>
Дорогой милый изумительный и родной Кис.

К сожалению я в Париже который мне надоел до бесчувствия тошноты и отвращения.

Сегодня еду на пару дней в Ниццу (навернулись знакомицы) и выберу где отдыхать. Или обоснуюсь на 4 недели в Ницце или вернусь в Германию.

Без отдыха работать не могу совершенно!

Разумеется, ни дня больше двух месяцев я в этих дохлых для меня местах не останусь.

Дела пока не ладятся.

Пискатор пока что прогорел. Парижских ауспиций не видать (мелкие лекциишки), вся надежда на «Малик» – хочет подписать со мной договор – в зависимости от качества пьесы (усиленно дописываю). Ввиду сего на машины пока только облизываюсь – смотрел специально автосалон.

Рутмана я никак не мог найти, говорят, он в отъезде. Икры дал Герцфельду за то, чтоб он доставил Рутману папиросики.

Вероника Полонская. Последняя любовь Маяковского

Шалито хронику обещал послать хотя и разводил недоуменно ручками предлагая вместо кусков какой-то целый культурфильм.

Из искусств могу смотреть только кины куда и хожу ежедневно.

Художники и поэты отвратительнее скользких устриц. Протухших. Занятие это совсем выродилось. Раньше фабриканты делали авто чтоб покупать картины теперь художники пишут картины только чтоб купить авто. Авто для них что угодно только не способ передвижения. Но способ передвижения это все-таки незаменимый.

Был ли у тебя т. Хайкис? Он размилейший.

Люблю и целую тебя, родненькая. Обнимаю Оську и лобызаю Бульку.

Твой Счен.

В телеграмме было Счен берлинский. Спасибо за письмо.

Пиши детик!

20/X-28 г.

В. Маяковский – Л. Брик

<25 октября 1928 г. Париж – Москва>

Пиши телеграфируй. Очень скучаю целую люблю.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<28 октября 1928 г. Москва – Париж>

Щеник! У-УУ-УУУ-УУУУ!..!..!.. Волосит! Уууууууу-у-у!!! Неужели не будет автомобильчика! А я так замечательно научилась ездить!!!

Пожалуйста! Пусть пьеса!

Пожалуйста, привези автомобильчик!!!!!!!!!!!!!!!!!)!!!!!!!!!!!!!!!!

< кошечка>

<кошечка>

Хайкис у нас был. Он ужасно миленький – похож на китайскую собачку.

Хожу во всем новом.

Корректирую твой «том».

В Молодой гвардии последний раз заплатили вместо 350-ти 169 – оказалось меньше строчек чем ты думал.

Приехали заграничные куски для Стеклянного глаза. На днях кончу картину.

Прежде чем покупать машину, посоветуйся со мной телеграфно, если это будет не Renault и не Buick.

У-уууу-у-у-у……!

Где ты живешь? Почему мало телеграфируешь? Пишешь: еду в Ниццу, а телеграмм из Ниццы нет.

Мы здоровы. Оська возится с Катаняном и проявляет. Я монтирую и учусь управлять. Булька хрюкает. Поселился у нас очень миленький котеночек (серенький), только совсем больной и потому везде гадит. А выбросить жалко – может выздоровеет. Он лежал очень грустный а сегодня вдруг стал играть с мухой! Булька его любит, но пристает к нему. Мы все тебя целуем и ужасно любим. А я больше всех.

Твоя Лиля <кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому

<28 октября 1928 г. Москва – Париж>

Телеграфируй автомобильные дела. Целую.

Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик

<29 октября 1928 г. Париж – Москва>

Веду сценарные переговоры Рене Клер. Если доведу, надеюсь, машина будет. Целую.

Твой Счен.

В. В. Маяковскому в Париж

<2 ноября 1928 г. Москва – Париж>

Щенит! Вчера Ося, Коля и Сема выступали. Народу было много. Колька был ужасен! Невозможно было понять, чего он добивается! А когда начал читать стихи публика уходила пачками! Семка читал замечательно. А Оськин доклад был гениальный! Ему хлопали до бесчувствия; прерывали аплодисментами (весь зал)! Он разговаривал ровно час, и я никогда не видела, чтоб кого-нибудь слушали с таким вниманием. Я была ужасно довольная!

Я кончила свою картинку – без одной части, которую все еще не прислали из Берлина. Показывала ее дирекции, все остались довольны. Арустанов говорит, что картина «блестящая» (я этого не нахожу), торопит меня со следующим сценарием (от темы он в восторге), так что работа мне обеспечена. Дирекция не хочет ее пускать в «Артек», а в «Колосс» и в «Арс». Завтра утром буду показывать коммерческому отделу – не думаю, что они с этим согласятся!

Оське картина тоже очень нравится. Он говорит, что она очень «элегантно» сделана и замечательно «смонтирована», а Кулешов говорит, что он бы не смонтировал лучше. (Монтировала только я – без Виталия.) Словом, успех – полный. Я страшно рада,

хотя (честное слово!) считаю это глубоко несправедливым!

Пожалуйста, прочти всё вышесказанное Эличке. Почему она мне не пишет?

Ты писал, что едешь в Ниццу, а телеграммки все из Парижа. Значит, не поехал? Когда же ты будешь отдыхать?! Ты поганейший Щен! И я тебя совершенно разлюблю!!!

Что с Рене Клером? Если не хватит денег, то пошли хоть (через Амторг) 450 долларов на Фордик без запасных частей. Запасные части, в крайнем случае, можно достать для Форда и здесь.

У-уу-ууу!!!?-!!!?

Скажи Эличке чтоб купила мне побольше таких чулок, как я дала тебе на образец, и пары три абсолютно блестящих, в том смысле чтобы здорово блестели и тоже не слишком светлых. Купи еще штуки 3 др. р[азных] р[азмеров?] и попроси Эличку купить бутылочку Нютиной красной водички.

Отчего не пишешь? Мне это интересно!

Пудовкины на днях едут в Берлин.

Очень прошу тебя, Волосенька, отдохни где-нибудь хоть немножечко!

Обнимаю тебя, мой родненький зверит, и страшно нежно целую.

Твоя <кошечка>

Владимир Маяковский на выставке по случаю 20-летия творческой деятельности

Поцелуй Элину мордочку. В газете было объявление о том,

что вышла ее книжка, но в продаже ее еще нет. Завтра буду звонить Тихонову.

В. Маяковский – Л. Брик

<10 ноября 1928 г. Париж – Москва>

Покупаю рено. Красавец серой масти 6 сил 4 цилиндра кондуит интерьер. Двенадцатого декабря поедет Москву. Приеду около восьмого. Телеграфируй. Целую люблю.

Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<12 ноября 1928 г. Париж – Москва>

Дорогой и родной Кисит

Я задержался с этим письмом, т. к. телеграфировал тебе «покупаю» и все еще не перевел в прошедшее время «купил». Но сейчас кажется уже ничего не помешает и денежков с помощью добрых душ на свете я наскребу и назаработаю. Машин симпатичный ты сама должно быть знаешь какой:

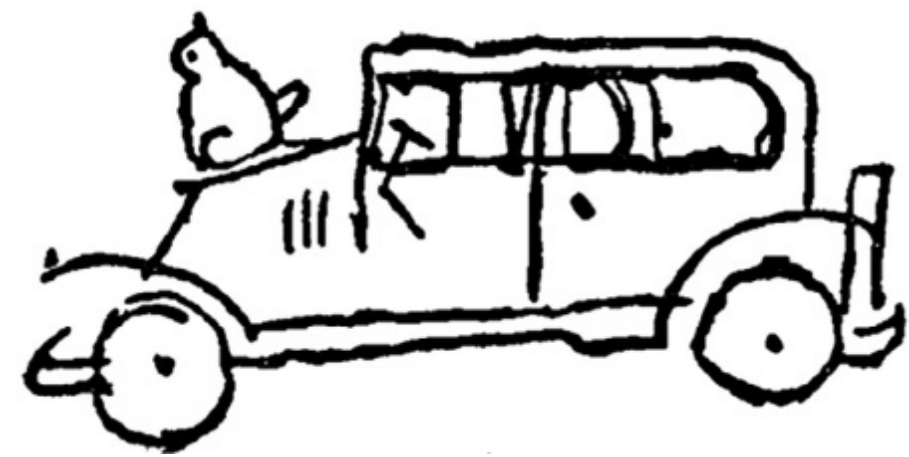


Рисунок конечно корявый но карточку из каталожицы я отдал вместе с заказом а другой пока нет.

Я просил сделать серенький сказали – если успеют а то темно-синий.

Пробуду в Париже немного чтоб самому принять машинку с завода упаковать и послать а то заканителится на месяцы. А пока сижу и раздраконiваю пьесу и сценарий. Это первый бензин который пытается сожрать реношка.

Дико был рад читать твое письмо о «Киноглазе». Кстати не знаю откуда но и проезжавшая через Париж Шатова тоже сей глаз ужасно выхваливала – говорила – говорят.

Кисит телефонируй пожалуйста Кострову что стихи я пишу и с пользой и с удовольствием но многих удобств ради нашлю или навезу их слегка позднее.

Лисит переведи пожалуйста телеграфно тридцать рублей – Пенза Красная ул 52 кв 3 Людмиле Алексеевне Яковлевой.

Лилек если тебе попался для корректуры том с лозунгами и рекламками пообсуди с Осей как бы эти рекламки лучше печатать – бессмысленно же их дуть стихотворным шрифтом! Может заглавным афишным по целой странице? Обдумайте пожалуйста.

Моя жизнь какая-то странная без событий но с многочисленными подробностями это для письма не материал а только можно рассказывать перебирая чемоданы что я и буду делать не позднее 8-10. Пиши и телеграфируй много и обязательно.

Целую тебя родненькая и миленькая и любименькая.

Твой Счен.

Облапь Осика.

Окончание реношных перипетий – телеграфирую.

В. Маяковский – Л. Брик

<19 ноября 1928 г. Париж – Москва>

Переменить нельзя. Машина готова. Скоро едет Москву. Целую.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому, Э. Триоле

<22 ноября 1928 г. Москва – Париж>

Любимые мои Элик и Володик, почему не пишете?

Свинство! Не написать даже подробно детально какая Реношка! (Я ее люблю…)

Купите чехлы на запасные колеса.

Волосит, не рисуй мне, пожалуйста, какой формы радиатор! Это я и так знаю!!

А напишите мне какой она длины, ширины, цвет, украшения – часы, фонари, полоска и т. д. А то я умираю от нетерпения и неизвестности!

Сегодня первый мороз.

Целую ваши мордочки.

<кошечка>

Волосик, привези два футляровых галстука а то нечего носить с джемпером.

В. Маяковский – Л. Брик

<4 декабря 1928 г. Берлин – Москва>

Остановился два дня Берлине. Восьмого буду Москве. Целую люблю.

Счен

В. Маяковский – Л. Брик

<7 декабря 1928 г. Негорелое – Москва>

Приезжаю субботу. Люблю целую.

Твой Счен

Л. Брик – В. Маяковскому

<27 февраля 1929 г. Москва – Париж>

Деньги скоро переведут. Целую.

Твоя Киса

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<10 марта 1929 г. Москва – Париж>

Госиздат обещает скоро перевести. Целуем.

Твои Кисы

И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
«Лиличка. Вместо письма»

В. Маяковский – Л. Брик
<19 марта 1928 г. Берлин – Москва>
Дорогой, родной, милый и любимый Кис.
Спасибо за карточки и письмо. Булька Шнайда посмотрела с

любопытством*, а на остальные карточки обиделась. «Ах так, – говорит, – значит, теперь Киса носит на руках разных светских львенков, а про нас забыла». Я ее уговорил, что ты не забыл, приедешь и будешь ее носить тоже. Немного успокоилась и обещала подождать.

Кстати, как фамилия и где разыскать нашу дачную собачницу с булячьим мужем? Напиши.

Марьянову – не надо давать ни пьес, ни доверенностей. МОДПиК* против этого и уже, насколько я знаю, его сменил.

Профсоюзные и квартирные новости пока что в порядке хождения, но довольно уверенного.

Очень обрадовался Оболенскому* и всем твоим приветам.

Киса, если будешь на моей постановке, обязательно пришли снимки. Если к снимкам приложишь еще и серые фланелевые штаны, я обижаться не буду.

Третьего дня была премьера «Бани». Мне, за исключением деталей, понравилась, по-моему, первая поставленная моя вещь. Прекрасен Штраух. Зрители до смешного поделились – одни говорят: никогда так не скучали; другие: никогда так не веселились. Что будут говорить и писать дальше – неведомо.

У нас бывают всё те же. Новых ни человека. Обедаем 5<-го>и 20-го, 7-го и 12-го и хвастаемся друг перед другом твоими открытиками.

Все тебе и вам пишут и любят вас по-прежнему, а некоторые (мы) и больше, потому что очень соскучились. В начале апреля, очевидно, будут в Берлине Мейерхольды*. «Клопа» с собой не берут, но я и не очень протестую, т. к. моя установка – пусть лучше он нравится в Саратове.

Из новых людей (чуть не забыл) были у меня раза два Семка и Клавка, хотели (Лева) познакомить с Асеевым – я не отбрыкивался, но и не рвался.

Молодые рефовцы же тоскуют по Осе.

Пишите, родные, и приезжайте скорее. Целуем вас ваши всегда

Целуй Эльзу и Арагона.
19/III.

Л. Брик – В. Маяковскому
<20 марта 1929 г. Москва – Париж>
Переводе валюты категорически отказано. Люблю целую.
Твоя Киса

В. Маяковский – Л. Брик
<20–21 марта 1929 г. Париж – Москва>
Дорогой родной любимый милый Личик.
Шлю тебе и Осику посильный привет. Тоскую.
Завтра еду в Ниццу на сколько хватит. А хватит очевидно только на самую капельку. В течение апреля – к концу – буду в Москве. И в Ниццу и в Москву еду, конечно в располагающей и приятной самостоятельности.
Извини, что заталмудил тебя с деньгами. Тем лучше – раньше поеду но конечно все-таки свинство.
Люблю и целую родную Киску.
Целуй Осика и Бульку.

Л. Брик – В. Маяковскому
<30 марта 1929 г. Москва – Ницца>
Телеграфируй разрешение переделать твое серое пальто. Целую.
Киса

Л. Брик – В. Маяковскому
<5 апреля 1929 г. Москва – Париж>
Милый Володик, посылаю тебе, на всякий случай,

Афанасьевские требования.

Двумя крестиками отмечены вещи – абсолютно необходимые, одним крестиком – необходимые и без креста очень нужные. Лампочки в особенности – большие, присылай с каждым едущим, а то мы ездим уже с одним фонарем.

Когда последняя лампочка перегорит – перестанем ездить.

Их здесь совершенно невозможно получить – для нашего типа Рено.

Телеграфировала тебе в Ниццу – телеграмма вернулась с надписью: выехал.

Мы здоровы.

Ничего сенсационного.

Целую.

Твоя <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик

<24 апреля 1929 г. 1929 г. Париж – Москва>

Приеду второго мая. Переведите Негорелое востребование десять червонцев. Целую люблю.

Счен

В. Маяковский – Л. Брик

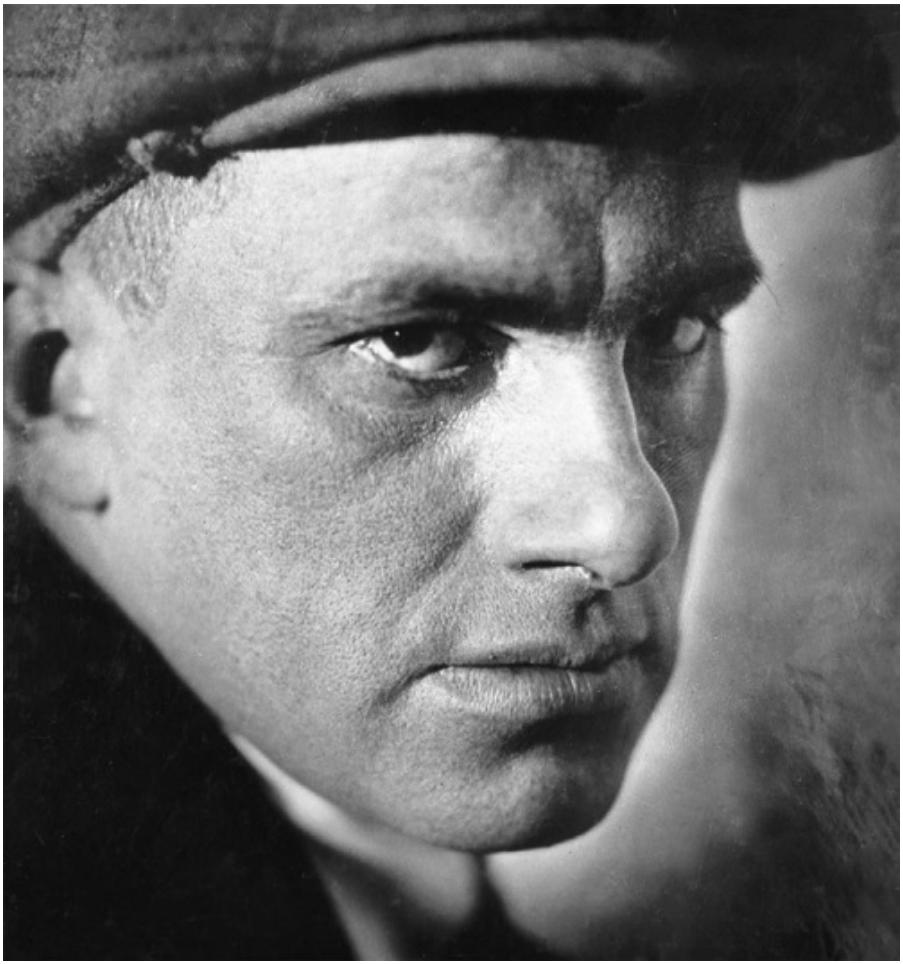
<27 июня 1929 г. Москва – Ленинград>

Дорогой и родной

Личик

Черкни пожалуйста как ты живешь и когда думаешь и думаешь ли ехать в Москву.

Я еще от Лавута никаких телеграммов не получил поэтому о себе ничего не ведаю.



«Всем. В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил. Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет. Лиля – люби меня…»

Из предсмертного письма Владимира Маяковского

Шлю тебе деньгов. Долги постепенно плачу.

Новостей у меня не больше чем в газетах, и в газетах никаких.

Целую тебя родная Киса

Твой

Л. Брик – В. Маяковскому

<28 июня 1929 г. Ленинград – Москва >

Володик!

Я сейчас «нездорова». 4-го будут готовы туфли (2 пары). 5-го хочу ехать.

Напиши или телеграфируй застану ли тебя.
Если найдутся – пришли до 4-го 250 р.
Обнимаю и целую тебя и Бульку.
Ваша <кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик
<29 июня 1929 г. Москва – Ленинград>
Уеду около десятого. Деньги переведу третьего. Целую.
Твой Счен

В. Маяковский – Л. Брик
<3 июля 1929 г. Москва – Ленинград>
Перевел телеграфно двадцать пять.
Целую.
Счен

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику
<29 июля 1929 г. Сочи – Москва >
Совсем заскучал.
Очень прошу пожалуйста телеграфируйте. Ялта востребование. Целую.
Счен

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому
<29 июля 1929 г. Москва – Ялта>
Усиленно делаем Реф. Очень ждем твоего материала. Здоровы. Целуем.
Киса Ося

Л. Брик – В. Маяковскому
<31 июля 1929 г. Москва – Ялта>
Посылаю спешное письмо Ялту до востребования. Целую.
Киса

Л. Брик – В. Маяковскому
<31 июля 1929 г. Москва – Ялта>
Володик, очень прошу тебя не встречаться с Катаевым. У меня есть на это серьезные причины. Я встретила его в Модпике, он едет в Крым и спрашивал твой адрес. Еще раз прошу – не встречайся с Катаевым. 9-го еду на две недели в Одессу – Ося за мной заедет.
Целую <кошечка>

О. Брик – В. Маяковскому

<Ок. 14 августа 1929 г. Москва – Евпатория>

Все в порядке. Борцем сговорено. Киса Одессе Люстдорф дача Фольмер. Я буду двадцатого утром Севастополе. Крепко целую.

Ося

О. Брик, В. Маяковский – Л. Брик

<20 августа 1929 г. Севастополь – Люстдорф>

Володя едет сегодня Москву Ося завтра Ялту гостиница Марино. Крепко целуем любим.

Ося Володя

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<26 августа 1929 г. Одесса – Москва>

Приедем среду утром. Целуем.

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<19 февраля 1930 г. Столбцы – Москва>

Крепко целуем.

Твои Кисы

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<19 февраля 1930 г. Варшава – Москва>

Щенит! Едем очень хорошо. Нашу телеграмму из Столбцов ты, конечно, получил. Целуем тебя и Булечку.

<две кошечки>

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<20 (?) февраля 1930 г. Берлин – Москва>

Крепко целуем тебя всех друзей.

Твои Кисы

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику

<21 февраля 1930 г. Москва – Берлин>

Целуем скучаем.

Ваши Счен Буля

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику

<24 февраля 1930 г. Москва – Берлин>

Дорогие родные милые и любимые Киситы

Спасибо за две телеграммы и открытку. А еще? Очень хочется больше от вас получать письмов и телеграммов – очень скушно что вы уехали сразу обе две. Валя и Яна примчались на вокзал уже когда поезд пополз. Яна очень жалел что не успел ни попрощаться ни передать разные дела и просьбы. Он обязательно

пришлет письмо в Берлин.

Особых новостей у меня пока что конечно не накопилось. Сдал цирку пантомиму понравилась очень.

Сразу подписали со мной договор на обозрение для Мюзик-Холла.

От 5 до 12-го марта выставка моя едет в Ленинград очевидно и я выеду экспонатом.

Кися не забывай писать в записную книжку – все ваши работы и смотры.

Булька по настоящему и очень по вас тоскует Когда я прихожу домой ночью она не только прыгает а по моему даже выучилась держаться на воздухе до тех пор пока не лизнет в лицо.

Целую вас очень

Люблю и жду

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<25 февраля 1930 г. Берлин – Москва>

Володенька!

Наш адрес Ansbacherstr. 57 «Kurfurstenhotel». Berlin W 50. Пиши пожалуйста. Крепко целуем.

Ося, Лиля

О. Брик – В. Маяковскому

<2 марта 1930 г. Берлин – Москва>

Любимый мой Щенит!

В письме ничего не напишешь – всё расскажем когда приедем. К нам ходит масса народу. Одеты мы пока что во всё московское. Только Оське купили пальто и шляпу.

Говорила по телефону с мамой и с Эльзой – здорово! Они к нам приедут – английскую визу нам, должно быть, не дадут.

«Клоп» во Франкфурте пока что не идет, но пойдет – поеду на премьеру.

Ося накупил у антикваров массу «наших» классиков и не нарадуется на них.

Лучше всего здесь песики! Вчера видела в Тиргартене двух белых бульдожьих щененков на одной сворке, а скотики просто невозможно маленькие! Шнейт ходит к нам за печеньем, служит и дает лапку; он ездит с нами на лифте.

Напиши, что у вас в Раппе и у нас в Рефе.

Обгладь у Бульки все местечки, передай Моте, чтоб не забывала ее мыть.

Малик выслал тебе вчера два экземпляра «150.000.000».

Обязательно скажи Снобу что адрес я свой оставила, но никто ко мне не пришел и это очень плохо.

На днях отправлю тебе посылку. Что ты делаешь? С кем встречаешься?

Люби меня, пожалуйста.

Я тебя оч. оч. люблю и оч. оч. скучаю.

Целую ужасно крепко <кошечка>

Дорогой Володик!

Рад, что «меломима» понравилась; жалеем что для мюзик-холла ты будешь писать без меня. Здесь очень интересно; очень много поучительного. Матерьялу масса.

Целую тебя крепко.

Ося

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<4 марта 1930 г. Берлин – Москва>

Волосит! Вот какой сейчас «Курфюрстенотель» шикарный! На моем окне крестик а Осино выходит во двор. Любим целуем.

<кошечка и кот>

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому

<7 марта 1930 г. Берлин – Москва>

Щеники! Целуем вас очень крепко. Отчего не пишете. Мы здоровы. Очень по вас скучаем.

Ваши <две кошечки>

В. Маяковский – Л. Брик, О, Брику

<9 февраля 1930 г. Москва – Берлин>

Скучаем любим целуем. Пишите чаще.

Счен Буль

Л. Брик – В. Маяковскому

<10 марта 1930 г. Берлин – Москва>

Щеники! Второй день хожу по Zoo – народилось щенят видимо-невидимо! Львячьих, тигрячьих, слонячьих, кенгуровых, обезьяновых. Львятика я держала на руках и он меня лизал в морду! Невозможно сладенький. Телеграммку вашу получили. Целую люблю.

Лиля

Л. Брик – В. Маяковскому

<13 марта 1930 г. Берлин – Москва>

Волосит! Я уже писала тебе, чтобы ты прислал «Баню» с доверенностью Марьянову, а то с «Клопом» канитель: три перевода (со слов Марьянова) в Германии, три – во Франции! Премьера задерживается и неизвестно, как будет с авторскими.

Почему нам никто не пишет? От этого очень тревожно.

Что с моим профсоюзом? Что с квартирой? Передал ли тебе и Яне привет Оболенский?

До чего мне хочется такого львятика! Ты представить себе не можешь какие у него мягкие лапочки.

Очень прошу тебя писать.

Шнейт просит передать Булечке свои фотографии и шлет ей свой сердечный привет.

Через несколько дней приезжают Эльза с Арагоном.

Я тебя очень люблю мой Щенит. А ты меня?

Крепко крепко целую.

<кошечка>

В. Маяковский – Л. Брик, О, Брику

<15 марта 1930 г. Москва – Берлин>

Целуем любим пишем очень скучаем.

Счен Буль

Л. Брик – В. Маяковскому

<17 марта 1930 г. Берлин – Москва>

Володик! В Москву поехал тов. Турек.

Мы, к сожалению, не успели с ним познакомиться, но Мария дала ему твой адрес и я очень прошу быть с ним очень, очень любезным.

И немцы и наши советские говорят что это совсем свой человек. Он написал книгу «пролетарий рассказывает», которая сейчас в Москве печатается. Я получила английскую визу, а Ося нет. Если у мамы будет хоть какая нибудь возможность приехать ко мне – я в Англию не поеду.

Получила вашу телеграмму: «скучаем, пишем…» но не могу понять кому пишете – не мне во всяком случае. А хорошо бы если б написали

Целую мордочки и лапочки и грудочки.

<кошечка>

Целуй Эльзу и Арагона.

19/III

Л. Брик – В. Маяковскому

<20 марта 1930 г. Берлин – Москва>

Володик, очень удивлена твоим молчанием. Напиши, пожалуйста, был ли у тебя Оболенский.

Мы с Осей получили английские визы. 23-го приезжают Эльза с Арагоном – поживем с ними дней 10 и уедем в Лондон. В Лондоне – две недели а оттуда с остановкой в Берлине на 1–2 дня

– домой. Увидимся значит 22 апреля.

Если не напишешь немедленно – рассержусь!

Целую вас обоих.

Лиля

<кошечка>

Л. Брик – В. Маяковскому

<22 марта 1930 г. Берлин – Москва>

Волосит! Только что получила твое письмецо. Спешу ответить: Булькиного мужа ищи в телефонной книжке под фамилией Анатолий Александрович Бутлер. Хозяйку зовут Лидия Александровна. Щенятки очень нужны и нам и Бульке. Обязательно займись этим делом.

Во вторник Оськин доклад: Die neueste Literatur im sozialistischen Aufbau der Sowjetunion на немецком языке.

Сегодня приезжает Эльза. Насчет франкфуртской премьеры что то не слыхать ничего. Там сейчас идет пьеса Билля-Белоцерковского.

Шнейт стоит рядом и непрерывно служит – боюсь не объелся бы, больше не дам ничего.

Целую и тискаю вас обоих изо всех сил.

<кошечка> *(Лиля)*

Л. Брик – В. Маяковскому

<26 марта 1930 г. Берлин – Москва>

Волосит! 30-го едем в Лондон. Напиши мне по адресу: 35 Ashbourne Avenue, Golders green, London NW 11, H. Kagan (для Лили). Берлин зверски надоел, но надо посидеть несколько дней с Эльзой. Оська сделал вчера блестящий доклад на немецком языке!! Даже острил с большим успехом!! Публика Политехнического музея. Все возражали ерунду.

Как идет «Баня»? Много ли написал новой поэмы?

Оська читает все немецкие газеты и даже делает вырезки!

Очень хочется поскорее приехать и про все рассказать вам!

Не забывай Аннушку и Веру Георгиевну. Смотри, чтобы мыли Бульку. Займись квартирой и профсоюзом.

Поцелуй Сноба – я не знаю его адреса.

Ты соскучился? Целую тебя очень крепко. Погладь Булечку.

Еще целую

<кошечка> *Лиля*

В. Маяковский – Л. Брик, О, Брику

<28 марта 1930 г. Москва – Берлин>

Скучаем радуемся скорому приезду. Ждем любим целуем.

Счен Буль

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому
<1 апреля 1930 г. Виндзор – Москва>
– Волосик!
Сам понимаешь… Крепко целуем.
Лиля Ося

В. Маяковский – Л. Брик, О. Брику
<3 апреля 1930 г. Москва – Лондон>
Целуем любим скучаем ждем.
Щенки

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому
<5 апреля 1930 г. Лондон – Москва>
Волосик, целую себя в самом парламенте.
Сейчас начнется заседание.
<две кошечки>
Дружеский привет от Д. Богомолова.
Когда вы собираетесь приехать в Лондон?
R. C. Wallhead
W. P. Coates

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому
<7 апреля 1930 г. Лондон – Москва>
Милые щеники, штаны отправлю вам отсюда. Все Скотики вам кланяются. Придумайте пожалуйста новый текст для телеграммы. Этот нам надоел.
Крепко целуем.
Лиля Ося

Л. Брик, О. Брик – В. Маяковскому
<14 апреля 1930 г. Амстердам – Москва>
Волосик!
До чего здорово тут цветы растут! Настоящие коврики – тюльпаны, гиацинты и нарциссы.
Целуем ваши мордочки.
Лиля Ося <две кошечки>
За что ни возьмешься, все голландское – ужасно неприлично!

Заключение

В декабре 1926 г. Маяковский получил ордер на квартиру в Гендриковом переулке, д. 15, на Таганке, куда переехал в апреле вместе с Бриками. Помещение было после ремонта. Удивительно, но в одну квартиру втроем они съехались именно тогда, когда их «супружеская» жизнь уже закончилась. Теперь их связывали только дружеские узы, в которых не было места ревности и страсти. Все трое могли вести совершенно свободный образ жизни вне стен своей общей квартиры, но ночевать должны были дома. Утро и вечер принадлежали им, что бы ни происходило днем. Дневник Лили Брик подтверждает, что это была не теория, они действительно так жили. Оказывается, счастье этой экспериментальной семьи заключалось в том, что каждый из всех троих должен быть полностью свободен от всех остальных.

В мае 1926 года у Маяковского был роман с Натальей Брюханенко. Отношения их были настолько серьезными, что Лиля Брик в одном из писем даже предупредила его в шутливой форме, чтобы он не женился.

В 1928 году Маяковский в Ницце встретился с Элли Джонс, которая родила от него дочку. Тогда же у Маяковского вспыхнул новый, не менее серьезный роман с Татьяной Яковлевой, следствием которого явились стихи, наполненные светлыми строками зарождающегося чувства.

Любить —
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачьей,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить —
это с простынь,
бессоннницей
рваных,
срываться,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Иванны,

считая
своим
соперником.

Маяковский даже предложил Татьяне Яковлевой стать его женой и уехать с ним в СССР (Татьяна жила в Париже), но та не спешила с ответом. Тем не менее, роман продолжался. Маяковский собирался вернуться в Париж в октябре того же года., но ему не суждено было сюда вернуться. Почему он не поехал в Париж? В двух статьях журнала «Огонек» 1968 года в несостоявшейся поездке Маяковского обвиняют Бриков. Они не хотели, чтобы Маяковский женился на Татьяне Яковлевой, это не входило в их планы. Их отношения основывались на том, что они жили втроем. Брики спокойно относились к временным связям, и даже длительный роман Осипа Брика с Жемчужной был воспринят вполне лояльно. Но женитьба Маяковского значила бы конец их совместной жизни, конец всему. 11 октября 1929 года Маяковский из письма Эльзы Триоле сестре в Москву узнал, что Татьяна Яковлева выходит замуж за французского виконта. Маяковский очень тяжело переживал это известие. И все же поиски любви, которая могла бы его спасти, Маяковский продолжил. Еще летом 1929 года он начал ухаживать за актрисой Вероникой Полонской, с которой он собирался съехаться и в присутствии которой он застрелился.

С Бриками Маяковский последний раз виделся 18 февраля 1930 года. После этого они уехали за границу, в Берлин и Лондон. Когда Маяковский покончил с собой, они были в пути домой.

«Почему же застрелился Володя? – пишет Лиля Брик. – В Маяковском была исступленная любовь к жизни, ко всем ее проявлениям – к революции, к искусству, к работе, ко мне, к женщинам, к азарту, к воздуху, которым он дышал. Его удивительная энергия преодолевала все препятствия… Но он знал, что не сможет победить старость, и с болезненным ужасом ждал ее с самых молодых лет.

Всегдашние разговоры Маяковского о самоубийстве! Это был террор. В 16-м году рано утром меня разбудил телефонный звонок. Глухой, тихий голос Маяковского: «Я стреляюсь. Прощай, Лилик». Я крикнула: «Подожди меня!» – что-то накинула поверх халата, скатилась с лестницы, умоляла, гнала, била извозчика кулаками в спину. Маяковский открыл мне дверь. В его комнате на столе лежал пистолет. Он сказал: «Стрелялся, осечка, второй раз не решился, ждал тебя». Я была в неописуемом ужасе, не

могла прийти в себя. Мы вместе пошли ко мне, на Жуковскую, и он заставил меня играть с ним в гусарский преферанс. Мы резались бешено. Он забивал меня темпераментом, обессиливал непрерывной декламацией:

И кто-то во мраке дерев незримый
зашуршал опавшей листвой.
И крикнул: что сделал с тобой любимый,
что сделал любимый твой!
И еще и еще чужие стихи… без конца…

Когда в 1956 году в Москву приезжал Роман Якобсон, он напомнил мне мой разговор с ним в 1920 году. Мы шли вдоль Охотного ряда, и он сказал: «Не представляю себе Володю старого, в морщинах». А я ответила ему: «Он ни за что не будет старым, обязательно застрелится. Он уже стрелялся – была осечка. Но ведь осечка случается не каждый раз!»

Перед тем как стреляться, Маяковский вынул обойму из пистолета и оставил только один патрон в стволе. Зная его, я убеждена, что он доверился судьбе, думал – если не судьба, опять будет осечка, и он поживет еще.

Как часто я слышала от Маяковского слова «застрелюсь, покончу с собой, 35 лет – старость! До тридцати лет доживу. Дальше не стану». Сколько раз я мучительно старалась его убедить в том, что ему старость не страшна, что он не балерина. Лев Толстой, Гете были не «молодой» и не «старый», а Лев Толстой, Гете. Так же и он, Володя, в любом возрасте Владимир Маяковский. Разве я могла бы разлюбить его из-за морщин? Когда у него будут мешки под глазами и морщины по всей щеке, я буду обожать их. Но он упрямо твердил, что не хочет дожить ни до своей, ни до моей старости. Не действовали и мои уверения, что «благоразумие», которого он так боится, конечно, отвратительное, но не обязательное же свойство старости. Толстой не поддался ему. Ушел. Глупо ушел, по-молодому.

Уже после того, как и мне, и Маяковскому стукнуло тридцать, во время такого очередного разговора (мы сидели с ним на кожаном диване в столовой в Гендриковом переулке) я спросила его:

«А как же мне теперь быть, мне-то уже за тридцать?»

Он сказал: «Ты не женщина, ты исключение».

«А ты что ж, не исключение, что ли?!»

Он ничего не ответил.

Мысль о самоубийстве была хронической болезнью Маяковского, и, как каждая хроническая болезнь, она обострялась

при неблагоприятных условиях. Конечно, разговоры и мысли о самоубийстве не всегда одинаково пугали меня, а то и жить было бы невозможно. Кто-то опаздывал на партию в карты – он никому не нужен. Знакомая девушка не позвонила по телефону, когда он ждал, – никто его не любит. А если так, значит – жить бессмысленно. При таких истериках я или успокаивала его, или сердилась на него и умоляла не мучить и не пугать меня.

Но бывали случаи, когда я боялась за него, когда он, казалось мне, близок к катастрофе. Помню, когда он пришел из Госиздата, где долго ждал кого-то, стоял в очереди в кассу, доказывал что-то, не требующее доказательств. Придя домой, он бросился на тахту во всю свою длину, вниз лицом и буквально завыл: я больше не могу… Тут я расплакалась от жалости и страха за него, и он забыл о себе и бросился меня успокаивать.

Вот случай, записанный в моем дневнике: 11 октября 29 года вечером – нас было несколько человек, и мы мирно сидели в столовой Гендрикова переулка. Володя ждал машину, он ехал в Ленинград на множество выступлений. На полу стоял упакованный запертый чемодан.

В это время принесли письмо от Эльзы. Я разорвала конверт и стала, как всегда, читать письмо вслух. Вслед за разными новостями Эльза писала, что Т. Яковлева, с которой Володя познакомился в Париже и в которую был еще по инерции влюблен, выходит замуж за какого-то, кажется, виконта, что венчается с ним в церкви, в белом платье, с флердоранжем, что она вне себя от беспокойства, как бы Володя не узнал об этом и не учинил скандала, который может ей повредить и даже расстроить брак. В конце письма Эльза просит посему-поэтому ничего не говорить Володе. Но письмо уже прочитано. Володя помрачнел. Встал и сказал: что ж, я пойду. Куда ты? Рано, машина еще не пришла. Но он взял чемодан, поцеловал меня и ушел. Когда вернулся шофер, он рассказал, что встретил Владимира Владимировича на Воронцовской, что он с грохотом бросил чемодан в машину и изругал шофера последним словом, чего с ним раньше никогда не бывало. Потом всю дорогу молчал. А когда доехали до вокзала, сказал: «Простите, не сердитесь на меня, товарищ Гамазин, пожалуйста, у меня сердце болит».

Я очень беспокоилась тогда за Володю и утром позвонила ему в Ленинград, в «Европейскую» гостиницу, где он остановился. Я сказала ему, что места себе не нахожу, что в страшной тревоге за него. Он ответил фразой из старого анекдота: «Эта лошадь кончилась», – и сказал, что я беспокоюсь зря.

«А может быть, все-таки приехать к тебе? Хочешь?» – Он обрадовался.

Я выехала в тот же вечер. Володя был невыразимо рад мне, не отпускал ни на шаг. Мы ездили вместе на все его выступления – и в больших залах, и у студентов, в каких-то до отказа набитых комнатах. Выступлений было иногда по два и по три в день, и почти на каждом Володя поминал не то барона, не то виконта: «Мы работаем, мы не французские виконты». Или: «Это вам не французский виконт». Или: «Если б я был бароном…»

Видно, боль отошла уже, но его продолжало мучить самолюбие, осталась обида – он чувствовал себя дураком перед собой, передо мной, что так ошибся. Он столько раз говорил мне: «Она своя, ни за что не останется за границей…»

Судя по публикации Романа Якобсона, Володя бросил писать ей, когда узнал, что она не вернется. Правда, в это время он был уже влюблен в Нору Полонскую.

Часами смотрела я тогда в Ленинграде, как Володя играл на бильярде с Борисом Барнетом. Он был и мрачен, и бурно-весел одновременно.

Но не всегда я могла ходить за ним по пятам. Да он бы не допустил этого. Усмотреть за ним было невозможно. Если б он хоть на минуту увидел опеку с моей стороны, он, вероятно, разлюбил бы меня. К счастью, мне была несвойственна роль няньки.

Когда Володя застрелился, меня не было в Москве. Если б я в это время была дома, может быть, и в этот раз смерть отодвинулась бы. Кто знает!

После Володиной смерти всё время, пока мы жили на Гендриковом, я не переставала слышать, как он приходит домой, открывает дверь своим ключом и со стуком надевает трость на вешалку в передней; не переставала видеть, как, войдя, он немедленно снимает пиджак, ласкает Бульку, идет в ванную без полотенца и возвращается к себе в комнату, неся перед собой мокрые большие руки. По утрам он сидел рядом со мной, боком к столу, прихлебывал чай, читал газеты.

И до сих пор я вижу его на улицах Москвы и Ленинграда и часто называю близких людей – Володя.

Даже написав предсмертное письмо, не обязательно было стреляться. Володя написал это письмо 12-го, а застрелился 14-го. Если б обстоятельства сложились порадостней, самоубийство могло бы отодвинуться. Но всё тогда не ладилось: и проверка своей неотразимости, казалось, потерпела крах, и неуспех «Бани», и тупость и недоброжелательство рапповцев, и то, что на выставку не пришли те, кого он ждал, и то, что он не выспался накануне 14-го. И во всем он был неправ. И по отношению к Норе Полонской, которую хотел заставить уйти от мужа, чтоб доказать

себе, что по-прежнему ни одна не может ему противостоять, и по отношению к постановке «Бани». Правда, пресса ежедневно и грубо ругала ее, но не мог же он не знать, что пьеса блестящая, да и люди, которым он верил больше, чем себе, говорили ему, что он видит на десятки лет вперед, что далеко не все еще понимают, чем грозит нам подымающий голову бюрократизм, что постановка неудачная, что следующая может оказаться прекрасной. Провалилась же сначала «Чайка» Чехова! Рапповцы! Он знал им цену! Чего иного можно было ждать от них?! Не мог же он в них «разочароваться»! А выставка с трудом вмещала ломившуюся на нее молодежь. Неужели он всерьез «справлял юбилей»?

Но он был Поэт. Он хотел всё преувеличивать. Без того он не был бы тем, кем он был.

Оставленное письмо, адресованное «Всем»,
помечено 12 апреля.

«В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля – люби меня.

Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят —

«инцидент исперчен»,

любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.
Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский

12/IV 30

Товарищи Рапповцы, не считайте меня малодушным.

Серьезно – ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль – снял лозунг, надо бы доругаться.

В. М.

В столе у меня 2000 руб. – внесите в налог.

Остальное получите с Гиза.

В. М.».

Весь Маяковский – в своем предсмертном письме. Он боялся, как бы кого-нибудь не обвинили в его смерти. Боялся сплетен. Больше всего он ненавидел сплетни. В нашем быту они начисто отсутствовали.

Он просит прощения и у товарищей, и у родственников за причиненное им горе. При жизни он старался не делать этого.

«Лиля – люби меня». Это значит: прости, не забывай, защищай, не бросай меня и после моей смерти. И после моей смерти я хочу быть первым в твоем сознании, как хотел этого при жизни.

К правительству он обратился словами: Товарищ правительство, – то есть с доверием, дружбой. И убивая себя, он оставался большевиком.

Он по-товарищески просил правительство взять на себя заботу о людях, о которых сам заботился при жизни.

Он поручил Осипу Максимовичу и мне заниматься его литературным наследством: Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся. Это означало: Брики так глубоко знают меня и мои сочинения, что разберутся не только в том, что я уже создал, но и в том, что я задумал.

Несмотря на разногласия с рапповцами, он считал их товарищами в революционной борьбе и не желал, чтобы они думали о нем как о трусе, и пожалел, что не доругался с ними по творческим вопросам, – это было не в его привычках.

Он всегда платил денежные долги и даже после смерти не хотел оставаться ничьим должником.

В столе у меня 2000 рублей – внесите в налог.

И не мог он умереть без стиха, без шутки – они сопутствовали ему всю жизнь.

И то, что упомянул В. В. Полонскую в составе своей семьи. Своей просьбой к товарищу правительству устроить ей сносную жизнь он надеялся дать ей независимость.

И не хотел он, чтобы его смерть послужила кому-нибудь примером: Это не способ (другим не советую). То есть это ничего не решает, ничего не меняет, это бегство, но у него выхода нет – нет сил побороть ощущение надвигающейся старости и с ней так гиперболически, казалось ему, растущей неполноценности.

Счастливо оставаться – пожелал он всем нам. Это было искренне. До последней минуты остался он верен себе.

Прошло много лет со дня смерти Володи.

Лиля – люби меня.

Я люблю его. Он каждый день говорит со мной своими стихами». (Л. Брик. «Пристрастные рассказы»).

История любви Маяковского и Лили Брик со временем обрастала мифами, и уже совершенно невозможно было определить, где правда, а где вымысел. Сделала свое дело и склонность людей романтизировать отношения знаменитых людей. Всегда кажется, что если человек поэт, значит и любовь у него должна быть какая-то неземная, и муза его должна быть не от мира сего. Не хотят люди принимать тот факт, что Лиля Брик была обыкновенной женщиной, которой не чужды были женские капризы и прихоти. Да, из писем видно, как много денег она тратила на покупку вещей для себя, косметики, белья, чулок и прочих женских мелочей. Не стоит забывать, что она была женщиной, которая привыкла баловать себя, красиво одеваться, ни в чем себе не отказывать. А зачем отказывать, когда есть средства, которые мужчины готовы тратить на нее бесконечно и в неограниченных количествах? Да, она жила в свое удовольствие, но это был ее выбор. Мужчины, которые позволяли ей вести роскошный образ жизни, делали это добровольно.

Идеальные отношения Маяковского и Бриков развенчивает Каменский в своих воспоминаниях:

Перцов:

– У Бриков нежности он не нашел?

Каменский:

– Об этом специально книгу можно написать, что они с ним делали. Там совершенно феноменальный перелом произошел, когда он с ними познакомился.

Перцов:

– У меня такое ощущение, что наибольшее наслаждение ему давала игра.

Каменский:

– Правильно. Он даже мне сказал такую фразу (о пьесах мы говорили), «что там пьесы писать! Если бы я написал пьесу, то только об игорном доме. Из опер я признаю только «Пиковую Даму».

Перцов:

– А Брики очень жестко его держали, ну и вся эта компания?..

Каменский:

Я часто спрашивал его:

– Что, Володя, ты счастлив?

Он безнадежно махал рукой:

– Мне, говорит, никогда не было счастья. Где это счастье? Все это пустяки, «ерунда», как он любил называть: «декорация».

И тут все до смешного просто объясняется. Он был бесконечно одиноким человеком, среди людей ухитрялся быть одиноким человеком. Вдруг он выпадал из компании, – ходит, а живет чем-то своим.

– «Володя»! – он не сразу откликается. Даже тут, у Бриков это было. Такова была его натура, что он был страшно одинок, необычайно. И эта так называемая любовь, конечно, очень быстро его разочаровала. И вполне понятно. …Я чувствовал, что конец наступил после первой встречи, может быть, не прошло двух-трех недель. А тогда всем казалось – вот любовь! Вот любовь! Казалось так внешне. Все это была игра. Он в жизни игроком был, он и тут играл. Правда, там о нем заботились, потому что Володя был чрезвычайно выгоден – это был настолько широкий, Атлантический океан. Если он выигрывал 600 рублей вечером, он тут же выкидывал их на стол. Это нравилось – схватить такие деньги. А там были новые проекты, новые выступления. И все это ему нравилось. Это уже 1915–1916 год, в особенности 15-й».

Возможно, это слишком категоричный взгляд на отношения Маяковского и Бриков. А может быть, и правда, все эти отношения были всего лишь игрой, мишурой для публики? Когда читаешь такие полярные взгляды на отношения этих двух людей, понимаешь, что истина всегда посередине. Каждый выберет для себя сам ответ по душе, потому что докопаться до истины в этих отношениях практически невозможно.

Хотя… Ответ в стихах Владимира Маяковского:

Не смоют любовь
ни ссоры,
ни вёрсты.
Продумана,
выверена,
проверена.
Подъемля торжественно стих строкопёрстый,
клянусь —
люблю
неизменно и верно!

Осип умер в 1945 году. Его смерть Лиля переживала особенно тяжело. «Я любила, люблю и буду любить Осю больше чем брата, больше чем мужа, больше чем сына. Он неотделим от меня», – признавалась она и добавляла, что отказалась бы от всего в

жизни, лишь бы только Осип продолжал жить. Когда её осторожно спросили, отказалась бы Лиля Юрьевна от Маяковского, чтобы не потерять Осипа, она утвердительно кивнула головой.

Умерла Лиля Брик в 1978 году. Она ушла из жизни, выпив большую дозу снотворного. Муза поэта, своевольная и своенравная, и здесь осталась верна себе: она сама определила конец собственной жизни.

Лилю мы видели на фотографиях и молодой обаятельной обольстительницей мужчин, и старой умудренной опытом женщиной, которой достался драгоценный дар, – воспоминания о бурной молодости и сумасшедшей любви, оставившей после себя бессмертные стихи, посвященные ей. А Маяковского мы запомним только молодым, полным сил, мужского обаяния и безграничной любви. У него не было старости.

Два человека, две сильных личности, Лиля Брик и Владимир Маяковский сами определили срок своей жизни. В этом они оказались похожи. Только срок одного оказался короче… Они ушли из жизни, а любовь… Любовь осталась…

Лиличка! Вместо письма
Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в кручеными ховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступленный, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще —
выгонишь,
может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.

Все равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике выреветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом уморят —
он уйдет,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек…
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

26 мая 1916 г. Петроград

notes

Примечания

1

Б. Янгфельдт «Я – для меня мало», 2012 г.

2

Мария Никифоровна Бурлюк – (1894–1967 гг.) пианистка, издатель и коллекционер. Жена Д. Бурлюка

3

Эльза Триоле – (1896–1967 гг.) младшая сестра Л. Брик, французская писательница, переводчица. Лауреат Гонкуровской премии, жена Л. Арагона.

4

Лев Александрович Гринкруг (1889–1987 гг.) – советский литературный и киноредактор, финансист, финансовый директор Российского телеграфного агентства (РОСТА) (1919–1925) Близкий друг Владимира Маяковского, Лили и Осипа Бриков.

5

Здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация